

А. Малышевский

II

Русский путь
братьев Киреевских

16+

А. Мальшевский
Русский путь братьев
Киреевских. В 2-х кн. Кн. II

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53837887

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-06619-9

Аннотация

Перед читателем историко-литературная биография Ивана Васильевича Киреевского (22 марта / 3 апреля 1806 – 11 / 23 июня 1856) и Петра Васильевича Киреевского (11 / 23 февраля 1808 – 25 октября / 6 ноября 1856) – двух великих сынов Отечества, двух выдающихся деятелей русской культуры, двух основоположников и идеологов славянофильства. Адресуется самому широкому кругу читателей, интересующихся историей России первой половины XIX века.

Содержание

Глава V. Деятнадцатый век. Европейская образованность и русская самобытность	4
1	4
2	8
3	63
Глава VI. Собрание русских народных песен и стихов. Песенная прокламация	147
1	147
2	199
Конец ознакомительного фрагмента.	200

Глава V. Девятнадцатый век. Европейская образованность и русская самобытность

1

По возвращении на родину жизнь братьев Киреевских постепенно стала входить в свою прежнюю колею. Зимой 1831 года провели большей частью в Долбине, лето – на даче в подмосковном Ильинском. Из занятий главные – *брожение*, чтение и раздумывание. М. П. Погодин недоумевал: «Киреевского¹ я не понимаю. Лежит и спит; да неужели он ничего не надумывает? Невероятно»². И действительно, за весь 1831 год из-под пера И. В. Киреевского вышел только «Хор из трагедии “Андромаха”»:

Были дни: велик и пышен
Ты стоял, Приамов дом,
Дланью Зевсовой возвышен,
Полный златом и серебром.

---

¹ Ивана Васильевича.

² См.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: в 22 кн. СПб., 1890. Кн. 3. С. 367.

Был врагам далеко страшен,
Гордый силою своей,
Высотой стен и башен,
Быстротечностью коней.
Всеми благами украшен,
Ты лелеял с давних дней
Непорочность дев стыдливых,
Прелесть жен благочестивых,
Дерзость юношей кичливых,
Веледушие мужей.

Но Парисовой изменой
Прогневился Кронион;
Гибель, следом за Еленой,
Входит в светлый Илион.
Ополчаются Атриды
Сокрушить Приама трон —
Златовласой Тиндариды
Выдать им не хочет он! —
Вот судами вокруг Авлиды
Синий Понт загромождён,
И, по манию Паллады,
От разгневанной Геллады
Броненосные громады
Понеслись на Илион.
Но вотще неутомимо
Греков ратуют вожди,
Пред врагом за край родимый
Гектор всюду впереди.

От руки неодолимой
Тьмы ахейцев в прах легли,
Но судьбе неумолимой
Боги Троию обрekli!
Гектор пал за край родимый...
Зашумели корабли,
Стихли яростные бои,
И ахейские герои
От развалин бывшей Трои
В путь возвратный протекли³.

У П. В. Киреевского 1831 год, так же как и у брата Ивана, не был особо примечателен. Пожалуй, лишь одно событие выделяется из общей череды. Так, в Ильинском Петр Васильевич предпринимает попытку записывать народные песни, о чем сообщает А. А. Елагину припиской к письму А. П. Елагиной-Киреевской 8 июня 1831 года: «Эти несколько строк происходят теперь не оттого, что я поздно встал или опоздал на почту, а оттого, что пишу русские песни, сказываемые мне одной из здешних юных дев»⁴.

Зато какой итог... Собравшись с мыслями, в сентябре 1831 года И. В. Киреевский подал прошение в Московский цензурный комитет на издание в 1832 году «журнала наук и словесности» в шести томах, или 24 книжках, под названием

---

³ Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. 246–247.

⁴ Литературное наследство. М., 1968. Т. 79. С. 39.

«Европеец». Петр же Васильевич Киреевский в конце 1831 года поступает на службу в Московский архив Государственной коллегии (Министерства) иностранных дел актуариусом при комиссии по изданию грамот. Должности, открывающей возможность работать над древними рукописями и старопечатными изданиями, П. В. Киреевский добивался долго, сдавая соответствующие экзамены. Не обошлось и без протекции В. А. Жуковского; Василий Андреевич хлопотал за родственника перед главой Министерства иностранных дел графом Нессельроде.

Известно, что и «Европеец» И. В. Киреевского будет закрыт сразу же после выхода в свет второй книжки, и П. В. Киреевский не получит в архиве ожидаемого: главный управляющий А. Ф. Малиновский отнесется к молодому исследователю без особого понимания и будет держать его на переводах *паспортов, духовных и тяжб разным бродягам – итальянцам, англичанам, немцам...* Но это еще только будет, а пока братья Киреевские возвращались к жизни деятельной и творчески активной.

Журнал «Европеец» был определенным итогом заграничного образования И. В. Киреевского. В нем Иван Васильевич видел возможность *озарения* современников *светом европейской научной мысли*, а отсюда мысли о журнале как путешествии по Европе для тех, кто не совершает его по тем или иным причинам; о журнале как обучении в лучших европейских университетах для тех, кто не может этого себе позволить; о журнале как изучении сочинений *первых писателей теперешнего времени*, для тех, кто не имеет времени или средств *брать уроки из первых рук*.

Вот оглавление первых двух книжек «Европейца».

№ 1. – «Девятнадцатый век» И. В. Киреевского. – «Сказка о спящей царевне» В. А. Жуковского. – «Император Иулиан», перевод из Вильмена Д. С. – «О слоге Вильмена» И. В. Киреевского. – «Элегия» Е. А. Баратынского. – «Е. А. Свербеевой», «Ау», стихотворения Н. М. Языкова. – «Чернец», повесть, с немецкого. – Письма Гейне о картинной выставке. – Критика: «Обозрение русской литературы» И. В. Киреевского. – Письма из Парижа Лудвига Берне. – Смесь. – «Литературные новости», А. – «Североамериканский сенат», В. – «Мысли из Жан-Поля», С. – «Горе от ума» – на московском театре» И. В. Киреевского. – Д. Письмо из Лондона.

№ 2. – «Война мышей и лягушек» В. А. Жуковского. –

«Перстень», повесть в прозе Е. А. Баратынского. – «Воспоминание», стихотворение Н. М. Языкова. – Карл Мария Вебер, с немецкого. – «Конь» Н. М. Языкова. – «Элегия» его же. – «Языкову» Е. А. Баратынского. – Письма Гейне, окончание. – «Современное состояние Испании», статья, составленная П. В. Киреевским. – «Иностранке» А. С. Хомякова. – Ей же А. С. Хомякова. – «Обозрение русской литературы» И. В. Киреевского. – О Бальзаке. – Смесь. – Письмо из Парижа А. И. Тургенева. – Письмо из Берлина. – «Русские Альманахи» И. В. Киреевского. – «Антикритика» Е. А. Баратынского. – О небесных явлениях.

Как мы видим, значительная часть обеих книжек «Европейца» состоит из статей самого И. В. Киреевского, в которых он высказал мысли, совершенствовать и развивать которые будет всю оставшуюся ему жизнь.

Естественно, что для своего журнала И. В. Киреевский сам подготовил «Обозрение русской словесности». Свой литературно-критический анализ публикаций 1831 года Иван Васильевич начинает с размышлений о месте словесности в русском обществе. Сравнивая отечественную литературу с ребенком, «который только начинает чисто выговаривать»⁵, он относит ее к *единственному указателю* умственного развития нации и делает знаменательный вывод: «...в России следовать за ходом словесности необходимо не толь-

---

⁵ Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. С. 51.

ко для литераторов, но и для каждого гражданина, желающего иметь какое-нибудь понятие о нравственном состоянии своего отечества»⁶.

Поставив перед собой задачу «определить настоящую степень нашего литературного развития и вместе открыть отношение нашей образованности вообще к успехам нашей словесности в особенности»⁷, И. В. Киреевский высказал намерение рассмотреть три важнейших явления поэзии 1831 года: «Бориса Годунова» А. С. Пушкина, поэму Е. А. Баратынского «Наложница», собрание «Баллад и повестей» В. А. Жуковского. Разбор «Бориса Годунова» появился в первом номере «Европейца», «Наложницы» – во втором; была ли написана часть о собрании «Баллад и повестей», неизвестно. Уже после закрытия журнала Иван Васильевич писал П. А. Вяземскому: «...при случае я пришлю Вам мой разбор последней главы “Онегина”, который был было напечатан в третьей книжке. Поправьте его, как угодно, и передайте Сомову⁸ в его сборники для напечатания без имени»⁹.

Материал И. В. Киреевского о «Борисе Годунове» можно с полной долей уверенности отнести к одному из самых значительных и глубоких литературно-критических сочинений, появившихся при жизни А. С. Пушкина. В «Обзрении рус-

---

⁶ Там же. С. 52.

⁷ Там же. С. 53.

⁸ Орест Михайлович Сомов.

⁹ Литературное наследство. М., 1952. Т. 58. С. 108.

ской словесности за 1831 год», как и в предыдущих статьях, Иван Васильевич старался определить своеобразие пушкинского творчества, выявить его отличия от образцов как европейской, так и отечественной литературы. Еще в статье «Нечто о характере поэзии Пушкина»¹⁰ он особо выделил опубликованную в «Московском вестнике»¹¹ сцену «Ночь. Келья в Чудовом монастыре», утверждая, что в ней особенно обнаруживается зрелость пушкинского таланта.

«Обозрение русской словесности за 1831 год» появилось уже после большинства журнальных отзывов о «Борисе Годунове», поэтому несет в себе характерный для И. В. Киреевского полемический заряд. Споря с нормативными представлениями о драме, которые демонстрировали В. Т. Плаксин, И. Н. Средний-Камашев и Н. И. Надеждин, Иван Васильевич доказывает простую, казалось бы, истину, «что в каждом народе рождению собственной словесности предшествовало поклонение чужой, уже развившейся. Но если первые поэты были везде подражателями, то естественно, что первые судьи их держались всегда чужого кодекса и повторяли наизусть чужие правила, не спрашиваясь ни с особенностями своего народа, ни с его вкусом, ни с его потребностями, ни с его участием»¹². Как же можно судить отечествен-

---

¹⁰ Московский вестник. 1828. Ч. VIII. № 6.

¹¹ Московский вестник. 1827. Ч. I. № 1.

¹² Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. С. 54.

ных критиков при отсутствии самой русской критики? – вопрошает автор «Обозрения...». Даже обратившись к суждениям о «литературе нашей, которые составлены с самою большею отчетливостью и с самым меньшим пристрастием», мы и тогда «найдем зависимость мнения от влияния словесностей иностранных. Тот судит нас по законам, принятым в литературе французской, тот образцом своим берет литературу немецкую, тот английскую и хвалит все, что сходно с его идеалом, и порицает все, что не сходно с ним. Одним словом, нет ни одного критического сочинения, которое бы не обнаруживало пристрастия автора к той или другой иностранной словесности, пристрастия по большей части безотчетного, ибо тот же критик, который судит писателей наших по законам чужим, обыкновенно сам требует от них национальности и укоряет за подражательность»¹³.

Вышедшие ранее литературно-критические разборы «Бориса Годунова» служили для И. В. Киреевского подтверждением его главного тезиса: пушкинская поэзия – свидетельство успеха именно русской литературы, но и мерило нашей общей образованности. Иначе чем объяснить тот факт, когда «иной критик, – пишет Иван Васильевич, – <...> хвалит особенно те сцены, которые более напоминают трагедию французскую, и порицает те, которым не видит примера у французских классиков. Другой <...> требует от Пушкина сходства с Шекспиром и упрекает за все, чем поэт наш отлича-

---

¹³ Там же. С. 55.

ется от английского трагика, и восхищается только тем, что находит между обоими общего. Каждый, по-видимому, приносит свою систему, свой взгляд на вещи, и ни один, в самом деле, не имеет своего взгляда, ибо каждый занял его у писателей иностранных, иногда прямо, но чаще понаслышке. И эта привычка смотреть на русскую литературу сквозь чужие очки иностранных систем до того ослепила наших критиков, что они в трагедии Пушкина не только не заметили, в чем состоят ее главные красоты и недостатки, но даже не поняли, в чем состоит ее содержание.

В ней нет единства, – говорят некоторые из критиков, – нет поэтической гармонии, ибо главное лицо, Борис, *заслонено* лицом второстепенным, Отрепьевым.

Нет, – говорят другие, – главное лицо не Борис, а Самозванец; жаль только, что он не довольно развит и что не весь интерес сосредоточивается на нем, ибо где нет единства интереса, там нет стройности.

Вы ошибаетесь, – говорят третьи, – интерес не *должен* сосредоточиваться ни на Борисе, ни на Самозванце. Трагедия Пушкина есть трагедия *историческая*, следовательно, не страсть, не характер, не лицо должны быть главным ее предметом, но целое время, *век*. Пушкин то и сделал: он представил в трагедии своей верный очерк века, сохранил все его краски, все особенности его цвета. Жаль только, что эта картина начертана поверхностно и не полно, ибо в ней забыто многое характеристическое и развито многое лишнее,

например, характер Марины и т. п. Если бы Пушкин понял глубже время Бориса, он бы представил его полнее и ощутительнее...»¹⁴.

Для И. В. Киреевского очевидно, что «не чужие уроки, но собственная жизнь, собственные опыты должны научить нас мыслить и судить. Покуда мы довольствуемся общими истинами, не примененными к особенности нашего просвещения, не извлеченными из коренных потребностей нашего быта, до тех пор мы еще не имеем своего мнения либо имеем ошибочное; не ценим хорошего-приличного потому, что ищем невозможного-совершенного, либо слишком ценим недостаточное потому, что смотрим на него из дали общей мысли и вообще меряем себя на чужой аршин и твердим чужие правила, не понимая их местных и временных отношений»¹⁵.

В чем же состоит главная особенность созданного Пушкиным «Бориса Годунова»? Сам И. В. Киреевский отвечает на поставленный им же вопрос так: автор трагедии сосредоточил свое внимание не на отдельных героях и не на их страстях, а на преступлении русского царя и его последствиях для русской истории. Иван Васильевич замечает, что «и Борис, и Самозванец, и Россия, и Польша, и народ, и царедворцы, и монашеская келья, и государственный совет – все лица и все сцены трагедии развиты только в *одном от-*

---

¹⁴ Там же. С. 55–57.

¹⁵ Там же. С. 54.

ношении: в отношении к последствиям царевубийства. Тень умерщвленного Димитрия царствует в трагедии от начала до конца, управляет ходом всех событий, служит связью всем лицам и сценам, расставляет в одну перспективу все отдельные группы и различным краскам дает один общий тон, один кровавый оттенок»¹⁶. И далее: «Трагедия Пушкина развивает последствия дела уже совершенного, и преступление Бориса является не как *действие*, но как сила, как мысль, которая обнаруживается мало-помалу то в шепоте царедворца, то в тихих воспоминаниях отшельника, то в одиноких мечтах Григория, то в силе и успехах Самозванца, то в ропоте придворном, то в волнениях народа, то, наконец, в громком ниспровержении несправедливо царствовавшего дома. Это постепенное возрастание коренной мысли в событиях различных, но связанных между собою одним источником, дает ей характер сильно трагический и таким образом позволяет ей заступить место господствующего лица, или страсти, или поступка»¹⁷.

Именно этот особый психологизм пушкинской поэтической мысли, составляющий *главный предмет* «Бориса Годунова», сближает его с античной трагедией, но делает непонятным для современной публики и критики, «ибо ни в какой литературе правила вкуса не предшествовали образ-

---

¹⁶ Там же. С. 57.

¹⁷ Там же. С. 58.

дам»¹⁸. Создание Пушкина, в котором «главная пружина не страсть, а мысль, по сущности своей не может быть понята большинством нашей публики, ибо большинство у нас не толпа, не народ, наслаждающийся безотчетно, а господа читатели, почитающие себя образованными: они, *наслаждаясь*, хотят вместе *судить* и боятся прекрасного-непонятого как злого искушителя, заставляющего чувствовать против совести. Если бы Пушкин, вместо Годунова, написал эхилловского “Прометея”, где также развивается воплощение мысли и где еще менее *ощутительной* связи между сценами, то, вероятно, трагедия его имела бы еще меньше успеха и ей не только бы отказали в праве называться *трагедией*, но вряд ли бы признали в ней какое-нибудь достоинство, ибо она написана ясно против всех правил новейшей драмы. Я не говорю уже об нас, бедных критиках; наше положение было бы тогда еще жалче: напрасно ученическим помазком старались бы мы расписывать красоты великого мастера – нам отвечали бы одно: “Прометей” не трагедия, это стихотворение беспримерное, какого нет ни у немцев, ни у англичан, ни у французов, ни даже у испанцев, – как же вы хотите, чтобы мы судили об ней? На чье мнение можем мы сослаться?»¹⁹. Таков неутешительный вывод И. В. Киреевского о *состоянии литературной образованности* его времени, который он констатировал «не как упрек публике, но как *факт* и более как упрек

---

¹⁸ Там же. С. 54.

¹⁹ Там же. С. 58–59.

поэту, который не понял своих читателей»²⁰. Ибо «своевременность столько же достоинство, сколько красота...»²¹.

А. С. Пушкин был рад появлению нового журнала, остался он доволен и размещенной в «Европейце» статьей о своем «Борисе Годунове». От этого времени сохранились два письма поэта²², обращенные к И. В. Киреевскому.

Петербург. 4 февраля 1832 года

Милостивый государь Иван Васильевич!

Простите меня великодушно за то, что до сих пор не поблагодарил Вас за «Европейца» и не прислал Вам смиренной дани моей. Виною тому проклятая рассеянность петербургской жизни и альманахи, которые совсем истощили мою казну, так что не осталось у меня и двестишя на черный день, кроме повести²³, которую сберег и из коей отрывок препровождаю в Ваш журнал. Дай Бог многие лета Вашему журналу! Если гадать по двум первым номерам, то «Европеец» будет долголетен. До сих пор наши журналы были сухи и ничтожны или дельны, да сухи; кажется, «Европеец» первый соединит дельность с заманчивостию. Теперь несколько слов об журнальной экономии: в первых двух книжках

---

²⁰ Там же. С. 59.

²¹ Там же.

²² Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений в четырех томах. Т. 4. С. 196–198.

²³ Имеется в виду «Домик в Коломне».

Вы напечатали две капитальные пьесы Жуковского и бездну стихов Языкова; это неуместная расточительность. Между «Спящей царевной»²⁴ и «Мышью Степанидой»²⁵ должно было быть по крайней мере три номера. Языкова довольно было бы двух пьес. Берегите его на черный день. Не то как раз промотаетесь и принуждены будете жить Раичем²⁶ да Павловым²⁷. Ваша статья о «Годунове» и о «Наложнице» порадовала все сердца: насилу-то дождались мы истинной критики²⁸. Избегайте ученых терминов и старайтесь их переводить, т. е. перефразировать: это будет и приятно неучам, и полезно нашему младенчеству языку. Статья Баратынского хороша, но слишком тонка и растянута (я говорю о его антикритике). Ваше сравнение Баратынского с Миерисом удивительно ярко и точно. Его элегии и поэмы точно ряд прелестных миниатюр, но эта прелесть отделки, отчетливость в мелочах, тонкость и верность оттенков – все это может ли быть порукой за будущие успехи его в комедии, требующей, как и сценическая живопись, кисти резкой и широкой? Надеюсь, что «Европеец» разбудит его бездействием. Сердечно кланяюсь Вам и Языкову.

---

²⁴ «Сказка о спящей царевне».

²⁵ Отрывок из сказки «Война мышей и лягушек».

²⁶ Семен Егорович Раич.

²⁷ Николай Филиппович Павлов.

²⁸ «Обозрение русской словесности за 1831 год».

Петербург. 11 июля 1832 года

Милостивый государь Иван Васильевич!

Я прекратил переписку мою с Вами, опасаясь навлечь на Вас лишнее неудовольствие или напрасное подозрение, несмотря на мое убеждение, что уголь сажаю не может замараться. Сегодня пишу Вам по оказии и буду говорить Вам откровенно. Запрещение Вашего журнала сделало здесь большое впечатление: все были на Вашей стороне, т. е. на стороне совершенной безвинности; донос, сколько я мог узнать, ударил не из болгаринской навозной кучи, но из тучи. Жуковский заступился за Вас с своим горячим прямодушием, Вяземский²⁹ писал к Бенкендорфу³⁰ смелое, умное и убедительное письмо; Вы одни не действовали, и вы в этом случае кругом неправы. Как гражданин лишены Вы правительством одного из прав всех его подданных, Вы должны были оправдываться из уважения к себе и, смею сказать, из уважения к государю, ибо нападения его не суть нападения Полевого³¹ или Надеждина³². Не знаю, поздно ли, но на Вашем месте я бы и теперь не отступился от сего оправдания: начните письмо Ваше тем, что, долго ожидая запроса от правительства, Вы молчали до сих пор, но... Ей Богу, это было бы не лишнее.

---

²⁹ Князь Петр Андреевич Вяземский.

³⁰ Александр Христофорович Бенкендорф.

³¹ Николай Алексеевич Полевой.

³² Николай Иванович Надеждин.

Между тем обращаюсь к Вам, к брату Вашему³³ и к Языкову с сердечной просьбою. Мне разрешили на днях политическую и литературную газету. Не оставьте меня, братие! Если вы возьмете на себя труд, прочитав какую-нибудь книгу, набросать об ней несколько слов в мою суму, то Господь Вас не оставит. Николай Михайлович³⁴ ленив, но так как у меня будет как можно менее стихов, то моя просьба не затруднит и его. Напишите мне несколько слов (не опасаясь тем повредить моей политической репутации) касательно предполагаемой газеты. Прошу у Вас советов и помощи.

Шутки в сторону: Вы напрасно полагаете, что Вы можете повредить кому бы то ни было Вашими письмами. Переписка с Вами была бы мне столь же приятна, как дружба Ваше для меня лестно. С нетерпением жду Вашего ответа – может быть, на днях буду в Москве.

Пушкинскую оценку журнала «Европеец» и литературной критики И. В. Киреевского разделяли многие. Так, В. Ф. Одоевский утверждал, что «статьею о Борисе все восхищаются»³⁵. А вот мнение об «Обозрении русской словесности за 1831 год», которым делится в письме к Н. М. Языкову

---

³³ Петр Васильевич Киреевский.

³⁴ Николай Михайлович Языков.

³⁵ Из письма В. Ф. Одоевского И. В. Киреевскому 2 февраля 1832 года. См.: Пушкин в прижизненной критике. 1831–1833 / под ред. Е. О. Ларионовой. СПб., 2003. С. 385.

В. Д. Комовский: «Киреевский более, чем кто-либо, послужил ему³⁶ и в “Московском вестнике”³⁷, и теперь “Бориса” он ставит на самую выгодную для него точку перед зрителями; но тут остается еще два вопроса решить. Во-1-х, драматическое сочинение, излагающее не действие, а следствие оно-го, – не есть ли прямое противоречие понятию о драме? и, во-2-х, удовлетворительно ли в “Борисе” развиты и показаны следствия убиения Дмитрия? На последнее – ответ Киреевского будет, вероятно, в следующих номерах»³⁸. Наконец, Е. А. Баратынский, ознакомившись с первым номером «Европейца», писал И. В. Киреевскому: «О слогe Вильмена статья прекрасная. Нельзя более в меньших словах с такой ясностью, с таким вкусом, с такою правдою. И Вильмен и Бальзак оценены вполне и отменно справедливо. Разбор “Годунова” отличается тою же верностью, тою же простотою взгляда. Ты не можешь себе представить, с каким восхищением я читал просвещенные страницы твоего журнала, сам себе почти не веря, что читаю русскую прозу, так я привык почерпать подобные впечатления только в иностранных книгах»³⁹.

Нельзя не отметить, что приведенным выше размышлениям Е. А. Баратынского предшествовала большая перепис-

---

³⁶ Александру Сергеевичу Пушкину.

³⁷ Имеется в виду статья «Нечто о характере поэзии Пушкина».

³⁸ Литературное наследство. М., 1935. Т. 19–21. С. 63.

³⁹ Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского / сост. А. М. Песков. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 287.

ка между поэтом и его ближайшим другом И. В. Киреевским. Приведем только некоторые выдержки из писем Баратынского⁴⁰, способные передать и нежность его отношений к Ивану Васильевичу, и искреннее участие в его творческих начинаниях, и трогательную заботу о его литературном таланте.

*Мара*⁴¹. *Весна 1829 года*

<...> Отъезд твой из Москвы⁴² утешит меня в собственном моем отъезде; но грустно мне думать, что при возвращении моем я не найду тебя у Красных Ворот, в доме бывшем Мертваго. Надеюсь, однако, что мы с тобой довольно пожили, поспорили, помечтали, чтоб не забыть друг друга. Мы с тобой товарищи умственной службы, умственных походов, и связь наша должна быть по крайней мере столько же надежною, сколько б она могла быть между товарищами по службе...

---

⁴⁰ Сближение Е. А. Баратынского с И. В. Киреевским произошло в конце 1820-х годов, перейдя вскоре в самые тесные дружеские отношения, наполненные интенсивным духовным общением, в том числе и в переписке. Разрыв отношений (по причинам, не вполне еще выявленным) в конце 1830-х годов был драматическим событием в жизни обоих. Сохранилось более 50 писем Е. А. Баратынского к И. В. Киреевскому. См.: Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений в четырех томах. Т. 4. С. 156–195.

⁴¹ Усадьба Баратынских Мара некогда располагалась в Кирсановском уезде Тамбовской губернии, не сохранилась.

⁴² Е. А. Баратынский предполагал, что И. В. Киреевский уже отбыл из Москвы за границу.

Мара. Весна 1829 года

Милое, теплое и умное письмо твое меня и заняло, и обрадовало, и тронуло. Не думай, что бы я хотел писать тебе мадригалы; нет, мой милый Киреевский, но я рад, что я нахожу тебя таким, каков ты есть, рад, что мое чутье меня в тебе не обмануло, рад еще одному – что ты, с твоей чувствительностью, пылкою и разнообразною, полюбил меня, а не другого. Я нахожу довольно теплоты в моем сердце, чтоб никогда не охладить твоего, чтобы делить все твои мечты и отвечать душевным словом на душевное слово. Береги в себе этот огонь душевный, эту способность привязанности, чистый, богатый источник всего прекрасного, всякой поэзии и самого глубокомыслия. Люди, которых охлаждает суетный опыт, показывают не проницательность, а сердечное бессилие. Вынести сердце свое свежим из опытов жизни, не позволить ему смутиться ими – вот на что мы должны обратить все наши нравственные способности. Прекрасное положительнее полезного, оно принадлежит нам в большей собственности, оно проникает все существо наше, между тем как остальное едва нами осязается. Я пишу эти строки с истинным восторгом, знаю, что твое сердце не имеет нужды в подобных поощрениях; но мне, в мои теперешние лета, испытав, по некоторым обстоятельствам, более другого, размышляя не менее других, мне сладко с глубоким убеждением принести это свидетельство в пользу первых чистых вдох-

новений сердца, прощительных, годных, по мнению эгоизма, только в одну пору, а по мне – священных, драгоценных во всякое время...

Казань. Июнь 1831 года

<...> Приехав в Казань, я стал читать московские газеты и увидел в них объявление брошюрки «О “Борисе Годунове”». Не твое ли это? Вероятно, нет: во-первых, потому, что ты слишком ленив, чтобы так проворно написать и напечатать; во-вторых, потому, что ты обещал мне прислать статью твою до печати...

Казань. Июнь 1831 года

<...> Мне надо тебе растолковать мысли мои о романе: я тебе изложил их слишком категорически. Как идеал конечного возьми «L'âne mort» и «La confession»⁴³, как идеал спиритуальности – все сентиментальные романы: ты увидишь всю односторонность того и другого рода изображений и их взаимную неудовлетворительность. Фильдинг, Вальтер Скотт ближе к моему идеалу, особенно первый, но они угадали каким-то инстинктом современные требования, и потому, попадая на настоящую дорогу, беспрестанно с нее сбиваются. Писатель, привыкший мыслить эклектически, пойдет, я думаю, далее, т. е. будет еще отчетливее. Не думай, чтобы я требовал систематического романа, нет, я говорю

---

⁴³ Романы французского писателя Ж. Жанена «Мертвый осел» и «Исповедь».

только, что старые не могут служить образцами. Всякий писатель мыслит, следственно, всякий писатель, даже без собственного сознания, – философ. Пусть же в его творениях отразится собственная его философия, а не чужая. Мы родились в век эклектический: ежели мы будем верны нашему чувству, эклектическая философия должна отразиться в наших творениях; но старые образцы могут нас сбить с толку, и я указываю на современную философию для современных произведений как на магнитную стрелку, могущую служить путеводителем в наших литературных поисках...

Каймары⁴⁴. Июль 1831 года

Как ты поживаешь, милый мой Киреевский, и что ты поделываешь? Благодатно ли для тебя уединение? Идет ли вперед твой роман⁴⁵? Кстати, о романе: я много думал о нем это время, и вот что я о нем думаю. Все прежние романисты неудовлетворительны для нашего времени по той причине, что все они придерживались какой-нибудь системы. Одни – спиритуалисты, другие – материалисты. Одни выражают только физические явления человеческой природы, другие видят только ее духовность. Нужно соединить оба рода в одном. Написать роман эклектический, где бы человек выражался и тем, и другим образом. Хотя все сказано, но все сказано порознь. Сблизив явления, мы представим их в но-

---

⁴⁴ Имение Баратынских под Казанью.

⁴⁵ Очевидно, речь идет о романе «Две жизни», задуманном И. В. Киреевским.

вом порядке, в новом свете...

<...> Я прочел в «Литературной газете» разбор «Наложницы» весьма лестный и весьма неподробный. Это – дружеский отзыв. Что-то говорят недруги? Ежели у тебя что-нибудь есть, пришли, сделай милость. Я намерен отвечать на критики...

Каймары. Июль 1831 года

<...> всякий взгляд хорош, лишь бы он был ясен и силен. Я писал тебе более о романе вообще, нежели о твоём романе; думаю, между тем, что мои мысли внушат тебе что-нибудь, может быть, подробности какой-нибудь сцены. Я очень хорошо знаю, что нельзя пересоздать однажды созданное...

Каймары. 6 августа 1831 года

Что ты молчишь, милый Киреевский? Твое молчание меня беспокоит. Я слишком тебя знаю, чтобы приписать его охлаждению; не имею права приписать его и лени. Здоров ли ты и здоровы ли все твои? Право, не знаю, что думать. Я в самом гипохондрическом расположении духа, и у меня в уме упрямо вертится один вопрос: отчего ты не пишешь? Письмо от тебя мне необходимо...

Каймары. Август 1831 года

Дружба твоя, милый Киреевский, принадлежит к моему домашнему счастью; картина его была бы весьма неполной,

ежели б я пропустил речи наши о тебе, удовольствие, с которым мы читаем твои письма, искренность, с которою тебя любим и радуемся, что ты нам платишь тем же. Мы оба видим в тебе милого брата и мысленно приобщаем тебя к нашей семейной жизни. Ты из нее не выходишь и в мечтах наших о будущем, и когда мы располагаем им по воле нашего сердца, ты всегда у нас в соседстве, всегда под нашим кровом. Ты первый из всех знакомых мне людей, с которым изливаюсь я без застенчивости: это значит, что никто еще не внушал мне такой доверенности к душе своей и своему характеру. <...> «Наложницу» оставляю совершенно на твое попечение. Жду с нетерпением твоего разбора⁴⁶. Пришли, когда кончишь. О недостатках «Бориса» можешь ты намекнуть вкратце и распространиться о его достоинствах. Таким образом, ты будешь прав перед собою и перед отношениями. Я не совсем согласен с тобою в том, что слог «Иоанны»⁴⁷ служил образцом слога «Бориса». Жуковский мог только выучить Пушкина владеть стихом без рифмы, и то нет, ибо Пушкин не следовал приемам Жуковского, соблюдая везде цезуру. Слог «Иоанны» хорош сам по себе, слог «Бориса» тоже. В слог «Бориса» видно верное чувство старины, чувство, составляющее поэзию трагедии Пушкина, между тем как в «Иоанне» слог прекрасен без всякого отношения...

---

⁴⁶ Речь идет об «Обзрении русской словесности за 1831 год».

⁴⁷ Е. А. Баратынский называет по имени героини трагедии Шиллера «Орлеанская дева», переведенную В. А. Жуковским.

Каймары. 21 сентября 1831 года

Отвечаю разом на два твои письма, милый Киреевский, потому что они пришли в одно время. Не дивись этому: московская почта приходит в Казань два раза в неделю, а мы из своей деревни посылаем в город только раз. Благодарю тебя за хлопоты о «Наложнице». Авось разойдется зимою. Впрочем, успех и неуспех ее для меня теперь равнодушен. Я как-то остыл к ее участи. Ты меня истинно обрадовал намерением издавать журнал. Боюсь только, чтобы оно не было одним из тысячи наших планов, которые остались – планами.

Ежели дело дойдет до дела, то я – непременно и усердный твой сотрудник, тем более что все меня клонит к прозе. Надеюсь в год доставить тебе две-три повести и помогать тебе живо вести полемику. Критик на «Наложницу» я не читал: я не получаю журналов. Ежели б ты мог мне прислать номер «Телескопа», в котором напечатано возражение на мое предисловие⁴⁸, я бы непременно отвечал, и отвечал дельно и обширно. Я еще более обдумал мой предмет со времени выхода в свет «Наложницы», обдумал со всеми вопросами, к нему прикосновенными, и надеюсь разрешить их, ни в чем не противореча первым моим положениям. Статья моя пригодилась бы для твоего журнала. Я сберегу тебе твой номер «Телескопа» и перешлю обратно, как скоро статья моя будет

---

⁴⁸ Имеется в виду статья Н. И. Надеждина, полемизировавшего с предисловием Е. А. Баратынского к поэме «Наложница».

готова. Ты напрасно считаешь меня неумолимым критиком Руссо; напротив, он совершенно увлек меня. В «Элоизе» я критикую только роман, так же, как можно критиковать создание поэм Байрона. Когда-то сравнивали Байрона с Руссо, и это сравнение я нахожу весьма справедливым. В творениях того и другого не должно искать независимой фантазии, а только выражения их индивидуальности. Оба – поэты самости, но Байрон безусловно предается думе о себе самом; Руссо, рожденный с душою более разборчивою, имеет нужду себя обманывать, он морализует и в своей морали выражает требования души своей, мнительной и нежной. В «Элоизе» желание показать возвышенное понятие свое о нравственном совершенстве человека, блистательно разрешить некоторые трудные задачи совести беспрестанно заставляет его забывать драматическую правдоподобность. Любовь по природе своей – чувство исключительное, не терпящее никакой совместности, оттого-то «Элоиза», в которой Руссо чаще предается вдохновению нравоучительному, нежели страстному, производит такое странное, неудовлетворительное впечатление. Мы видим в «Confessions»⁴⁹, что любовь к m-me Houdetot внушила ему «Элоизу»; но по тому несоизмеренному участку, который занимает в ней мораль и философия (кровная собственность Руссо), мы чувствуем, что идеал любовницы Saint-Lambert всегда уступал в его воображении идеалу Жан-Жака. В составе души Руссо еще бо-

---

⁴⁹ «Исповедь».

лее, нежели в составе его романа, находятся недостатки последнего. «Элоиза» мне нравится менее других произведений Руссо. Роман, я стою в том, творение, совершенно противоречащее его гению. В то время как в «Элоизе» меня сердит каждая страница, когда мне досаждают даже красоты ее, все другие его произведения увлекают меня неодолимо. Теплота его слова проникает мою душу, искренняя любовь к добру меня трогает, раздражительная чувствительность общается моему сердцу...

Каймары. 8 октября 1831 года

Спасибо тебе за стихи Пушкина и Жуковского⁵⁰. Я хотел было их выписать, но ты меня предупредил. Стихи Жуковского читал я без подписи в «Северной пчеле» и никак не мог угадать автора. Необыкновенные рифмы и приметная твердость слога меня поразили, но фамильярный тон удалил всякую мысль о Жуковском. Первое стихотворение Пушкина мне более нравится, нежели второе. <...> Я уже отвечал тебе о журнале. Принимайся с Богом за дело. Что касается до названия, мне кажется, всего лучше выбрать такое, которое бы ровно ничего не значило и не показывало бы никаких притязаний. «Европеец», вовсе не понятый публикой, будет понят журналистами в обидном смысле; а зачем во-

---

⁵⁰ Речь идет о стихотворении В. А. Жуковского «Старая песня на новый лад» и стихотворениях А. С. Пушкина «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина».

оружать их прежде времени? Нельзя ли назвать журнал «Северным вестником», «Орионом» или своенравно, но вместе незначительно, вроде «Nain jaune»⁵¹, издаваемого при Людовике XVIII наполеонистами? Ты слишком много на меня надеешься, и я сомневаюсь, исполню ли я половину твоих надежд. Могу тебя уверить в одном: в усердии. Твой журнал очень возбуждает меня к деятельности. Я написал еще несколько мелких стихотворных пьес, кроме тех, которые тебе послал. Теперь пишу небольшую драму⁵², первый мой опыт в этом роде, которая как ни будет плоха, но все годится для журнала. Вероятно, я ее кончу на этой неделе и пришлю тебе. Не говори о ней никому, но прочти и скажи мне свое мнение. В журнале я помещу ее без имени. Не говорю тебе о дальнейших моих замыслах из суеверия. Никогда того не пишешь, чем заранее похващаешь. Мне очень любопытно знать, что ты скажешь о романах Загоскина⁵³. Все его сочинения вместе показывают дарование и глупость. Загоскин – отменно любопытное психологическое явление. Пришли мне статью твою, как напишешь. Настоящим образом я помогать тебе буду, когда ворочусь в Москву. Я должен писать к спеху, чтобы писать много. Мне нужно предаваться журнализму, как разговору, со всею живостью вопросов и ответов,

---

⁵¹ «Желтый карлик».

⁵² Указанная драма Е. А. Баратынского до нас не дошла.

⁵³ М. Н. Загоскин – автор романов «Юрий Милославский» (1829 г.), «Рославлев» (1831 г.) и др.

а не то я слишком сам к себе требователен, и эта требовательность часто охлаждает меня и к хорошим моим мыслям. Между тем все, что удастся мне написать в моем уединении, будет принадлежать твоему журналу...

Каймары. 26 октября 1831 года

<...> Благодарю тебя за деньги и за Villemain⁵⁴. У меня на душе стало легче, когда увидел я этот замаранный том, который меня порядочно помучил. Я прочел уже две части: много хорошего и хорошо сказанного; но Villemain часто выдает за новость и за собственное соображение – давно известное у немцев и ими отысканное. Многое лишь для успеха минуты и рукоплесканий партии. Еще одно замечание: у Villemain часто заметна аффектация атицизма, аффектация наилучшего тона. Его скромные оговорки, во-первых, однообразны, во-вторых, несколько изысканны. Чувствуешь, что он любит своим светско-эстетическим смирением. Это не мешает творению его быть очень занимательным. О Гизо⁵⁵ скажу тебе, что у меня теперь нет денег. Ежели ты можешь ссудить меня нужною суммою до января, то возьми его; ежели нет, то скажи Urbain⁵⁶, что Гизо мне не нужен, или попроси подождать денег...

---

⁵⁴ Вероятно, «Курс французской литературы» Вильмена.

⁵⁵ Франсуа Гизо – автор трудов «История цивилизации в Европе» (1828 г.) и «История цивилизации во Франции» (1829–1832 гг.).

⁵⁶ Французский книготорговец в Москве Юрбен.

Каймары. Ноябрь 1831 года

Благодарю тебя за твое дружеское поздравление и милые шутки. Впрочем, я тебя ловлю на слове: в год рождения моей Машеньки⁵⁷ должен непременно издаваться «Европеец», а там, ежели в 12 лет она будет в состоянии слушать твои лекции, прошу в самом деле позаботиться о ее просвещении. Не беда, что моя пьеса пошла по рукам. Я послал Пушкину и другую: «Не славь, обманутый Орфей», но уверяю, что больше нет ничего за душою. Я не отказываюсь писать, но хочется на время, и даже долгое время, перестать печатать. Поэзия для меня не самолюбивое наслаждение. Я не имею нужды в похвалах (разумеется, черни), но не вижу, почему обязан подвергаться ее ругательствам. Я прочел критику Надеждина. Не знаю, буду ли отвечать на нее и что отвечать? Он во всем со мной согласен, только укоряет меня в том, что я будто полагаю, что изящество не нужно изящной литературе; между тем как я очень ясно сказал, что не говорю о прекрасном, потому что буду понят немногими. Критика эта меня порадовала: она мне показала, что я вполне достигнул своей цели: опроверг убедительно для всех общий предубеждение, и что всякий несколько мыслящий читатель, видя, что нельзя искать нравственности литературных произведений ни в выборе предмета, ни в поучениях, ни в том, ни в этом, заключит вместе со мною, что должно искать ее только

---

⁵⁷ Мария Евгеньевна Баратынская.

в истине или прекрасном, которое не что иное, как высочайшая истина. Хорош бы я был, ежели б я говорил языком Надеждина. Из тысячи его подписчиков вряд ли найдется один, который что-нибудь бы понял из этой страницы, в которой он хочет объяснить прекрасное. А что всего забавнее, это то, что перевод ее находится именно в предисловии, которое он критикует. Ежели буду отвечать, то потому только, что мне совестно перед тобою, заставив тебя понапрасну отыскивать и посылать журнал...

Каймары. 29 ноября 1831 года

Вот тебе и число. Я пропустил одну почту оттого, что в моем глубоком уединении

Позабыл все дни недели
Называть по именам.

Я думал, что был понедельник, когда была среда. В это время, однако ж, трудился для твоего журнала. Отвечал Надеждину. Статья моя⁵⁸, я думаю, вдвое больше моего предисловия⁵⁹. Сам удивляюсь, что мог написать столько прозы. Драма моя почти переписана набело. Теперь сию за повестью, которую ты помнишь: «Перстень». Все это ты получишь по будущей тяжелой почте. Все это посредственно,

---

⁵⁸ «Антикритика».

⁵⁹ Предисловие к поэме «Наложница».

но для журнала годится. Благодарю тебя за обещание прислать повести малороссийского автора⁶⁰. Как скоро прочту, так и напишу о них. О Загоскине писать что-то страшно. Я вовсе не из числа его ревностных поклонников. «Милославский» его – дрянь, а «Рославлев», быть может, еще хуже. В «Рославлеве» роман ничтожен, исторический взгляд вместе глуп и неверен. Но как сказать эти крутые истины автору, который все-таки написал лучшие романы, какие у нас есть? Мне очень жаль, что Жуковскому не нравится название моей поэмы. В ответе моем Надеждину я стараюсь оправдать его. Не могу понять, почему люди умные и просвещенные так оскорбляются словом, которого полный смысл допущен во всех разговорах. Скажи мне, что он думает о самой поэме, что хвалит и что осуждает. Не бойся меня опечалить. Мнение Жуковского для меня особенно важно, и его критики будут мне полезнее. У меня план новой поэмы⁶¹, со всех сторон обдуманый. Хороша ли будет, Бог знает. На днях примусь писать. Не отдаю тебе отчета в моем плане, потому что это охлаждает. Кстати, послание к Языкову и элегия⁶², которую ты называешь европейской, принадлежит «Европейцу». По будущей почте пришлю тебе еще две-три пьесы...

Каймары. Декабрь 1831 года

---

⁶⁰ Речь идет о «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя.

⁶¹ Этот план неизвестен.

⁶² «В дни безграничных увлечений...»

Вот тебе для «Европейца». Извини, что все это так дурно переписано: ты знаешь страсть мою к переправкам. Я не мог от них удержаться и при том, что тебе посылаю. Особенно мне совестно за мою драму, которая их не стоит. И я ни за что бы тебе ее не послал, ежели б не думал, что в журнале и посредственное годится для занятия нескольких листов. Пересмотри мою «Антикритику», и что тебе в ней покажется лишним, выбрось. Боюсь очень, что я в ней не держусь немецкого правоверия и что в нее прокрались кой-какие ереси. Драму напечатай без имени и не читай ее никому как мое сочинение. Под сказкой⁶³ поставь имя сочинителя. Я читал твое объявление: оно написано как нельзя лучше, и я тотчас узнал, что оно твое. Ты истолковал название журнала и умно, и скромно. Но у нас не понимают скромности, и я боюсь, что в твоём объявлении не довольно шарлатанства для приобретения подписчиков, Впрочем, воля Божия. Я подпишусь в будущий год на некоторые из русских журналов и буду за тебя отбраниваться, когда нужно. У меня, кроме плана поэмы, в запасе довольно желчи; я буду рад как-нибудь ее излить...

Казань. Декабрь 1831 года

Ежели уже получено позволение издавать журнал под фирмою «Европейца», пусть он остается «Европейцем». Не в имени дело. Ты меня приводишь в стыд слишком хорошим

---

⁶³ Повесть «Перстень».

мнением о моей драме. Спешу тебе сказать, что это только драматический опыт; несколько сцен с самою легкою завязкою. Я от нее не в отчаянии только потому, что надеюсь со временем написать что-нибудь подельнее. Ежели б я вполне следовал своему чувству, я бы поступил с нею, как ты поступаешь с некоторыми из своих творений, т. е. бросил бы в печь... Кстати: я не нахожу тебя в этом отменно благоразумным. Во-первых, не мне быть судьей в собственном деле; во-вторых, каждый, принимающийся за перо, поражен какою-либо красотой, следственно, и в его творении, как бы оно ни поддавалось критике, наверно есть что-нибудь хорошее. Что ж касается до совершенства, оно, кажется, не дано человеку, и мысль о нем может скорее охладить, нежели воспламенить писателя...

<...> Ты мне пишешь о портретах известных людей. Но подумай, что у нас их весьма немного, что эти портреты должны быть панегириками, и тогда ни для кого не будут занимательными. Ты скажешь, что не надо называть поименно всех, но по двум или трем приметам легко узнать знакомого человека, особенно автора, а тень невосхищения будет уже обидою и личностию. Оставим наших соотечественников, но не мешает тебе положить на бумагу все, что ты знаешь о Шеллинге и других отличных людях Германии. Загадывать их не нужно, ибо надо их знать, чтобы ценить их; а многие ли с ними знакомы, не только лично, но и по сочинениям? Вот тебе мое мнение: суди сам, справедливо ли оно, или нет.

Казань. Конец декабря 1831 года

<...> Первый номер твоего журнала великолепен. Нельзя сомневаться в успехе. Мне кажется, надо задрать журналистов, для того чтобы своими ответами они разгласили о существовании оппозиционного журнала. Твое объявление было слишком скромно. Скажи, много ли у тебя подписчиков. Напечатай в московских газетах, какие и какие статьи помещены в 1-м номере «Европейца». Это будет тебе очень полезно...

Казань. Начало января 1832 года

<...> Я мало еще познакомился со здешним городом. С первого дня моего приезда я сильно простудился и не мог выезжать. Знаешь ли, однако ж, что, по-моему, провинциальный город оживленнее столицы. Говоря – оживленнее, я не говорю – приятнее, но здесь есть то, чего нет в Москве, – действие. Разговоры некоторых из наших гостей были для меня очень занимательны. Всякий говорит о своих делах или о делах губернии, бранит или хвалит. Всякий, сколько можно заметить, деятельно стремится к положительной цели и оттого имеет физиономию. Не могу тебе развить всей моей мысли, скажу только, что в губерниях вовсе нет этого равнодушия ко всему, которое составляет характер большей части наших московских знакомцев. В губерниях больше гражданственности, больше увлечения, больше элементов поли-

тических и поэтических. Всмотрясь внимательнее в общество, я, может быть, напишу что-нибудь о нем для твоего журнала, но я уже довольно видел, чтобы местом действия русского романа всегда предпочесть губернский город столичному. Хвалю здесь твоего «Европейца», не знаю только, заставят ли мои похвалы кого-нибудь на него подписаться. Здесь выписывают книги и журналы только два или три дома и ссужают ими потом своих знакомых...

Казань. 18 января 1832 года

Давно не получал я от тебя писем, милый Киреевский, и не жалею, ибо знаю, что хлопот у тебя много. У меня к тебе просьба: если не напечатано первое мое послание к Языкову⁶⁴, не печатай его: оно мне кажется довольно слабо. Напечатай лучше второе⁶⁵, которым я более доволен. Я здесь веду самую глупую жизнь, рассеянную без удовольствия, и жду не дождусь возвращения нашего в деревню. Мы переезжаем на первой неделе Великого поста. Там я надеюсь употребить время с пользою для себя и для «Европейца», а здесь – нет никакой возможности...

Казань. Февраль 1832 года

Понимаю, брат Киреевский, что хлопотливая жизнь журналиста и особенно разногласные толки и пересуды волну-

---

⁶⁴ «Языков, буйства молодого...»

⁶⁵ «Бывало, свет позабывая...»

ют тебя неприятным образом. Я предчувствовал твое положение, и жаль мне, что я не с тобою, потому что у нас есть сходство в образе воззрения, и мы друг друга же в нем утверждали. Мнение Жуковского, Пушкина и Вяземского мне кажется несправедливым. Приноровляясь к публике, мы ее не подвинем. Писатели учат публику, и ежели она находит что-нибудь в них непонятное, это вселяет в нее еще более уважения к сведениям, которых она не имеет, заставляет ее отыскивать их, стыдясь своего невежества. Надеюсь, что Полевой менее ясен, нежели ты, однако ж журнал его расходуется и, нет сомнения, приносит большую пользу, ибо ежели не дает мыслей, то будит оные, а ты и даешь их, и будишь. Бранить публику вправе всякий, и публика за это никогда не сердится, ибо никто из ее членов не принимает на свой счет сказанного о собирательном теле. Вяземский сказал острое слово – и только. Ежели ты имеешь мало подписчиков, тому причину: 1-е – слишком скромное объявление, 2-е – неизвестность твоя в литературе, 3-е – исключение мод. Но имей терпение издавать еще на будущий год, я ручаюсь в успехе. По прочтении 1-го номера «Европейца» здесь в Казани мы на него подписались. Вообще журнал очень понравился. Нашли его и умным, и ученым, и разнообразным. Поверь мне, русские имеют особенную способность и особенную нужду мыслить. Давай им пищу: они тебе скажут спасибо. Не упускай, однако ж, из виду пестроты и повестей, без чего журнал не будет журналом, а книгою. Статья твоя о XIX веке непо-

нятна для публики только там, где дело идет о философии, и в самом деле, итоги твои вразумительны только тем, которые посвящены в таинства новейшей метафизики, зато выводы литературные, приложение этой философии к действительности отменно ясны и знакомым чувством с этой философией, еще не совершенно понятной для ума. Не знаю, поймешь ли ты меня, но таков ход ума человеческого, что мы прежде верим, нежели исследуем, или, лучше сказать, исследуем для того только, чтобы доказать себе, что мы правы в нашей вере. Вот почему я нахожу полезным поступать, как ты, т. е. знакомить своих читателей с результатами науки, дабы, заставив полюбить оную, принудить заняться ею. Постараюсь что-нибудь прислать тебе для 3-го номера. Ты прав, что Казань была для меня мало вдохновительной. Надеюсь, однако ж, что несколько впечатлений и наблюдений, приобретенных мною, не пропадут.

Прощай. Не предавайся унынию. Литературный труд сам себе награда; у нас, слава Богу, степень уважения, которую мы приобретаем как писатели, не соразмеряется торговым успехом. Это я знаю достоверно и по опыту. Булгарин⁶⁶, несмотря на успехи свои в этом роде, презрен даже в провинциях. Я до сих пор еще не встречался с людьми, для которых он пишет.

Казань. 22 февраля 1832 года

---

⁶⁶ Фаддей Венедиктович Булгарин.

<...> позволь мне побранить тебя за то, что ты не говоришь мне своего мнения о моей драме. Вероятно, она тебе не нравится; но неужели ты так мало меня знаешь, что боишься обидеть мое авторское самолюбие, сказав мне откровенно, что я написал вздор? Я больше буду рад твоим похвалам, когда увижу, что ты меня не балуешь. Я получил вторую книжку «Европейца». Разбор «Наложницы» для меня – истинная услуга. Жаль, что у нас мало пишут, особенно хорошего, а то бы ты себе сделал имя своими эстетическими критиками. Ты меня понял совершенно, вошел в душу поэта, схватил поэзию, которая мне мечтается, когда я пишу. Твоя фраза «...переносит нас в атмосферу музыкальную и мечтательно просторную» заставила меня встрепенуться от радости, ибо это-то самое достоинство я подозревал в себе в минуты авторского самолюбия, но выражал его хуже. Не могу не верить твоей искренности: нет поэзии без убеждения, а твоя фраза принадлежит поэту. Нимало не сержусь за то, что ты порицаешь род, мною избранный. Я сам о нем то же думаю и хочу его оставить. 2-я книжка «Европейца» вообще не уступает первой...

Казань. 14 марта 1832 года

<...> От запрещения твоего журнала не могу опомниться. Нет сомнения, что тут действовал тайный, подлый и несправедливый доносчик, но что в этом утешительного? Где найти на него суд? Что после этого можно предпринять в лите-

ратуре? Я вместе с тобой лишился сильного побуждения к трудам словесным. Запрещение твоего журнала просто наводит на меня хандру и, судя по письму твоему, и на тебя навело меланхолию. Что делать! Будем мыслить в молчании и оставим литературное поприще Полевым и Булгариным. Поблагодарим Провидение за то, что Оно нас подружило и что каждый из нас нашел в другом человека, его понимающего, что есть еще несколько людей нам по уму и по сердцу. Заключимся в своем кругу, как первые братья-христиане, обладатели света, гонимого в свое время, а ныне торжествующего. Будем писать, не печатая. Может быть, придет благопоспешное время...

Как мы видим, литературный разбор «Наложницы», помещенный во втором номере «Европейца», пришелся по сердцу Е. А. Баратынскому. Поэт вообще считал И. В. Киреевского *необыкновенным критиком*⁶⁷, тонко чувствующим и автора, и время, в которое он пишет.

Отнеся Е. А. Баратынского к поэтам *пушкинского круга*, И. В. Киреевский сразу же сформулировал свое отношение к критикам автора «Наложницы». «Поэма Баратынского, – писал Иван Васильевич, – имела в литературе нашей ту же участь, какую и трагедия Пушкина: ее так же не оценили, так же не поняли, так же несправедливо обвиняли автора за

---

⁶⁷ Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений в четырех томах. Т. 4. С. 187.

недостатки небывалые, так же хвалили его из снисхождения к прежним заслугам и с таким тоном покровительства, который Гёте, из деликатности, не мог бы принять, говоря о писателях едва известных. И под этими протекторскими обозрениями, под этими учительскими порицаньями и советами большая часть критиков не удостоила даже подписать своего имени»⁶⁸. Тем самым было обращено внимание читателей «Европейца» на *нравственные и литературные приличия*, господствующие в отечественной словесности, и задан тон последующему литературно-критическому анализу.

По мнению И. В. Киреевского, в «Наложнице» Е. А. Баратынский проявил несомненную художественную зрелость, *соразмерно и стройно* соединив главную мысль произведения с ясным и сильным чувством, развитым в каждом из описанных событий. Однако понимая, что «художественное совершенство, как образованность, есть качество второстепенное и относительное; иногда оно, как маска на скелете, только прикрывает внутреннюю безжизненность; иногда, как лицо благородной души, оно служит ее зеркалом и выражением, но во всяком случае его достоинство не самобытное и зависит от внутренней, его одушевляющей поэзии»⁶⁹, в своем «Обзрении русской словесности за 1831 год» Киреевский пытается оценить поэму Баратынского в

---

⁶⁸ Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. С. 59.

⁶⁹ Там же. С. 61.

контексте общего характера его поэзии. Для этого подбираются наиболее опозитизированные образы и сравнения. В одном случае Иван Васильевич сравнивает музу Баратынского со скромной и воспитанной *красавицей, одаренной душой глубокой и поэтической, красавицей столь приличной в своих поступках, речах, нарядах и движениях, что с первого взгляда кажущейся обыкновенной*. Мимо таких *простых и соразмерных* женщин, женщин, как принято говорить, без каких-либо ярких отличий толпы людей проходят, *не замечая их достоинства*. Для них нужен человек с *особой душевной пронизательностью*. В другом случае достоинства «Наложницы» предстают у И. В. Киреевского в красках и мазках Миериса, передающих «что-то бесполезно стесняющее, что-то условно ненужное, что-то мелкое, не позволяющее художнику развить вполне поэтическую мысль свою»⁷⁰. Прибегает Иван Васильевич к художественному осмыслению роли Паганини, исполнившему свой концерт на одной струне, как воплощенной победе над *заданными трудностями свободного излияния души в объеме созданного воображением мастера произведения*.

И. В. Киреевский убежден, что в «Наложнице» «нет ни одной сцены, которая бы не привела к чувству поэтическому, и нет ни одного чувства, которое бы не сливалось неразрывно с картиною из жизни действительной, – и эти картины говорят гораздо яснее всех возможных толкований. Вме-

---

⁷⁰ Там же. С. 66.

сто того чтобы описывать словами то тяжелое чувство смутной грусти, которое угнетало душу Елецкого посреди беспорядочной, развратной его жизни; вместо того чтобы рассказывать, как эта грязная жизнь не могла наполнить его благородного сердца и должна была возбудить в нем необходимость любви чистой и возвышенной, как эта новая любовь, освежая его душу, должна была противоречить его обыкновенному быту; вместо всех этих психологических объяснений поэт рисует нам сцены живые, которые говорят воображению и взяты из верного описания действительности: картину ночного пиროвания, его безобразные следы в комнате Елецкого, окно, открытое на златоглавый Кремль поутру, при восхождении солнца, гулянье под Новинском и встречу с Верою, маскарад, разговор с Сарою и пр.»⁷¹. Каждый стих Е. А. Баратынского, отличающийся *обдуманностью и мерностью, благородной простотой и художественной законченностью*, вмещает *целую историю внутренней жизни*. В картинах, рисуемых, Баратынским, предстает вся правда жизни с ее разногласиями и диссонансами, разрешающимися в поэтической гармонии; «в самой действительности открыл он возможность поэзии, ибо глубоким воззрением на жизнь понял он необходимость и порядок там, где другие видят разногласие и прозу»⁷².

Отсюда утверждение И. В. Киреевского, что *гармониче-*

---

⁷¹ Там же. С. 63.

⁷² Там же. С. 62.

ские струны лиры Е. А. Баратынского позволяют поэтически возвысить мысль автора. Все случайности, все обыкновенности жизни, как то: «бал, маскарад, непринятое письмо, пируванье друзей, неодинокая прогулка, чтение альбомных стихов, поэтическое имя», принимают под пером Баратынского «характер значительности поэтической, ибо тесно связываются с самыми решительными опытами души, с самыми возвышенными минутами бытия и с самыми глубокими, самыми свежими мечтами, мыслями и воспоминаньями о любви и дружбе, о жизни и смерти, о добре и зле, о Боге и вечности, о счастье и страданиях»⁷³. Ясная форма, живая определенность и грациозная ощутительность, которыми наделяет Баратынский самые обыкновенные события жизни, ее ежедневные случайности, позволяет читателю пережить состояние *возвышенной сердечной созерцательности*. Без высочайшего поэтического дара эту атмосферу *музыкального и мечтательного простора* воссоздать не удастся. Другое дело, чтобы в нее погрузиться, читателю, а особенно критику, следует обладать соответствующей душевной организацией.

Сегодня мы понимаем, что «Обозрение русской словесности за 1831 год», в котором И. В. Киреевский сделал разбор «Бориса Годунова» А. С. Пушкина и «Наложницы» Е. А. Баратынского, дополнено Иваном Васильевичем отдельным материалом, в котором внимание читателя «Европей-

---

⁷³ Там же. С. 62–63.

ца» было обращено на альманахи «Альцион» и «Северные цветы», *богатые многими прекрасными стихами В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, П. А. Вяземского, Н. М. Языкова, а также прозой А. А. Бестужева (Марлинского) и О. М. Сомова*⁷⁴. К этому же можно присовокупить критику постановки на Московском театре известной комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»⁷⁵, в которой даже при дурной игре актеров «каждое слово остается в памяти неизгладимо, каждый портрет прирастает к лицу оригинала неотъемлемо, каждый стих носит клеймо правды и кипит огнем негодования, знакомого одному таланту»⁷⁶. А еще языковедческое эссе о Вильмене⁷⁷, в слоге которого И. В. Киреевский находит *не столько красоту правильную, строгую и классически спокойную, сколько красоту живую, прихотливо грациозную и щеголеватую своеобразную*⁷⁸. И даже при этом все это обилие высокопрофессионального литературного текста, подготовленного для 1-го и 2-го номеров «Европейца», явилось лишь частными случаями редакционно-издательской деятельности И.

---

⁷⁴ Киреевский И. В. Русские альманахи на 1832 год // Европейец. 1832. № 2.

⁷⁵ Киреевский И. В. «Горе от ума» – на московском театре // Европейец. 1832. № 1.

⁷⁶ Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. С. 73.

⁷⁷ Киреевский И. В. Несколько слов о слоге Вильмена // Европейец. – 1832. – № 1.

⁷⁸ Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. С. 76.

В. Киреевского. Содержательно все эти статьи были подчинены в конечном счете смыслам, раскрываемым в его программной работе «Девятнадцатый век».

И. В. Киреевский поставил перед собой задачу выяснить магистральные направления в *бытие просвещенной Европы*, проявляющие себя в литературе, в обществе, в религии, в философии, а через них разобраться в *особенностях текущей минуты* современной ему жизни. Задача сложная, но важная, «ибо одно понятие текущей минуты, связывая общие мысли с частными явлениями, определяет в уме нашем место, порядок и степень важности для всех событий нравственного и физического мира»⁷⁹.

Для постижения духа своего времени И. В. Киреевский предлагает сравнить прежние времена с настоящим. «Раскройте, – пишет он, – раскройте исторические записки, частные письма, романы и биографии прошедших веков: везде и во всякое время найдете вы людей *одного времени*. При всем разнообразии характеров, положений и обстоятельств каждый век представит вам один общий *цвет*, одно клеймо, которое больше или меньше врезано на всех одновременных лицах. Все воспитаны одномысленными обстоятельствами, образованы одинаковым духом времени. И те умы, которые в борьбе с направлением своего века, и те, которые покорствуют ему, все равно обнаруживают его господство: оно слу-

---

⁷⁹ Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений в четырех томах. Т. 1. С. 7.

жит общим центром, к которому примыкают направления частные»⁸⁰. В этой связи в европейском обществе XIX века обнаруживаются не *разногласные* мнения одного времени, а «отголоски нескольких веков, не столько *противные* друг другу, сколько *разнородные* между собою. Подле человека *старого времени* найдете вы человека, образованного духом *Французской революции*; там – человека, воспитанного обстоятельствами и мнениями, *последовавшими непосредственно за Французской революцией*; с ними рядом – человека, проникнутого тем порядком вещей, который начался на твердой земле Европы с падением Наполеона; наконец, между ними встретите вы человека последнего времени, и каждый будет иметь свою особенную физиономию, каждый будет отличаться от всех других во всех возможных обстоятельствах жизни, одним словом, каждый явится перед вами отпечатком особого века»⁸¹.

В этой быстроте изменений духа времени усматривается и сущность самих изменений, и характер действующих лиц истории, и устои просвещения, которые можно охарактеризовать одним словом *европеизм*. Именно господствующие направления последнего более всего волновали И. В. Киреевского. Причем исторические особенности и сущность европеизма автор «Девятнадцатого века» предполагал описать через генезис европейского просвещения, через отно-

---

⁸⁰ Там же. С. 8.

⁸¹ Там же. С. 9.

шения русского просвещения к просвещению остальной Европы. Он утверждает, что из трех основных стихий европейского просвещения – христианской религии, характера варварских народов и остатков древнего мира – России не доставало последней и что этим-то отсутствием в русской жизни следов влияния классической древности и объясняются ее особенности и недостатки русского просвещения. Для восполнения этих недостатков был один путь: заимствование западной культуры, совершавшееся сначала отрывисто, а при Петре I принявшее характер необходимого и законного переворота.

Такова вкратце главная идея статьи И. В. Киреевского «Девятнадцатый век». Чтобы дать понятие об образе и способе мышления автора, приведем несколько отрывков из нее. Прежде всего, о влиянии европейского просвещения на Россию: «Какая-то китайская стена стоит между Россией и Европой и только сквозь некоторые отверстия пропускает к нам воздух просвещенного Запада; стена, в которой Великий Петр ударом сильной руки пробил широкие двери; стена, которую Екатерина долго старалась разрушить, которая ежедневно разрушается более и более, но, несмотря на то, все еще стоит высоко и мешает»⁸².

О характере и степени взаимосвязи просвещения европейского и российского: «Скоро ли образованность наша возвысится до той степени, до которой дошли просвещенные

---

⁸² Там же. С. 18–19.

государства Европы? Что должны мы делать, чтобы достигнуть этой цели или содействовать ее достижению? Изнутри ли собственной жизни должны мы заимствовать просвещение свое или получать его из Европы? И какое начало должны мы развивать внутри собственной жизни? И что должны мы заимствовать от просветившихся прежде нас?»⁸³

О национальных особенностях русского просвещения по отношению к просвещению остальной Европы: «Не со вчерашнего дня родилась Россия: тысячелетие прошло с тех пор, как она начала себя помнить; и не каждое из образованных государств Европы может похвалиться столь длинной цепью столь ранних воспоминаний. Но несмотря на эту долгую жизнь, просвещение наше едва начинается, и Россия, в ряду государств образованных, почитается еще государством молодым. И это недавно начавшееся просвещение, включающее нас в состав европейских обществ, не было плодом нашей прежней жизни, необходимым следствием нашего внутреннего развития; оно пришло к нам извне, и частью даже насильственно, так что внешняя форма его до сих пор еще находится в противоречии с формой нашей национальности»⁸⁴.

Об очевидном влиянии на европейскую образованность устройства торговых городов: «У нас также были Новгород и Псков; но внутреннее устройство их (занятое по большей

---

⁸³ Там же. С. 19.

⁸⁴ Там же. С. 20–21.

части из сношений с иноземцами) тогда только могло бы содействовать к просвещению нашему, когда бы ему не противоречило все состояние остальной России. Но при том порядке вещей, который существовал тогда в нашем отечестве, не только Новгород и Псков должны были быть задавлены сильнейшими соседями, но даже их просвещение, процветавшее столь долгое время, не оставило почти никаких следов в нашей истории – так несогласно оно было с целой совокупностью нашего быта»⁸⁵.

О христианской религии как источнике духовного образования и политического устройства: «В России христианская религия была еще чище и святее. Но недостаток классического мира был причиной тому, что влияние нашей церкви во времена необразованные не было ни так решительно, ни так всемогуще, как влияние церкви Римской. Последняя, как центр политического устройства, возбудила одну душу в различных телах и создала таким образом ту крепкую связь христианского мира, которая спасла его путь от нашествий иноверцев; у нас сила эта была не столь ощутительна, не столь всемогуща»⁸⁶.

О системе государственного раздробления как отчуждения от всего остального образования Европы: «...система раздробления была свойственна не одной России, она была во всей Европе и особенно развилась во Франции, несмотря

---

⁸⁵ Там же. С. 24.

⁸⁶ Там же.

на то остановившей стремительный натиск арабов. Но мелкие королевства, связанные между собой сомнительной и слабой подчиненностью политической, были соединены более ощутительно узами религии и церкви»⁸⁷. Россия, раздробленная на уделы, на несколько веков подпала под владычество татар. «Не имея довольно просвещения для того, чтобы соединиться против них *духовно*, мы могли избавиться от них единственно *физическим*, материальным соединением, до которого достигнуть могли мы только в течение столетий. <...> Нам не предстояло другого средства избавиться от угнетения иноплеменного, как посредством соединения и сосредоточения сил; но так как силы наши были преимущественно физические и материальные, то и соединение наше было не столько выражением единодушия, сколько простым материальным совокуплением; и сосредоточение сил было единственно сосредоточением физическим, не смягченным, не просвещенным образованностью. Потому избавление наше от татар происходило медленно и, совершившись, должноствовало на долгое время остановить Россию в том тяжелом закоснении, в том оцепенении духовной деятельности, которые происходили от слишком большого перевеса силы материальной над силой нравственной образованности. Это объясняет нам многое и, между прочим, показывает причины географической огромности России»⁸⁸.

---

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же. С. 25–26.

О времени сближения России с Европой: «Только с того времени, как история наша позволила нам сближаться с Европой, т. е. со времени Минина и Пожарского, начало у нас распространяться и *просвещение в истинном смысле сего слова*, т. е. не отдельное развитие нашей особенности, но участие в общей жизни просвещенного мира, ибо отдельное, китайски особенное развитие заметно у нас и прежде введения образованности европейской, но это развитие не могло иметь успеха *общечеловеческого*, ибо ему недоставало одного из необходимых элементов всемирной прогрессии ума»⁸⁹.

О месте и роли Петра I в переломе российской образованности: «Что это европейское просвещение начало вводиться у нас гораздо прежде Петра, и особенно при Алексее Михайловиче, – это доказывается тысячью оставшихся следов и преданий. Но несмотря на то, начало сие было слабо и ничтожно в сравнении с тем, что совершил Петр, что, говоря о нашей образованности, мы обыкновенно называем его основателем нашей новой жизни и родоначальником нашего умственного развития. Ибо прежде всего просвещение вводилось к нам мало-помалу и *отрывисто*, отчего, по мере своего появления в России, оно искажалось влиянием нашей пересиливающей национальности. Но переворот, совершенный Петром, был не столько развитием, сколько переломом нашей национальности, не столько внутренним успе-

---

⁸⁹ Там же. С. 27.

ХОМ, сколько внешним нововведением»⁹⁰.

Об общей тенденции истории просвещенных народов: «Просвещение человечества как мысль, как наука развивается постепенно, последовательно. Каждая эпоха человеческого бытия имеет своих представителей в тех народах, где образованность процветает полнее других. Но эти народы до тех пор служат представителями своей эпохи, покуда ее господствующий характер совпадает с господствующим характером их просвещения. Когда же просвещение человечества, довершив естественный период своего развития, идет далее и, следовательно, изменяет характер свой, тогда и народы, выражавшие сей характер своею образованностью, перестают быть представителями всемирной истории. Их место заступают другие, коих особенность всего более согласуется с наступающей эпохой. Эти новые представители человечества продолжают начатое их предшественниками, наследуют все плоды их образованности и извлекают из них семена нового развития. Таким образом, с тех самых пор, с которых начинаются самые первые воспоминания истории, видим мы неразрывную связь и постепенный, последовательный ход в жизни человеческого ума; и если по временам просвещение являлось как бы останавливающимся, засыпающим, то из этого сна человек пробуждался всегда с большей бодростью, с большей свежестью ума и продолжал вчерашнюю жизнь с новыми силами. Вот отчего просвещение каждого наро-

---

⁹⁰ Там же. С. 27–28.

да измеряется не суммой его познаний, не утонченностью и сложностью той машины, которую называют гражданственностью, – но единственно участием его в просвещении всего человечества, тем местом, которое он занимает в общем ходе человеческого развития. Ибо просвещение одинокое, китаяски отделенное, должно быть и китаяски ограниченное: в нем нет жизни, нет блага, ибо нет прогрессии, нет того успеха, который добывается только совокупными усилиями человечества»⁹¹.

Об обвинителях Петра I и об их утверждении, будто он дал ложное направление образованности России, заимствуя ее из просвещенной Европы, а не развивая изнутри русский быт: «Эти обвинители великого созидателя России с некоторого времени распространились у нас более чем когда-либо, и мы знаем, откуда почерпнули они свой образ мыслей. Они говорят нам о просвещении национальном, самобытном, не велят заимствовать, бранят нововведения и хотят возвратить нас к коренному и стариннорусскому. Но что же? Если рассмотреть внимательно, то это самое стремление к национальности есть не что иное, как непонятное повторение мыслей чужих, мыслей европейских, занятых у французов, у немцев, у англичан и необдуманно применяемых к России. Действительно, лет десять тому назад стремление к национальности было господствующим в самых просвещенных государствах Европы: все обратились к своему народно-

---

⁹¹ Там же. С. 28–29.

му, к своему особенному, но там это стремление имело свой смысл: там просвещение и национальность одно, ибо первое развилось из последней. Потому если немцы искали чисто немецкого, то это не противоречило их образованности, напротив, образованность их таким образом доходила только до своего сознания, получала более самобытности, более полноты и твердости. Но у нас искать национального значит искать необразованного, развивать его на счет европейских нововведений значит изгонять просвещение, ибо, не имея достаточных элементов для внутреннего развития образованности, откуда возьмем мы ее, если не из Европы? Разве самая образованность европейская не была последствием просвещения древнего мира? Разве не представляет она теперь просвещения общечеловеческого? Разве не в таком же отношении находится она в России, в каком просвещение классическое находится в Европе?»⁹²

О Екатерине II как продолжательнице дела Петра Великого: «Екатерина II действовала в том же духе, в каком работал великий Петр. Она также поставила просвещение России целью своего царствования и также всеми средствами старалась передать нам образованность европейскую. Может быть, средства сии были не всегда самые приличные тогдашнему состоянию России, но, несмотря на то, образованность европейская начала распространяться у нас видимо и ощутительно только в царствование Екатерины. Причина тому

---

⁹² Там же. С. 29–30.

заключается, по моему мнению, не столько в том, что Екатерина нашла в России уже многое приготовленным, сколько в том особенном направлении, которое просвещение Европы начало принимать в половине восемнадцатого века»⁹³.

О новых направлениях европейской просвещенности: «... с половины восемнадцатого века просвещение в Европе приняло направление, противоположное прежнему. Новые начала и старые явились в борьбе, различно измененной, но всегда осмысленной. <...> В науках, в искусствах, в жизни, в литературе, одним словом, в целой сфере умственного развития Европы новые успехи хотя были последствием прежнего развития, но, несмотря на то, принимали характер противоположный ему и с ним несовместный, как плод, который родился и созрел на дереве, но, созрев, отпадает от него и служит семенем нового дерева, которое вытесняет старое»⁹⁴. Вот почему «...образованность европейская является нам в двух видах: как просвещение Европы прежде и после половины восемнадцатого века. Старое просвещение связано неразрывно с целой системой своего постепенного развития, и, чтобы быть ему причастным, надобно пережить снова всю прежнюю жизнь Европы. Новое просвещение противоположно старому и существует самобытно. Потому народ, начинающий образовываться, может заимствовать его прямо и водворить у себя без предыдущего, непосредствен-

---

⁹³ Там же. С. 30–31.

⁹⁴ Там же.

но применяя его к своему настоящему быту»⁹⁵.

Более убедительно и точно, чем И. В. Киреевский, выразить необходимость России подражать Западу вряд ли было возможно. Поэтому мы должны признать, что по отношению к выбору между *заимствованием* и *самобытностью* в российской истории взглядам Ивана Васильевича предстояло претерпеть коренное изменение. Мысли И. В. Киреевского, изложенные в статье «Девятнадцатый век», еще проверятся уединением и молитвой, наполнятся мудростью старцев и откровениями Отцов Церкви, отточатся в диалоге и идейном противостоянии сторонников западного и собственно русского пути развития, а именно *западников* и *славянофилов*.

Но пока И. В. Киреевский видит свою задачу, как и задачу людей своего круга, знакомить русскую читающую публику с произведениями иностранной словесности и с выводами западной науки. В этой связи его занятия словесностью, философией и историей представлялись не как цель, а как средство для подготовки к литературно-общественной деятельности: публицистика олицетворяла мечту Ивана Васильевича, она была сферой приложения его таланта, средством достижения признания и успеха. Лишившись этого любимого и уже привычного дела, И. В. Киреевский испытает подлинный шок. Выбитый из жизненной колеи, он в течение фактически семи лет не создаст ничего заметного, кроме двух небольших безымянных статей. 30 декабря 1833 года для

---

⁹⁵ Там же. С. 32.

«Одесского альманаха» будет написано развернутое письмо к Анне Петровне Зонтаг, в котором Иван Васильевич изложит свой взгляд на русских писательниц⁹⁶. В 1834 году издатель «Телескопа» получил от И. В. Киреевского разбор стихотворений Н. М. Языкова⁹⁷ с сопроводительным письмом. «Милостивый государь, если Вы найдете статью мою достойною помещения в Вашем журнале, то прошу Вас напечатать ее без примечаний; это будет Вам тем легче, что, говоря о литературе прошедшего года, Вы, вероятно, скоро должны будете изложить свое мнение о Языкове и, следовательно, читатели Ваши не припишут Вам тех мыслей из моей статьи, с которыми, может быть, Вы не согласны. Имею честь и пр. Y-Z»⁹⁸. Из литературных произведений И. В. Киреевского так и остались без продолжения две неполные главы романа «Две жизни», над которыми он работал в 1832 году⁹⁹. Возможный читатель так и остался заинтригован качествами женщины, к которым отнес: красоту или некоторую ее степень; вкус; воспитание и образованность; грацию манер; внутреннюю грацию, грацию ума и душевных движений; поэзию сердца; житейскую мудрость; добродетельность; возвышенность ума и характера; душу. Выведенный в самом нача-

---

⁹⁶ Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. С. 79–90.

⁹⁷ О стихотворениях г-на Языкова // Телескоп. 1834. Ч. XIX. Кн. 3, 4.

⁹⁸ Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. С. 360.

⁹⁹ Там же. С. 248–256.

ле романа образ совершенной женщины развития не получил. В 1838 году И. В. Киреевский взялся было за повесть «Остров»¹⁰⁰, мистически погружаясь в историю некоего скалистого места, уединенно возвышающегося посреди Средиземного моря. Замысел «Острова» был, по-видимому, широк. В этой повести Иван Васильевич задумал изобразить вступление в жизнь потомка греческих императоров Александра Палеолога, воспитанного в идеальной семейной обстановке, но в полном отчуждении от мира. Юноша, выросший на острове Святого Георгия, уезжает оттуда перед самой войной за освобождение Греции, влекомый жадной познания мира и жизни. Воплощения в литературных образах религиозно-философских взглядов автора на историю и жизнь не произошло... Объясняется это лишь одним. В отличие от своего младшего брата Петра Иван Киреевский не мог работать в тиши своего кабинета, что называется, в стол. Его творческая фантазия жила не возможностью положить мысли на бумагу, ее будили конкретные издательские планы, сроки публикаций и предполагаемое отношение общественности к напечатанному слову.

---

¹⁰⁰ Там же. С. 257–298.

Инициативу старшего из братьев Киреевских издавать журнал «Европеец», как всегда, без каких-либо колебаний поддержал младший. П. В. Киреевский для второго номера «Европейца» подготовил статью «Современное состояние Испании»¹⁰¹, посвященную борьбе испанского народа с реакционным режимом Фердинанда, укрепившего свою власть при помощи французских войск и Священного союза¹⁰². Как и «Изложение курса новогреческой литературы», напечатанное в 13-м и 15-м номерах «Московского вестника» за 1827 год, системный обзор историко-географической литературы по Испании первой четверти XIX века не был авторской работой Петра Киреевского, но своим отбором текстов для перевода литератор выражал свои безусловные симпатии наци-

---

¹⁰¹ Киреевский П. В. Современное состояние Испании // Европеец. 1832. № 2. С. 221–227.

¹⁰² Священный союз – это союз Австрии, Пруссии и России, заключенный в Париже 26 сентября 1815 года, после падения империи Наполеона I. Его целью являлось обеспечение незыблемости решений Венского конгресса 1814–1815 гг. В 1815 году к Священному союзу присоединились Франция и ряд других европейских государств. Священный союз санкционировал вооруженную интервенцию и подавление австрийскими войсками революций в Неаполе (1820–1821 гг.) и Пьемонте (1821 г.) и французскими войсками в Испании (1820–1821 гг.). В ряде актов участвовала Великобритания. Противоречия между европейскими державами расшатывали Священный союз, и в конце 1820-х – начале 1830-х гг. он фактически распался.

онально-освободительному движению.

«Что такое Испания? – задает риторический вопрос П. В. Киреевский. – Прошло уже много лет с тех пор, как этот вопрос повторяется, а задача все еще не решена. Постараемся представить здесь взгляд на современное состояние Испании, и влияние физических, нравственных и политических причин на внутреннее устройство. Может быть, нам удастся с помощью новейших сочинений об этом предмете дать истинное понятие об улучшениях и усовершенствованиях, для Испании возможных. Предприятие наше трудно. Размер этой картины обширен, и подробности многосложны, но мы надеемся, что методическое распределение и отчетливая краткость дадут нам средства расположить сумму собранных замечаний таким образом, что они возбудят живое участие. Во всяком случае можно будет яснее видеть государство, которого слава помрачается и величие падает, но которое хранит еще внутри себя все стихии гражданственного возрождения»¹⁰³. Далее в заданном контексте следует рассказ о географическом положении Испании, ее климатических особенностях, приводятся историко-статистические данные по народонаселению и торгово-экономической деятельности. Определенное место в статье П. В. Киреевский отводит вопросам, касающимся развития в Испании науки и образования, политического правления и судопроизводства.

---

¹⁰³ Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. С. 330.

И все это на основе хорошей фактологии, позволяющей всесторонне оценить заявленные в публикации проблемы.

Материал, подготовленный П. В. Киреевским по Испании, полностью совпадал с редакционной идеей нового журнала. Впоследствии он намеревался предложить «Европейцу» свои шекспировские переводы, а также свой перевод «Истории Магомета» Вашингтона Ирвинга. Однако заявит себя в качестве специалиста по восточным славянам и напишет ответ на сочинение М. П. Погодина «Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала»¹⁰⁴. Это будет первое и единственное открытое выступление П. В. Киреевского с изложением собственной позиции, затрагивающей мнение другого человека. Совершить этот поступок он мог, разумеется, только для брата Ивана. В конце 1830-х годов И. В. Киреевский прерывает свое долгое публичное молчание и вступает в полемику о прошлом и будущем России, развернувшуюся с особой остротой в связи с публикацией в пятнадцатой (сентябрьской) книжке «Телескопа» за 1836 год первого «Философского письма» П. Я. Чаадаева.

В русле развернувшихся споров, для знакомства просвещенной части общества с отечественной историей и словесностью М. П. Погодин в 1841 году начнет издавать журнал «Москвитянин». Однако излишний академизм и официозность журнала не приведут на его страницы авторитетных и

---

¹⁰⁴ Москвитянин. 1845. № 1. С. 1–18.

популярных авторов. «“Москвитянин”, – заметит Н. В. Гоголь Н. М. Языкову, – издаваясь уже четыре года, не вывел ни одной сияющей звезды на словесный небосклон! Высунули носы какие-то допотопные старики, поворотились и скрылись»¹⁰⁵.

В 1844 году, когда журнал будет на грани закрытия, М. П. Погодин предложит его И. В. Киреевскому, с мыслью, что «бывший “Европеец” воскреснет “Москвитянином”», и к большой радости А. С. Хомякова, вопрошавшего: «Не символ ли это необходимого пути, по которому должно пройти наше просвещение? И коренная перемена в Киреевском не представляет ли утешительного факта для наших надежд?»¹⁰⁶

Вот характерная переписка И. В. Киреевского того времени¹⁰⁷.

1844 год

И. В. Киреевский П. В. Киреевскому

Спасибо, брат Петр, что ты не поленился побывать у Погодина и написать ко мне, но все же я не понимаю хорошо, отчего вы не решите дело без меня и чего именно вы от меня

---

¹⁰⁵ Гоголь Н. В. Сочинения и письма: в 6 т. СПб., 1857. Т. 6. С. 159.

¹⁰⁶ См.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: в 22 кн. СПб., 1890. Кн. 7. С. 404.

¹⁰⁷ Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений в четырех томах. Т. 3. С. 103–112.

требуете? Я назначал четверых, потому что предполагал их в Москве, но за отсутствием их ты мог бы с Погодиным решить все вдвоем. По крайней мере, отбери у него его условия и напиши их мне или уговори его написать самого или продиктовать, если он писать не может. Если, как вероятно, эти условия будут для меня возможны, то так дело и уладится. Если же я найду их почему-либо для меня неудобноисполнимыми, то напишу ему, и тогда, по крайней мере, будет дело ясно. Хомяков писал ко мне, но не знаю, с согласия ли Погодина, что надобно будет отделить известное число подписчиков на расходы по журналу, а сколько именно, это лучше всего может знать сам Погодин по опыту; потом следующие затем 100 подписчиков в пользу Погодина – на это условие я согласен.

Но так как я думаю, что первый год будет мне средством к знакомству с публикою, то надеюсь иметь в следующие годы больше подписчиков; оттого надобно, чтобы Погодин лишил себя права отнять у меня журнал иначе, как с моего согласия.

Но прежде всего и самое существенное – это получить позволение, без того все расчеты пишутся на воздухе...

Долбино. 10 апреля 1844 года

И. В. Киреевский А. С. Хомякову

<...> Предложение твое доставило мне истинное сердечное удовольствие, потому что ясно видел в нем твое дружеское чувство, которое в последнем итоге есть чуть ли не

самая существенная сторона всякого дела. Что же касается собственно до этого дела, то если в нем и есть дурная сторона, деловая, то так завалена затруднениями, что вряд ли в нашей дружбе возможно будет откопать ее. Впрочем, представляю мое полное и подробное мнение об этом предмете на суд тебе, братьям Петру и Васе¹⁰⁸ и тем, кто вместе с нами интересуется об этом деле.

Я думаю, что лучше, и полезнее, и блестящее, и дельнее всего издавать журнал тебе. Тогда во мне нашел бы ты самого верного и деятельного сотрудника. Потому, что хотя мне запрещено было издавать «Европейца», но не запрещено писать и участвовать в журналах. Если же ты решительно не хочешь оставить свою куклу Семирамиду (потому что зайцы бы не помешали: на время порош мог бы заведовать журналом другой), то отчего не издавать Шевыреву? Нет человека способнее к журнальной деятельности. К тому же «Москвитянин» держался им, и, следовательно, теперь при отъезде Погодина всего справедливее журналу перейти к нему. Но так как ты об этом не пишешь, то, вероятно, есть какие-нибудь непреодолимые затруднения, то есть его решительный отказ и пр. В этом последнем случае вот что я скажу о себе: издавать журнал было бы для меня самым приятным занятием и, может быть, самым дельным, потому что я, по несчастью, убедился, что для возбуждения моей деятельности необходимо внешнее и даже срочное принуждение. Но

---

¹⁰⁸ Василий Алексеевич Елагин.

против этого много затруднений: 1-е, я обещал Семену¹⁰⁹ «Историю»; 2-е, мне был запрещен журнал, и неизвестно, позволят ли теперь. Пример Полевого¹¹⁰, которому запретили один и позволили другой, не знаю, приложится ли ко мне. Разве 12-тилетняя давность послужит мне заменой других заслуг. Но без ясного и формального позволения я издавать не стану, именно потому, что уже раз мне было запрещено. 3-е. Если мне и позволят, то можно ли найти гарантии против того, что опять петербургские журналисты меня оклеветают, донесут и выхлопочут новое запрещение? Подвергнуться во второй раз тому, чтобы быть жертвой Булгариных¹¹¹, было бы уже чересчур глупо с моей стороны и в мои лета! Что, кажется, благонамереннее Погодина и его «Москвитянина»? Я так думаю, хотя и не читал его. А между тем сколько было на него доносов и сколько раз рисковал он быть запрещенным, если бы не спасал его министр. У меня этой опоры не будет и никакой, а между тем Булгарини с братией будут на меня еще злее, чем на Погодина, потому что я имел неосторожность еще в 29-м году обидеть самолюбие большей части петербургских литераторов и сделал их своими личными врагами. Против этого могло бы быть одно спасение: если бы человек благонамеренный, и неподкупный, и вместе сильный взял журнал под свое покровительство, то есть го-

---

¹⁰⁹ Семен Егорович Раич.

¹¹⁰ Николай Алексеевич Полевой.

¹¹¹ Намек на участие Ф. В. Булгарина в закрытии журнала «Европеец».

воря покровительство, я разумею не послабление цензуры, но, напротив, увеличение ее строгости, только не бестолковой, и вместе защиту от доносов и заступление от запрещения. Таким человеком я разумею Строганова¹¹², но не знаю, согласится ли он на это. Вот как я воображаю себе это дело: если бы кто-нибудь из наших общих знакомых сказал ему следующее: Вашему сиятельству известно, что Погодин уезжает за границу и продает свой журнал. Купить его желал бы Киреевский, надеясь, что после 12-тилетнего молчания ему позволено будет говорить, тем более, что когда он через знакомых своих справлялся о том, то ему отвечали, что запрещен «Европеец», а не он, и поставили в пример Надеждина и Полевого, находившихся в том же положении. Но Киреевский, естественно, не хочет в другой раз подвергнуться той же участи и потому не решается просить позволения прежде, чем узнает, может ли, в случае разрешения, надеяться на ваше покровительство журналу. Образ мыслей его вам известен. Под покровительством разумеет он одно: уверенность, что при самой строгой цензуре, какую вам угодно будет назначить, ответственность затем будет лежать на ней, а не на нем.

Если Строганов будет обещать это, то тогда надобно пустить Валуева¹¹³ в переговоры с Семеном. Если Семен не сочтет себя обиженным за то, что я не пишу «Истории», то в

---

¹¹² Сергей Григорьевич Строганов.

¹¹³ Дмитрий Александрович Валуев.

таком случае надобно будет условиться с Погодиным таким образом, чтобы он не делал ни малейшей жертвы, а высчитал бы, что стоит издание журнала, сколькими подписчиками оно покрывается, отчислил бы сверх того 50 экземпляров на безденежную раздачу и затем назначил бы себе такое число ежегодно, какое считает достаточным. Об этом надобно будет сделать формальное условие тогда, когда и если я получу позволение, которое, впрочем, он же должен будет мне исходатайствовать, т. е. частными письмами узнать прежде через своих знакомых, возможно ли это, и если скажут – да, то подать прошение министру, чтобы позволено ему было передать «Москвитянин» мне. Или, может быть, мне самому надобно будет подать о том прошение, в таком случае пришлите мне форму, как и кому писать, тоже списавшись с людьми знающими и поговоря с гр. Строгановым. Я думаю, впрочем, что это прошение должно будет дойти до государя, потому что от его имени объявлено мне было запрещение. Но можно ли просить государя об этом? И каким образом? Я думаю, в этом случае надобно мне будет писать к гр. Бенкендорфу¹¹⁴. Оправдываться в прошедшем было бы теперь некстати. Но когда ты знаешь, что я не оправдывался (оправдание мое, которое ходило тогда по Москве, было писано не мною и не по моим мыслям и распущено не по моему желанию). Теперь я мог бы сказать только одно: что с тех пор прошло 12 лет; что, разбирая свой образ мыслей по совести,

---

¹¹⁴ Александр Христофорович Бенкендорф.

я не нахожу в нем ничего возмутительного, ни противного правительству, ни порядку, ни нравственности, ни религии и потому осмеливаюсь думать, что не достоин того, чтобы молчание, наложенное на меня с 32-го года, было наконец снято и пр. Какое может быть из этого следствие, я не знаю, но ты видишь по крайней мере, что я не упряплюсь отказываться, но, развивая мысль, невольно встречаюсь с столькими затруднениями, что вряд ли ты сам найдешь их преодолимыми...

2 мая 1844 года

И. В. Киреевский А. С. Хомякову

<...> На предложение твое я весьма бы рад был согласиться, если бы это было возможно. Но рассуди сам, если я, не зондировавши грунта, вдруг явлюсь издателем и если вдруг, основываясь на прежнем, поступят с «Москвитянином» так же, как с «Европейцем», то не лишу ли я Погодина его собственности и не приобрету ли самому себе право называться по крайней мере ветреным и неосновательным человеком? Когда я говорил в прежнем письме об имени, то, конечно, не для того, чтобы одному пожинать лавры, но я хотел иметь право отвечать один. Если же собственность журнала останется Погдину, то чем я могу вознаградить его в случае неудачи? Если правительству будет известно, что я издаю, и журналу это не повредит, то в этом случае до имени мне дела нет, только бы иметь право показывать свой образ мыс-

лей самовластно. Если же могло бы к моему имени присоединиться имя литературной известности, то это не только бы подняло журнал, но еще и мне придало бы больше куражу. Не согласится ли Шевырев? Каждый отвечал бы за себя. А если бы ты согласился, то за успех можно бы наперед дать расписку. Что же касается до имени неизвестных, то я не понимаю, для чего они? Разве для того, чтобы наперед отнять у публики доверенность. Если же комитет нужен только для того, чтобы мне *passer inapereçu*¹¹⁵, то это, мне кажется, плохой расчет. Когда-нибудь я буду же *apereçu*¹¹⁶, и тогда опять те же отношения. К тому же издавать комитетом значит сделать кашу без масла.

О Строганове я писал потому, что, 1-ое, он человек благородный и хороший, 2-ое, он глава московского просвещения, 3-е, ему известен мой образ мыслей по двум статьям, которые я ему сообщил. Основываясь на этом, я думал, что он может взяться обезопасить журнал от скоропостижной смерти, стеснив его жизнь посредством цензуры. Но собственно покровительство его, просто как покровительство, мне не нужно.

Результат всего следующий: без того, чтобы имя мое было известно и позволено, я издавать не могу, тем более что журнал остается собственностью Погодина. Если же это может быть, то есть совершенно безопасно для журнала, тогда

---

¹¹⁵ Пройти незамеченным (*фр.*).

¹¹⁶ Замечен (*фр.*).

устройвай, как хочешь, я на все согласен.

Еще одно: ты пишешь, что противники издают «Галатею». Кто же эти противники? Неужели ты так называешь Грановского¹¹⁷ и пр.? Если так, то не ошибаетесь ли вы и во мне? Может быть, вы считаете меня заклятым славянофилом и потому предлагаете мне «Москвитянин»... То на это я должен сказать, что этот славянофильский образ мыслей я разделяю только отчасти, а другую часть его считаю дальше от себя, чем самые эксцентричные мнения Грановского.

Я отменно обрадован был известием, что ты и Языков начали писать. От этого только подписываюсь на «Москвитянина»...

15 мая 1844 года

И. В. Киреевский П. В. Киреевскому

Я не мог приехать, друг Петр, между прочим, и потому, что был болен, простудил горло и несколько времени не выходил из комнаты, а когда выздоровел, то не знал, застану ли уже кого в Москве, потому что о времени отъезда Х.¹¹⁸ мне не писал, а уведомил только, что скоро – наречие неопределенное, требовавшее частицы не. Вообще вы пишете очень необстоятельно и читаете письма так же. Например, кто тебе сказал, что труд этот был бы для меня чрезмерно тяжел? Напротив, я жажду такого труда, как рыба, еще не зажарен-

---

¹¹⁷ Тимофей Николаевич Грановский.

¹¹⁸ Михаил Петрович Погодин.

ная, жаждет воды. И с вашей помощью надеюсь одолеть его. Если же правда, что мое участие могло бы расколыхать деятельность моих друзей, то это счастье было бы для меня величайшею причиною желать согласиться на ваше предложение. Но хочу только не ввести никого в ответственность и не прятаться как злоумышленник. На ряд имен я готов согласиться в таком случае, если бы мое было позволено с сознанием, что оно мое. Если Погодин возьмется исходатайствовать это, то на ряд имен я готов согласиться, разумеется, с тем, чтобы это нисколько не стесняло моих убеждений. Тогда пусть этот ряд издает «Москвитянина» нынешний год, а я приеду участвовать к осени. Условия пусть делает Хомяков так, чтобы и Погодину было выгодно, и журнал мог идти.

На будущий год, я бы думал, хорошо завести следующую систему издания: 1. Самую аккуратную бухгалтерию. 2. Начать журнал, когда бы он имел 1000 подписчиков, и уменьшить объем, если будет меньше. 3. Все остающееся количество сбора за расходами употребить на плату за статьи, считая оригинальные втрое против переводных, также уменьшать и увеличивать плату по мере подписчиков.

Этот расчет сделать легко, и при аккуратной бухгалтерии ни один участник не будет считать себя обманутым, и журнал будет иметь сотрудников. При каждом № на обертке печатать число подписчиков и расчет суммы, следующей участникам.

Сообщи это письмо Хомякову и пришли мне ответ скорый, то есть немедленный. Если и ты, и Хомяков залени-

тес писать, то поручите кому-нибудь. Но поймите меня хорошо, я согласен на ваши предложения только в случае официального позволения, и притом при таком устройстве, чтобы при скоропостижной смерти Жуковского никто не пострадал от меня и, при жизни и здоровье Жуковского, чтобы я не был стеснен чужою волею.

Кажется, требования мои справедливы, и нельзя быть стоворчивее. Впрочем, удастся ли это дело или нет, но скажу тебе, что я уже извлек из него такие выгоды, которые превышают всякую неудачу. Без преувеличения могу сказать, что я имел минуты настоящего счастья, соображая все дружеское участие в этом деле именно тех, кто так высоко у меня в сердце.

<...> Нельзя ли в ответе твоём, или кому ты поручишь, сообщить мне твое мнение особенно, Хомякова особенно и предложение Погодина особенно.

Если бы вы согласились на переговоры с С.¹¹⁹, то это дело можно бы было поручить Грановскому, который, конечно бы, не отказал и исполнил бы в меру ясно, благородно и удовлетворительно. Подумай об этом. Кажется, при самом дурном результате будет выгода, то есть мы будем знать, чего надеяться нельзя.

Конец 1844 или начало 1845 года
И. В. Киреевский М. П. Погодину

---

¹¹⁹ Сергей Григорьевич Строганов.

Что ты хочешь делать с «Москвитянином», советуя перепечатывать в него официальные пошлости тайного советника Стурдзы? Он хотя и Стурдза, но хорош только как писатель-христианин, а как начнет быть тайным советником, то становится вроде Сушкова¹²⁰, только несколькими градусами официальнее. Это просто убить журнал, если печатать и еще перепечатывать пошлую лесть, восторженным гласом произнесенную. Напиши к нему, что хочешь, придумай извинение, если нужно извиняться, а мне кажется, лучше поссориться, чем замараться.

Иннокентиева¹²¹ проповедь тоже холодные пустяки. Перепечатывать ее, кажется, не нужно, тем более что «Воскресное чтение» везде, где есть «Москвитянин», и расходуется в гораздо большем количестве. Нельзя ли через Лобкова попросить еще у митрополита¹²² хотя той проповеди на Великую Пятницу, на которой Платон¹²³ написал ему «Ты князь проповедников».

Статью о древней русской торговле давай сюда непременно. Не это называется сухим предметом? Без таких статей «Москвитянин» опошлится. Они-то и могут дать ему настоящий характер.

Надпись на билетах я теперь только прочел и не понимаю,

---

¹²⁰ Николай Васильевич Сушков.

¹²¹ Возможно, отец Иннокентий, в миру Иван Алексеевич Борисов.

¹²² Возможно, митрополит Филарет (Дроздов).

¹²³ Возможно, митрополит Платон (Левшин).

что там написано. Что-то очень темно. К тому же надобно переменить и то, что не 1-го, а 20-го числа будет выходить номер.

И. В. Киреевский заключил соглашение с М. П. Погодиным и начал готовить первые четыре номера «Москвитянина» за 1845 год. Новому редактору передали свои рукописи его старые сотрудники и друзья: П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, А. С. Хомяков, Н. М. Языков, печатавшиеся ранее у Погодина В. И. Даль (Казак Луганский), Н. Д. Иванчин-Писарев, С. П. Шевырев, новое поколение публицистов, ученых и поэтов: К. С. Аксаков, Н. В. Берг, Ф. И. Буслаев, Д. А. Валуев, Л. А. Мей. Среди авторов оказался и П. В. Киреевский, вставший на сторону брата Ивана в его постоянных конфликтах с М. П. Погодиным. И в тот момент, когда Михаил Петрович Погодин выступил на страницах первого за 1845 год номера «Москвитянина» со статьей «Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала», Петр Васильевич Киреевский уже в третьем номере ответил ему статьей «О древней русской истории», представленной в форме открытого письма.

«Ваша статья, – писал П. В. Киреевский М. П. Погодину, – помещенная в первом номере «Москвитянина» <...> возбудила во мне сильное желание высказать те мысли, которые она произвела во мне.

Я знаю, что русская история для Вас не случайное, ремесленное занятие; что Вы сосредоточили на ней Ваши мысли и поставили ее целью Вашей жизни не для того, чтобы сделать ее орудием к достижению других внешних целей, и даже не для того, чтобы новые открытия, в науке важной и малообработанной, льстили Вашему самолюбию. Я знаю, что Ваши постоянные ученые труды основаны на искренней любви к истине и к нашему народу и что эта любовь бескорыстна, именно потому, что она искренна. Вот почему я уверен, что не оскорбят Вас никакие замечания, внушенные тем же чувством и тем же стремлением к истине, которое лежит в основе Вашей ученой деятельности»¹²⁴.

Говоря о М. П. Погодине, П. В. Киреевский имел в виду его непростую, но посвященную одной цели жизнь. Михаил Петрович Погодин родился 11 ноября 1800 г. в Москве в семье домоправителя московского градоначальника графа И. П. Салтыкова – крепостного, получившего *вольную* после смерти барина в 1806 году. С 1814 году учился в 1-й Московской губернской гимназии. В числе лучших выпускников был принят в 1818 году на словесное отделение философского факультета Московского университета. Окончив с золотой медалью университет в 1821 году, М. П. Погодин был оставлен при университете в качестве преподавателя географии в Благородном пансионе. После защиты маги-

---

¹²⁴ Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений в четырех томах. Т. 1. С. 251.

стерской диссертации, в которой доказывал норманскую теорию происхождения государства на Руси, читал всеобщую историю студентам-первокурсникам Московского университета. В 1828 году был произведен в адъюнкты, читал курсы новой («политической») и русской истории на этико-политическом отделении юридического факультета. В 1833 году М. П. Погодин был избран ординарным профессором всеобщей истории, а в 1836 году занял кафедру русской истории. В том же году он становится действительным членом Академии наук, а в 1841 году – ее ординарным академиком. В 1839 году Погодин опубликовал диссертацию о летописи Нестора, удостоенную Демидовской премии Академии наук и ставшую классикой норманизма в русской исторической науке. В 1844 году Михаил Петрович отказывается от преподавания в университете в пользу «учено-литературной деятельности»; в Московском университете его преемниками стали Т. Н. Грановский (по кафедре всеобщей истории) и С. М. Соловьев (по кафедре русской истории).

М. П. Погодин был членом (1825–1875 гг.) и секретарем (1836–1845 гг.) Общества истории и древностей российских при Московском университете; членом (1824–1875 гг.) и секретарем (1834 г.) Общества любителей российской словесности. Встречался с Шеллингом (1835 г.), Гизо (1838 г.), Шатобрианом (1842 г.), первым установил тесные связи с учеными-славистами П. Й. Шафариком, Ф. Палацким, В. Ганкой и др.

Библиография трудов М. П. Погодина включает сотни наименований. Главные его исторические работы – «О происхождении Руси. Историко-критическое рассуждение» (1825 год издания), «Исторические афоризмы» (1827 и 1836 год издания), «Лекции по Герену о политике, связи и торговле главных народов Древнего мира» (1835–1836 год издания), «Нестор, историческо-критическое рассуждение о начале русских летописей» (1839 год издания).

«Ваша главная мысль, – продолжает П. В. Киреевский свое обращение к М. П. Погодину, – что есть коренное, яркое различие между историею западной (латино-германской) Европы и нашей историею – неоспорима. Но статья Ваша, мне кажется, выражает *два совершенно противоположных взгляда*, которые наполняют ее противоречиями, хотя, впрочем, я должен сказать, что именно в этих противоречиях я вижу много достоинства, потому что они доказывают добросовестность Ваших исследований. Нет ничего легче, как насильственно связать события в одну логическую систему, Вам живое исследование истины было дороже систематической стройности.

Но соединение двух несовместимых взглядов разрушает их определенность, и читателю становится трудно составить себе ясное понятие о тех коренных началах русской истории, которые отличают ее от европейского Запада. Поэтому я думаю, что если мы отделим основные начала обоих взглядов, то для нас будет яснее их противоположность, а может быть,

и виднее, который из них ближе к истине.

Главное отличие древней России от западной Европы Вы полагаете в том, что на Западе государства основались на *завоевании*, которого у нас *не было*. Это истина несомненная. Но вслед за тем, начиная вычислять отличительные черты нашей истории, вышедшие, по Вашему мнению, из этого основного начала, Вы приводите такие, которые, если бы существовали, то доказывали бы совершенно противное.

1. “Призвание, – говорите Вы, – и завоевание были в то *грубое, дикое время* очень близки, сходны между собою”.

В таком случае различие от Запада было бы очень невелико, а если предположить, что различие впоследствии могло увеличиться, то этому противоречит дальнейшее развитие вашей мысли, а именно:

2. “Пространство представляло невозможность *быстрого завоевания*”.

3. “Такая обширная страна (как Россия при Ярославе) не могла быть *вдруг завоевана*, подобно Франции, Англии, Ломбардии, Ирландии; пройти это пространство взад и вперед, вдоль и поперек не достанет жизни одного поколения, а *покорить, содержать в повиновении* – колыми паче...”.

Следовательно, *завоевание также было*, но только *не быстрое*; и если различие от западной истории существовало вначале, то уничтожилось по довершении завоевания. Далее вы говорите:

4. “Первые 200 лет после призвания составляют одно про-

исшествие: *начало государства*”.

5. “Страны лежавшие вдали от рек, по сторонам, оставались долго *в покое, пока князья распространились по всем городам*”.

6. “Мы подчинились спокойно первому пришедшему” (?!).

7. “Наши словене приняли чуждых господ без всякого сопротивления” (!?).

Затем следует изображение народного характера самое мрачное и несправедливое. Не ясно ли, что если бы *так было*, то в самом деле призвание и завоевание не только были бы *очень близки, сходны между собою*, но и совершенно *одно и то же*? Все различие нашей истории от западной состояло бы только в том, что там завоевание совершилось *вдруг*, а у нас *мало-помалу*, что там завоеванные покорены силою, а наш народ будто бы *сам добровольно подчинился первому пришедшему* (?!), охотно принял *чуждых господ* и равнодушно согласился, чтобы эти *чуждые господа его покорили и держали в повиновении* (!!). К тому же надобно заметить, что Вы даже не предполагаете, что бы повиноваться этим *чуждым господам* было для нашего народа очень покойно, потому что Вы же говорите, что только “страны, лежавшие в глуши, оставались долго в покое, пока князья распространились по всем городам”»¹²⁵.

В статье «Параллель русской истории с историей евро-

¹²⁵ Там же. С. 251–253.

пейских государств, относительно начала» М. П. Погодин, рассматривая начало русской государственности как добровольное *призвание* норманнов, развивал оригинальную трактовку удельного периода и в целом всей истории России, считая ее бесконфликтной, коренным образом отличающейся от начатой *завоеванием* и движимой социальной борьбой истории Западной Европы. Подтверждая мнение французского историка О. Тьерри о происхождении западноевропейских государств вследствие завоевания, он вслед за Н. М. Карамзиным подчеркивает различие между добровольным призыванием на княжение и завоеванием, определившим, в конечном итоге, разные пути России и Запада в мировой истории. При этом Погодин признает, что на раннем этапе завоевание и призвание мало чем отличаются друг от друга: «Призвание и завоевание были в то грубое и дикое время, положим, очень близки, сходны между собою, разделялись тонкою чертою – но разделялись!»¹²⁶ И тут же замечает, что «малейшее различие в начале производит огромное различие впоследствии»¹²⁷.

П. В. Киреевский парирует М. П. Погодину, отмечая, если бы представленное им «изображение нашей старины было справедливое, то Вы сами не могли бы иметь столько люб-

---

¹²⁶ Погодин М. П. Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала // Погодин М. П. Историко-критические отрывки. М., 1846. С. 62.

¹²⁷ Там же. С. 63.

ви к нашей древней России; не могли бы посвятить ей столько постоянных трудов, столько полезных годов Вашей жизни; не могли бы иметь столько сочувствия с русским народом: такой странный народ был бы явлением единственным, небывалым в летописях мира, и трудно было бы нам думать с любовью о его прошедшей жизни. Надобно признаться, что тот человек, который уже по *самому климату своей земли* не может иметь никакого сочувствия с делами своего народа, — и тот народ, который *подчиняется спокойно первому пришедшему*, который принимает *чуждых господ* без всякого сопротивления, которого *отличительный характер* составляет *безусловная покорность и равнодушие* и который даже *отрекается от своей веры* по одному приказанию *чуждых господ*, — не может внушить большой симпатии. Это был бы народ, лишенный всякой духовной силы, всякого человеческого достоинства, отверженный Богом; из его среды не могло бы никогда выйти ничего великого. Если бы таков был русский народ в первые два века своих летописных воспоминаний, то всю его последующую историю мы бы должны были признать за выдумку, потому что энергия и благородство не могут быть народу привиты никакими *чуждыми господами*. — Вся наша история этому противоречит, и Вам лучше других известно, какова была встреча *всех чуждых господ*, которые пытались *покорить и держать в повиновении* наших предков: как во время татарских нашествий ни один русский городок не был взят без самого отчаянного отпора; какая

сильная, непрерывная борьба продолжалась во все время татарского могущества и, наконец, какова была та *покорность* и то *равнодушие*, с которыми мы встретили *чуждых господ* в 1612 и в 1812 годах. А что касается до готовности нашего народа *отречься от веры по приказанию чуждых господ*, то Вам также лучше других известно, довольно ли залиты кровью этих *чуждых господ* все те стороны России, где наша вера подвергалась гонению, где в самом деле *чуждые господа* думали разрушить православие, а на место его внести унию и латинство.

Каким же образом народ этот так внезапно переменился? Ясно по крайней мере то, что это *мнимое равнодушие к общественными делам* и к своему собственному человеческому достоинству, которое Вы ему приписываете в IX и X веках, не могли происходить от *сурового климата*, потому что климат с тех пор не переменался во все продолжение нашей истории и остался тот же до сих пор; а большая часть нашего народа и до сих пор, как Вам известно, не только не ждет крайней необходимости, чтобы выйти из своего дома, но так мало зависит от климата, что почти всю свою жизнь, несмотря ни на какие времена года, проводит на открытом воздухе и только ночью ложится спать внутри своего дома.

Откуда же могла произойти мысль об этой резкой противоположности между первыми двумя веками нашей истории и всеми последующими? В наших летописях нет ни одного слова, из которого бы она могла возникнуть; напротив, они

изображают нам в первые два века точно тот же характер народа и точно то же коренное устройство государственных отношений, которое мы видим и впоследствии, только с тою разницею, что известия первых веков, по отдаленности их от первого летописца, скудные; а последующие, когда свидетельства летописей становятся подробнее, открывают перед нами яснее все внутренние отношения государства»¹²⁸.

Истоки такого понятия о государственных отношениях и народном характере древней России для П. В. Киреевского очевидны. Они вышли «...из нескольких ошибочных гипотез, внесенных в нашу историю Шлёцером и другими немецкими исследователями, которые, по несчастью, *первые* начали ученым образом обрабатывать нашу историю и обратили свое внимание исключительно на эти два века. Они не могли себе составить ясного понятия об отношениях призванного князя, потому что государственное устройство славянских племен им было незнакомо; вообразили себе Россию прежде варягов каким-то хаосом и предположили, будто бы *наше государство основано варяжскими князьями* и будто бы эти князья, внося свои понятия в *новооснованное государство*, поставили народ к себе в такое отношение, как будто бы он был завоеван. Этот взгляд принят у нас был многими последующими изыскателями за дело решенное, и вот, мне кажется, на чем основано и то, что Вы говорите о *чуждых господах*»

---

¹²⁸ Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений в четырех томах. Т. 1. С. 253–255.

и об народе, который покоряется первому пришедшему.

Шлёцер и другие немецкие ученые только потому могли себе составить такое понятие о первых двух веках нашей истории, что они эти два века изучали совершенно отдельно, безо всякой связи с предыдущим и последующим. Разумеется, что из отрывчатых и кратких известий летописца об этом далеком времени, многозначительных в связи с целым, вышло что-то мертвое, лишенное всякого колорита и характера, и что из этих несвязных камней разрушенного здания можно было строить всякого рода гипотезы и системы»¹²⁹.

В историософской схеме М. П. Погодина *государства, как и все существа в мире, начинаются неприметными точками*. В письме Погодина к А. С. Хомякову это звучит следующим образом: «История всякого государства есть не что иное, как развитие его начала; настоящая и будущая его история так происходит из начала, как из крошечного семени вырастает то или другое огромное дерево, как в человеческих поколениях правнуки сохраняют тончайшие оттенки голоса или легчайшие черты телодвижения своих предков. Начало государства есть самая важная, самая существенная часть, краеугольный камень его истории, и решает судьбу его на веки веков»¹³⁰. Развивая идею о *началах* в статье «Формация государства», М. П. Погодин приходит к выводу, что

---

¹²⁹ Там же. С. 255–256.

¹³⁰ См: Милюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1913. С. 317.

призвание варягов в истории России – «это менее чем зародыш, это математическая точка, почти идея»¹³¹. «Киев, – констатирует Погодин, – с выражением Олега: *се буди мати градом Русским, и временная дань с некоторых племен*, – вот состояние зародыша, форма государства, оставленного приемником Рюрика»¹³². И еще: «Олег пошел; точка двинулась, это правда, точка, не более, но выйдет линия, и какая линия? Полэкватора, треть меридиана»¹³³.

Русское государство, начавшись с неприметной точки, почти идеи, – с призвания варягов, постепенно прошло несколько стадий в своем развитии. «Зародыш» – это Киев с Олегом и Игорем; «оседлость» – «привычка», которой стал следовать Игорь; единовластие – княжение Владимира. Норманны, таким образом, за двести лет «раскинули план будущего государства, наметили его пределы, нарезали ему земли без циркуля, без линейки, без астролябии, с плеча, куда хватила размашистая рука». Все города и племена, находясь во власти одного князя, одного рода, имея родственное происхождение, один язык, одну веру, составили прообраз будущего государства, «сметанного на живую нитку»¹³⁴.

Завоевание на Западе привело к тому, что там движущу-

---

¹³¹ Погодин М. П. Формация государства // Погодин М. П. Историко-критические отрывки. М., 1846. С. 41.

¹³² Там же. С. 43.

¹³³ Там же. С. 42.

¹³⁴ См.: Погодин М. П. Норманнский период русской истории. М., 1859. С. 150.

щей силой исторического процесса стала социальная борьба: «Завоевание, разделение, феодализм, города со средним сословием, ненависть, борьба, освобождение городов, – это первая трагедия европейской трилогии. Единодержавие, аристократия, борьба среднего сословия, революция – это вторая»¹³⁵. В русской же истории нет феодализма, нет городов в западном смысле, нет среднего сословия, «ни рабства, ни ненависти, ни гордости, ни борьбы...», поскольку в основе русского государства лежало добровольное призвание правителей. А «если следствия различны, то и начала различны», – считает М. П. Погодин и делает вывод: «Как на Западе все произошло от завоевания, так у нас происходит от призвания», т. е. «полюбовной сделки»¹³⁶.

Отсутствие взаимного уничтожения, ненависти при призвании варягов определило и отсутствие в России третьего сословия, возникшего на Западе в результате борьбы городов против феодалов, и мирное сожительство различных конфессий. Противоборство, внутреннюю борьбу, изначально присутствующую в политической жизни стран Западной Европы, М. П. Погодин оценивает однозначно негативно, предрекая им будущие потрясения. Исторические начала Древней Руси – это, по Погодину, залог «органичности» на-

---

¹³⁵ Погодин М. П. Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала // Погодин М. П. Историко-критические отрывки. М., 1846. С. 60–61.

¹³⁶ Там же. С. 61–62.

ционально-политического единства и монолитной целостности Российской империи.

П. В. Киреевский обратил внимание на присутствие во взглядах М. П. Погодина некой историко-философской особенности и отметил тот факт, что в статье «Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала» *рядом с той мрачной картиною нашей старины* имеет место и совершенно другая, – иначе описывающая отношение *призванных князей к народу*, да и сам этот народ:

«1) “Рюрик, – говорите Вы, – был призван в Новгород добровольно, и Олег был так же добровольно принят в Киеве”.

2) “С народом у нас князь имел дело лицом к лицу *как защитник и судья*, в случаях, впрочем, очень редких, за что и получал определенную дань – вот в чем и состояло все его отношение”.

Не ясно ли, что это отношение совсем не то, которое показано в прежней картине? Кажется, это не значит *покорить и держать в повиновении*.

3) “Народ на Западе, побежденный и покоренный, был обращен в рабство, *а у нас остался свободным, как был, потому что не был покорен*”.

4) “У нас не было ни победы, ни покорения и не началось никакого различия в правах между пришельцами и туземцами, не началось ни дворянства, ни рабства”.

5) “Все жители различались только по своим занятиям,

равно доступным для всякого, а в политическом, гражданском отношении были равны между собою...”

Совершенно справедливо, но именно потому, что у нас *не было ни победы, ни покорения*, те же коренные основы гражданского быта остались и в продолжение всей нашей истории; а если бы завоевание и покорение, как Вы прежде говорили, *было, но не вдруг, а мало-помалу*, то совершенно в той же соразмерности происходил бы *мало-помалу* и перевес покорителей над покоренными, образовались бы сословия благородных и рабов. Вы, кажется, предполагаете, что это завоевание довершилось через 200 лет, то есть при Ярославе; но Вы же сами говорите, что в *“Правде” Ярослава за русина и словенина совершенно одна пеня и что, следовательно, они имели одинакие права*. А в позднейшие времена еще яснее видно, что этого различия в правах вовсе не было.

б) *“Земля у нас осталась, как прежде, в общем владении народа, под верховною (отвлеченною) властью князя...”*

Опять ясное доказательство, что ничего не было похожего на завоевание, ни на внезапное, ни на постепенное, и что призвание и завоевание не только не были *близки* одно к другому, но были прямо одно другому противоположны. Отсутствие личной земельной собственности, а принадлежность земли *целой общине* (деревне или городу), которая распоряжается ею на мирской сходке, – одно из коренных отличий всех славянских народов, совершенно не совместное с завоеванием; оно у нас не только не нарушалось от призвания ва-

ряжских князей, но, как известно, и до сих пор существует. Эти два изображения одной и той же эпохи истории мне кажутся совершенно несовместимы. Вы сами главное отличие нашей истории от западной полагаете в том, что у нас не было завоевания; Вы признаете, что наш народ призвал варяжских князей добровольно, что он остался совершенно свободен, как был, что не были нарушены ни его собственность, ни его права гражданские и что все отношения призванного князя к народу ограничивались тем, что он был народу защитник и судья, и то в случаях очень редких, – и в самом деле наши летописи¹³⁷ об этом несомненно свидетельствуют»¹³⁸.

В доказательство своей позиции о началах западноевропейской и русской государственности М. П. Погодин приводит факты различий самих элементов, ее составляющих. Так, «наш государь был званым мирным гостем, желанным защитником, а западный государь был ненавистным пришельцем, главным врагом, от которого народ напрасно искал защиты»¹³⁹. «С народом у нас князь имел дело лицом к ли-

---

¹³⁷ Источниками по древнерусской истории П. В. Киреевскому служили летописи (СПб., 1767; М., 1824; СПб., 1845), а также работы Матеевского (*Historya prawodawstw stowian'skich*. Warszawa, 1852), Шафарика (*Slovenské Starožitnosti*. 1837), Караджича (*Сербский словарь*. Вена, 1818), Карамзина (*История государства Российского*. 1816–1829).

¹³⁸ Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений в четырех томах. Т. 1. С. 256–257.

¹³⁹ Погодин М. П. Параллель русской истории с историей западных европей-

цу, как его защитник и судья <...> за что и получал определенную дань»¹⁴⁰, а на западе король был совершенно отделен от народа своими вассалами. «На западе король был обязан своим сподвижникам <...> помогавшим ему покорить землю, а наш князь не имел никаких обязанностей к боярам»¹⁴¹, которые находились в полном его распоряжении. Поэтому, в отличие от русских, «западные воеводы», составившие особый класс, многочисленное сословие, почитали себя почти равными королю, который без них ничего не значил, не мог владеть государством, не мог действовать, не мог повелевать ими: «Те делали, что хотели, а наши, что приказывал им князь»¹⁴². Такое заключение М. П. Погодин делает из своего понимания многочисленности западной аристократии: в Европу «пришли огромные войска-племена со множеством предводителей», из этих предводителей и их потомков составила аристократия. На Руси же «воеводы», бывшие передним рядом княжеской свиты, гвардии, дружины, в силу своей малочисленности и прямой зависимости от князя, не составили «особого класса»¹⁴³.

В теоретико-методологической позиции М. П. Погодина большое место занимает и так называемый *географиче-*

ских государств, относительно начала // Погодин М. П. Историко-критические отрывки. М., 1846. С. 64.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же. С. 65.

¹⁴³ Там же.

ский фактор. Первое, на что обращает здесь внимание По-годин, – это «пространство», обширность территории страны, обусловившее «невозможность быстрого завоевания», с одной стороны, с другой – отсутствие борьбы за землю, которой было очень много («Бери всякий, сколько хочешь») и которую не нужно было ни у кого отнимать – «пройти это пространство взад и вперед, вдоль и поперек – не достанет жизни одного поколения, а покорить, содержать в повиновении, кольми паче»¹⁴⁴.

Второе обстоятельство – многочисленность и единство туземного населения, которое внушало уважение пришельцам. В отличие от разнородных обитателей территории Западной Европы, народ славянский, как указывает М. П. По-годин, «был очень многочислен и един по своему происхождению <...> Это единство сообщало ему твердость, доставляло влияние, коему невольно подчинялись пришельцы»¹⁴⁵.

Третье обстоятельство, отмеченное Погодиным, было связано с тем, что в Древней Руси всякому потоку завоевания препятствовало «заселение не сплошное, но разделенное лесами, степями, болотами, речками, без больших дорог, при трудных сообщениях»¹⁴⁶.

Четвертым обстоятельством М. П. Погодина стала «бедность» земли, требующей приложения большого труда и не

---

¹⁴⁴ Там же. С. 75.

¹⁴⁵ Там же. С. 76.

¹⁴⁶ Там же. С. 76–77.

доставлявшей никакой пищи роскоши. Поэтому экспансивные устремления первых русских князей касались других богатых мест. «Совсем не то на Западе, где пришельцы нашли себе рай земной, в сравнении с их отчиной, из коего некуда им было желать более»¹⁴⁷.

Пятое обстоятельство, обусловившее аполитичность русского народа, предоставившего все государственные дела князю и боярам, – суровый климат, который, по предположению Погодина, «заставлял обитателей жить дома, около очагов, среди семейств и не заботиться о делах общественных, делах площади, куда выходили они только в крайней нужде»¹⁴⁸.

Шестое обстоятельство, способствовавшее «одинаковости отношений» и «гражданскому равенству», по М. П. Погодину – это равнинная территория Руси. «Некому и нечем было воспользоваться. Феодалу негде было выстроить себе замка, он не нашел бы себе неприступной горы, – да и камня нет, на строение, а только сгораемый лес»¹⁴⁹.

И последнее, седьмое «физическое» обстоятельство, на которое обращает внимание Погодин, – «система рек, текущих внутри земли, странное отделение от всех морей». А отсюда трудность контактов туземного населения с внешним миром, его одиночество, особость пути, мир и покой суще-

---

¹⁴⁷ Там же. С. 77.

¹⁴⁸ Там же. С. 77–78.

¹⁴⁹ Там же. С. 78.

ствования, и, в конечном счете, то, что «мы <...> подчинились спокойно первому пришедшему»¹⁵⁰.

Объединяя все семь географических факторов становления славянской государственности, М. П. Погодин делает вывод о генезисе самобытности, так как и обширность территории, и многочисленность населения, и отсутствие дорог, и тяжелые климатические и иные физические условия, взятые в совокупности, делали *завоевание* Древней Руси невозможным.

П. В. Киреевский указал М. П. Погодину на очевидное противоречие в его концепции становления западной и русской государственности, предложив автору статьи «Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала» более детально посмотреть на перемены в государственном устройстве *русских славян*, произошедшие *от призвания варяжского княжеского рода*. «Все стает на свои места, – замечает П. В. Киреевский, – когда сообразим русскую историю тех веков, об которых наши летописи говорят подробнее, с известиями Нестора о состоянии России до призвания Рюрика. Правда, что свидетельства Нестора о временах дорюриковских, так же, как и о первых двух веках после призвания, отрывчаты и кратки, но зато они правдивы и определительны; а если мы взглянем на историю и на государственные отношения наших славянских братьев, то, может быть, многое в отрывчатых сказаниях Нестора для

---

¹⁵⁰ Там же.

нас объяснится, может быть, даже для нас понятнее будет и значение призванного князя и самая причина призвания.

Еще в VI веке византийские историки описывают нам государственный быт славян почти такой же, как Нестор. Вообще все известия как иностранных, так и славянских летописцев согласны, что государственное устройство всех славянских племен основано было на отношениях *родовых*. Все племена славянские состоят из отдельных родов. У каждого рода был свой *старейшина*, или глава; у целого племени был один общий старейшина, и наконец все племена, составлявшие один народ, соединялись около одного общего всем главы, или старейшины.

Название этих старейшин в различных славянских странах и в различные времена было различно. У чехов верховный старейшина всего народа назывался *господином, князем*, у поляков сначала *воеводою*, а потом *князем*¹⁵¹; у сербов и хорватов великим жупаном; у моравян и у русских великим князем. Позднее (около X века) сербы, чехи и поляки стали называть своих великих князей *королями*, а еще позднее сербы называли их *царями*. Названия старейшин одного пле-

---

¹⁵¹ В этом месте П. В. Киреевский делает пояснение: «Нельзя сказать положительно, когда поляки начали называть своих монархов королями. Лужичане, завоеванные Болеславом I, называли его старейшиною (в латинских документах *senior*), а сами поляки сначала его называли *воеводою*, а позднее *князем* (*ksiedz*), если верить летописи Богухвала. Замечательно, что переводчик “Статута” Казимира Великого этим выражением называет короля. У чехов верховный глава назывался *господином, кнезем*, на Руси – *великим князем*».

мени, старейшин одного рода, были также разнообразны у различных славянских народов: их называли *князьями, жу-панями, боярами, воеводами, властелинами, панями, банами, ляхами, владыками, старейшинами, старцами*, а иногда и все эти названия сливались в одном общем имени князя, потому что слово *князь*, (происходящее от древнего славянского корня *кон*, т. е. *край, начало*), выражало вообще *начальника* или *главу*. Так и до сих пор у нас верхнее бревно на кровле дома называется *князем*, а в Сербии до сих пор *князем* называется и верховный глава всей Сербии, и простой деревенский староста¹⁵².

Но несмотря на это чиноначалие старейшин, каждый род не был в прямой зависимости от общего всем старейшины, а управлялся особо своим главою вместе со всеми главами семей, его составляющих. Города были средоточиями родовых, племенных и народных собраний, и потому между городами существовало то же чиноначалие, как и между старейшинами¹⁵³.

---

¹⁵² П. В. Киреевский уточняет: «В Сербии всякая нахия (округ) разделена на несколько кнежин, например: *Мачва* одна из кнежин Шабецкой нахии, *Поцерина* другая, а *Тарнава* третья; Зворницкую нахию составляют кнежины Ядр, Радевина. При Георгии Черном в каждой кнежине был *воевода*; так, например, Стоян Чупич был воевода в Мачве, Милош Стойчевич в Поцерине и т. д. Кнежины еще подразделяются на «срезы». *Кнезь сеоски* (князь сельский) – *miagister vici Dorffchultse*, деревенский староста. У лужичан слово *кнезь* до сих пор значит то же, что *господин* (*monsieur*); *млодый кнезь* – молодой дворянин; *кнезство* – дворянство. У чехов *кнезь* теперь значит *священник*».

¹⁵³ Свое мнение П. В. Киреевский подкрепляет выводом известного польского

<...> Деревня решала свои дела на мирской сходке; когда встречались дела, касающиеся до целого рода, род собирался в свой город на общий совет, или вече, на котором присутствовали все, способные носить оружие, и совещались об делах под председательством своих старцев¹⁵⁴. Точно таким же образом собиралось вече племенное и вече народное¹⁵⁵, но только с тем различием, что там естественно не могла присутствовать вся масса народа, а собирались уже одни старейшины всех родов»¹⁵⁶.

П. В. Киреевский отвергает мнение ученых, занимавшихся славянскими древностями, относительно княжеского са-

---

исследователя славянских древностей М. Матеевского: «Но это родовое управление во многом было не похоже на патриархальное управление израильтян или арабов, потому что роды славянские хотя и жили отдельно, но управлялись народными собраниями».

¹⁵⁴ П. В. Киреевский считает нужным сделать уточнение: «За Карпатами с незапамятных времен вместо *веча* существовали *сборы*. То же самое правление было у поляков, чехов и русских... Правление народное было и у лужичан, и у поморян. В Польше, у чехов и на Руси существовало *вече*, следовательно, и *поветы* должны были там существовать с глубочайшей древности. И в самом деле, эти страны разделены были сообразно с народными совещаниями и с судопроизводством».

¹⁵⁵ «В обширнейшем смысле делились страны славянские на *земли* (*terrae, provinciae, palatinatus*). Очевидно, что и это разделение восходит до глубокой древности, потому что славяне для решения дел большей важности собирались на *большие вече*, или на *сеймы* (*Zyem, Syem, Seum*). У чехов эти собрания назывались *снемы*; у русских также *снемы, съезды, земские соборы*», – делает замечание П. В. Киреевский.

¹⁵⁶ Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений в четырех томах. Т. 1. С. 258–260.

на, возникшего якобы из необходимости внешней обороны. К такому заключению, считает Петр Васильевич, можно было прийти, основываясь только на свидетельстве Велисариева секретаря Прокопия и других византийских историков VI века, которые *определятельно говорят, что славяне не знают монархической власти*. Однако из этого не следует, что у славян не было *родовых старейшин*. С незапамятных времен у них существовали и *удельные и великие князья*, что подтверждается самыми первоначальными историческими свидетельствами всех славянских народов. П. В. Киреевский делает вывод, *княжеский сан у славян основан на их коренном, родовом устройстве* и потому *современен существованию* самого славянского народа.

«Простота и безыскусственность древнего быта, удивительное единство языка, веры, обычаев и характера, несмотря на все разнообразие внешних отношений, – продолжает свои размышления П. В. Киреевский, – наложили на историю всех славян, особенно в первые века их исторической памяти, печать разительного сходства. Поэтому и нам даже беглый взгляд на первоначальную историю наших славянских братьев покажет, до какой глубокой древности восходит то государственное устройство, которое мы находим в России не только во время призвания варяжских князей, но и несколько веков после этого события.

В VI веке, когда чехи пришли в Богемию, у них был *один главный вождь*, о котором древнейшие предания говорят,

что его звали *Чехом* и что он вышел из Хорватии со множеством челяди и *с шестью братьями*. Имена этих братьев не сохранились, но еще в позднейшие века упоминаются в летописях имена *семи отдельных племен*, именно *хорваты, дудлебы, лучане, седличане, пшовяне, дечане и лемесы*, которые жили также в Богемии, кроме своих *племенных старейшин* имели *одного общего князя* с чехами и потом слились с ними в одно имя. Неудивительно, что предание говорит только о шести братьях, между тем как мы после встречаем в Богемии *семь племен*, кроме *чехов*, потому что одно из племен в продолжение времени легко могло раздвоиться; но во всяком случае это предание об шести братьях, родоначальниках, которые пришли в Богемию под предводительством *старшего брата Чеха*, очевидно указывает нам, что у чехов, во время их пришествия в Богемию, уже существовал тот же внутренний порядок общества, который мы позднее видим явственно и у них, и у всех других славян.

Около 568–600 гг. чехи были покорены аварским ханом, но скоро, однако же, они, вместе с моравянами, свергли аварское иго под предводительством своего счастливого вождя *Сама*, которого благодарные славяне избрали себе в короли (около 627 г.). Кто был этот вождь *Само*, остается у древних летописцев неразрешенным; одни почитают его за *природного франка* и купца из какого-то неизвестного округа *Сенионого*, другие за славянина. Всего вероятнее <...> что *Само* родился в земле славянских Велетов, которые жили в

Батавии, или в нынешних Нидерландах, и долгое время будучи окружены фризами и франками, наконец, при Дагоберте должны были покориться. Для нас это событие особенно замечательно, потому что оно имеет близкое сходство с нашим призванием варяжских князей. Избрание *иностраница Сама* вслед за свержением аварского ига, мимо всех природных князей чешских, поневоле напоминают нам Рюрика, призванного также из чужой земли, мимо всех наших природных князей, вслед за свержением ига варяжского. *Само* основал первое обширное славянское государство, об котором история сохранила нам воспоминание. Средоточие этого государства было в Чехии, а края простирались на юг, до Стирийских Альпов, на восток до Татров, на север почти до Спревы и Гавели; на запад до земли Германской. Несмотря на скудость древних известий, мы видим, однако же, что и тогда древнее устройство славян не переменилось и что все это огромное государство состояло *из множества отдельных княжеств*, признававших *Сама* только своим верховным старейшиною.

Это нам показывает, между прочим, как напрасно многие из *позднейших* польских и наших историков сетовали на *мнимое раздробление государства*, когда Лешек, Мечислав, Болеслав, Владимир, Ярослав и другие великие князья раздавали своим сыновьям старейшинство над областями, или племенами. Покуда существовало древнее родовое устройство славянских народов, вступление на престол нового княже-

ского рода нисколько не переменяло взаимных отношений между родами и племенами. Когда великий князь был еще один в своем роде, старейшинство над всеми отдельными племенами и родами принадлежало отраслям прежних князей, а новый княжеский род, как мы увидим впоследствии, размножаясь, только становился на место прежнего, перед которым он имел первенство. Замечательно, что Нестор, современник этого общественного порядка, никогда не жалуется на это мнимое раздробление, хотя и сильно сетует о *распрях князей*.

То же самое, что мы видели у чехов, повторяется перед нами в истории моравской. Три славянских племени, а именно: моравяне в нынешней Моравии, словаки в северо-западной Венгрии, почти от реки Торисы до самой Бретиславы (Bresburg) и Вацова, и славяне, некогда жившие в странах задунайских, от поворота Дуная у Вышеграда, даже за озеро Блатно, – в первые века своей истории составляли одно целое. Страна их носила одно общее имя Великая Моравия, или *Верхняя Моравия*, в отличие от *Нижней*, или *Болгарской Моравии*; язык и нравы этих трех племен, заметно отличных от славян корутанских и болгарских, были между собою очень близки, и у всех трех племен владел *один княжеский род*. В IX веке уже несомненная история говорит об *удельных князьях* Великой Моравии, соединенных около одного *великого князя*.

Сербская история изображает нам то же самое. С самого

начала поселения сербов в Иллирии (между 634 и 638 г.) государство их делилось на семь особенных областей, а именно: собственно Сербию, Босну, Неретву, Захлумье, Травунье, Конавлю и Дуклу, или Диоклею. Первоначальная история сербского народа покрыта мглою. В первые пять веков византийцы и западные писатели называют только имена нескольких князей, упоминают об немногих разрозненных событиях, а свидетельства сербских летописцев не восходят далее XII века. Можно, однако же, составить себе некоторое понятие об их государственном устройстве и по этим отрывочным известиям, соображая их с историею единоплеменных им хорватов и с последующими веками сербской истории. У хорватов отдельные жупаны соединены были под двумя или тремя независимыми князьями, из которых один уже в IX веке принял королевский титул. То же можно сказать и об названных нами Сербских областях. *Великий жупан*, или *князь Сербский*, живший в городе Деснице, близ реки Дрины, был сначала главою, или, по-древнеславянски и сербски, *старейшиною* над всеми прочими жупанами; но после опустошения сербской земли болгарским царем Симеоном (924 г.) возвысился над всеми прочими жупан Диоклейский, который стал называться *королем*. Наконец Стефан Неманя, отрасль жупанского рода из Дюклеи и родоначальник нового владетельного дома, основал в городе Расе сильное, независимое Великое жупанство и скоро соединил вокруг себя все сербские области, не выключая и Босны, хотя впрочем это

соединение после опять несколько раз разрывалось.

В истории польской, которая так тесно связана с нашею, повторяется то же явление. Польская история, очень темная вначале, становится яснее с половины IX века. Но из летописей видно, что и прежде, с самого начала исторических известий все отдельные племена польского народа – поляки, мазуры, куявяне, кашубы, поморяне, слезане, краковяне – составили одно целое. Князь одного из племен всегда был средоточием народа и позднее стал называться королем, но у каждого племени были отдельные князья, свое собственное земское управление. В первые века польской истории города Гнезно и потом Крушвица в земле полян, или собственно поляков, были местопребыванием великих князей, или королей польских; уже позднее средоточием польского народа сделался Краков. В половине IX века господствовал в Польше княжеский род, происходящий от Попела, глава которого жил в Крушвице. После смерти одного из глав этого дома, человека, ненавистного народу, которого звали тоже Попелом, возникли *сильные, внутренние раздоры и междоусобия*. Наконец поляки решились избрать себе нового великого князя, минуя всех Попеловичей, и в 860 году выбран был *Семовит*, сын простого земледельца Пяста. Большая часть польских племен признала выбор Семовита, и род Пястовичей господствовал в Польше до 1370 года, но были, однако же, польские племена, которые и не признали этот выбор. Из летописей видно, что Семовит, взоидя на престол,

расширил границы своего государства и присоединил многие окрестные племена, между тем как в составе его государства не вошли никакие племена, кроме польских; сверх того известно также, что еще долго после Семовита поморяне и кашубы вели ожесточенные войны с остальной Польшею за своих князей Попеловичей, и уже Болеслав-Храбрый (992–997 гг.) опять присоединил их к польской державе. Замечательно, однако же, что и после окончания этих войн, когда Польша опять составляла одно целое, древнее отношение племен между собою и к королю не переменалось, племена еще долго оставались так же отдельны, как были, только право на удельные княжества уже утвердилось за родом Пястовичей.

При таком устройстве государственных отношений естественно, что, хотя все роды одного племени и все племена одного народа и составляли одно целое, их взаимная связь держалась не единством управления, а больше взаимным сочувствием, выходящим из единства быта и рождающим единство потребностей, потому что каждое племя и даже каждый род управлялся отдельно¹⁵⁷; судьба частных лиц решалась окончательно внутри того рода, к которому они принадлежали¹⁵⁸, и только дела, касающиеся до целого племени

---

¹⁵⁷ П. В. Киреевский поясняет: «О чехах говорит древнее известие: *всяк от своей челяди воевода*. То же было и у русских, было и за Карпатами, по свидетельству Прокопия и Константина Багрянородного».

¹⁵⁸ Об этом свидетельствуют следующие данные, приводимые П. В. Киреевским: «Из власти, которую глава семейства имел над своими домочадцами, мож-

или до всего народа, могли быть предложены на рассмотрение племенных и всенародных собраний, где они вершились советом всех старейшин под председательством великого князя. Связью между родами и племенами служило единство княжеского рода, но великий князь в первые века славянской истории еще не был собственно правителем народа: в отношении к тому племени, во главе которого он стоял, он был то же, что племенной князь в отношении к своему племени, а его главное отношение ко всему народу состояло в том, что он был его средоточием, знаменем его единства. Выражая собою лицо старейшего над всеми племенными главами, он был судьей в распрях князей или племен, председателем в законодательных собраниях народа и особенно старшим вождем и устройтелем военной силы¹⁵⁹.

но заключить, что и у славян, так же, как некогда в Риме, глава дома судил жену, нарушившую долг супружества, и разбирал ссоры между своими челядинцами. И во времена монархии этот обычай не переменился, потому что польские летописцы *Кадлубок* и *Богухвал* говорят, что Болеслав II казнил тех мужей, которые оставляли без наказания неверных жен. Известно, что и римские мужья подвергались наказанию цензорскому, если не наказывали своей преступной жены. Эти родовые суды яснее выражаются в сербских законах. В законах царя Душана, в § 58, положено, что глава дома судит ссоры *отроков* и что они в делах своих (по своим долгам) получают приговор от него, а не от кого другого. Покуда еще все славянские народы строго соблюдали обычаи своих предков, все дела без различия, которые глава семьи не мог решить в кругу своего селения, решались на вече. Рано утвердилось между славянами правило, что приговоры по делам уголовным и по спорам об наследстве не должны быть произнесены нигде, кроме веча».

¹⁵⁹ П. В. Киреевский уточняет: «Обязанности короля были: предводительствовать войском, *рядить* и судить. Особенно эта последняя обязанность казалась так важна, что у чехов выражения *судья* и *король* долго были однозначительны.

Очевидно, что такого рода государственное устройство, свойственное народу земледельческому и мирному, довольному мужественною простотой и независимостью своего быта, часто могло быть неблагоприятно для успеха внешней обороны, особенно когда нужно было давать отпор врагу многочисленному, соединенному хотя насильственными, но крепкими узами¹⁶⁰.

Замечательно, что у всех почти славян, об устройств которых в первые века их истории сохранилось больше подробностей, главные старейшины, родовые, племенные и народные заняты были одним родом деятельности и подразделя-

---

Короли закарпатских славян, желая отчуждить что-нибудь из общественной собственности, даже и тогда, когда они наделяли монастыри, должны были объявить, что они это делают “*ex communi consilio cum omnibus Zupanis*”. У болгар государственный совет состоял из 6-ти бояр. На Поморье и у кашубов постановление, изданное верховным князем, не имело для народа обязательной силы, если на него не согласились главные паны, или воевода и каштелян. В грамоте 1168 г. именно сказано: “*acta sunt haec in praesentia totius populi terrae, convocati illuc ad consilium*”. У чехов короли уже в самом начале правили под влиянием *кметей*, которые разделялись на *ляхов и владык*; при участии горожан в общественных совещаниях, составились те три сословия Чешского королевства, которые, вероятно, существовали с незапамятных времен. Козьма Пражский именно говорит: “*tunc temporis Dux pop erat suae potestatis, sed comitum*”. При этом надобно заметить, что “жупаны, паны, ляхи, владыки” и другие народные главы у западных славян в первые времена истории еще не составляли аристократии, потому что разделение народа на исключительные сословия тогда еще не существовало и образовалось уже позднее, от влияния латинской церкви».

¹⁶⁰ Далее следует замечание П. В. Киреевского: «Каждый из родовых глав, считая себя на то способным, хотел быть вождем, и, как нас в этом убеждает история – особенно чешская и русская, – не хотел повиноваться вождю».

лись по старшинству. Но так как вопрос о степенях старейшинства от времени и размножения господствующего рода все больше и больше должен был становиться затруднителен, то из него часто выходили споры и междоусобия, существенно затруднявшие быстроту и крепость народного соединения. Вот почему, когда размножение старейшинствующего рода либо становилось тяжело для народа по возникающим из него распрям или когда нужен был единодушный и быстрый отпор внешнему неприятелю, все споры об старшинстве прекращались избранием на великое княжение *нового рода*, который уже признавался старшим против прежнего, и поэтому, размножаясь мало-помалу, замещал высшие степени в чиновначалии старейшин, между тем как отрасли прежних князей мало-помалу входили в ряды народа. Так у поляков род Пяста, избранного из простых земледельцев, заступил место древнего, господствовавшего рода Попеловичей; так чехи избрали даже иностранца Сама; так княжна Любуша, по совету чешских старейшин, вышла замуж за простого земледельца Перемысла, которого потомство заместило степени старейшинства в земле чешской. Иногда сила личного характера или личных заслуг давали в народе перевес одному из младших потомков господствующего рода, и тогда он становился народным средоточием, получал значение великого князя, и род его, затмив старшую линию, уже получал право старейшинства»¹⁶¹.

---

¹⁶¹ Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений в четырех

В своей статье «Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала» М. П. Погодин обращается и к трактовке «нравственных различий» западных народов и народов славянских. Первое такое различие для Погодина связано с характером северных славянских народов – «Словении были и есть народ тихий, спокойный, терпеливый <...>. Потому они и приняли чуждых господ без всякого сопротивления, исполняли всякое требование их с готовностью <...>. Такая безусловная покорность, равнодушие, противоположные западной раздражительности, содействовали, как считает историк, к сохранению доброго согласия между двумя народами»¹⁶².

Еще одно различие М. П. Погодин усматривает в гражданском и умственном образовании. Так, в отличие от западных племен, имевших богатую политическую историю в момент покорения их варварами, на Руси «гражданского образования не было никакого, а только семейное, домашнее, до которого пришельцы не коснулись», поэтому, делает вывод Погодин: «Мы получили гражданское образование от пришельцев»¹⁶³.

Самое же главное различие между Россией и Западом, согласно Погодину, в характере принятия христианской веры и

томах. Т. 1. С. 260–267.

¹⁶² Погодин М. П. Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала // Погодин М. П. Историко-критические отрывки. М., 1846. С. 79.

¹⁶³ Там же. С. 80.

в самом характере веры: «У нас пришельцы сообщили религию туземцам, а там туземцы пришельцам»¹⁶⁴. Сначала варяги-язычники встретились со славянами-язычниками, затем варяги приняли христианскую веру и распространили ее между славянами без сопротивления. Западные же завоеватели встретились с христианами, и они начали действовать друг против друга – «новый источник ненависти, которого у нас не было»¹⁶⁵. Это, во-первых. Во-вторых – вера, которую приняли варяги, а затем и славяне, отличалась от западного христианства. «Те получили ее из Рима, а мы из Константинополя»¹⁶⁶.

Согласиться с главным, но таким же двойственным, постулатом М. П. Погодина относительно нравственных устоев русских и европейцев, сводимым к тому, что при общем (*родовом*) подобии русской истории и истории западных государств, они противоположны в путях, средствах, обстоятельствах, формах развития, П. В. Киреевский не мог и потому предложил посмотреть на то, как «Нестор изображает Россию в древнейшие времена, об которых дошло до него предание»¹⁶⁷.

Этот значительный раздел своего открытого письма М. П.

---

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Там же. С. 79.

¹⁶⁶ Там же. С. 80.

¹⁶⁷ Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений в четырех томах. Т. 1. С. 267.

Погодину П. В. Киреевский посвятил славянским племенам, «которые взошли в состав России»¹⁶⁸. Что же сообщает здесь летописец Нестор? «О внутреннем их устройстве он определенно говорит, что они управлялись родами: “Живяху кождо с своим родом и на своих местах, *владеюще кождо родом своим...*”¹⁶⁹.

Определенно также говорит он, что *каждое племя* хотя и состояло из *отдельных родов*, но составляло одно целое, соединенное под одним *старейшиною* или *князем*. Рассказывая предание о Кие, он продолжает: “...Но се Кий княжаше в роде своем”. А когда умер Кий и его братья: “...И о сих братьях держати почаше *род их княженье в Полях*¹⁷⁰; во деревлях *свое*, а дреговичи *свое*, а славяне *свое* в Новгороде, а другое на Полоте, иже полочане”¹⁷¹. Следовательно, у всех

---

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Ср.: Поляне же жили в те времена отдельно и управлялись своими родами; ибо и до той братии (о которой речь в дальнейшем) были уже поляне, и жили они родами на своих местах, и каждый управлялся самостоятельно (Повесть временных лет).

¹⁷⁰ П. В. Киреевский в этой связи уточняет: «Из этого видно, что Кий, которого летописец называет *старшим* из трех братьев, княжил не над одним Киевом, но и над всем полянским племенем. А так как здесь говорится не об одном лице, но об целом роде Кия, то очевидно, что и тогда уже между князем Киевским и другими князьями того же рода существовало отношение, подобное отношению *великого князя к князьям удельным*. Даже в XV веке мы видим, что великие князья Московские требовали себе от других великих князей единственно титул *старшего брата*, с чем уже связаны были все преимущества великого князя, или, лучше сказать, *главного* из великих князей».

¹⁷¹ Ср.: А между тем Кий этот княжил в роде своем, и ходил он к царю, и ве-

племен были свои князья, и были прежде Рюрика.

Послы, которых отправляют древляне к Ольге, после убийства Игоря, говорят: “Посланы дервьска земля рькуще сице, мужа твоего убихом... а наши князи добри суть... да поиди за князь наш за Мал...”. Далее: “...Древляне собираша лучшие мужи, иже дерьжаху дервьску землю, и послаша по ню...”¹⁷². Из этого видно, что земля древлян, еще в то время, когда единственный сын Рюрика был почти младенцем, уже составляла одно целое, с одним *общим голосом*, и что при одном *главном князе* было еще несколько *удельных князей* и других старейшин, иже *дерьжаху дервьску* землю.

Далее мы это видим еще яснее. В 907 г., когда Олег, после победы над греками наложил на них дань, Нестор говорит: “И заповеда Олег... даяти *уклады на руские грады*: первое на *Киев*, та же на *Чернигов*, на *Переяславль*, на *Полтеск*, на

ликие почести воздал ему, говорят, тот царь, при котором он приходил. Когда же возвращался, пришел он на Дунай, и облюбавал место, и срубил городок невеликий, и хотел сесть в нем со своим родом, да не дали ему близживущие; так и доныне называют придунайские жители городище то – Киевец. Кий же, вернувшись в свой город Киев, тут и умер; и братья его, Щек и Хорив, и сестра их Лыбедь тут же скончались. И по смерти братьев этих потомство их стало держать княжение у полян, а у древлян было свое княжение, а у дреговичей свое, а у славян в Новгороде свое, а другое на реке Полоте, где полочане (Повесть временных лет).

¹⁷² Ср.: Ольга же была в Киеве с сыном своим, ребенком Святославом, и кормилец его был Асмуд, а воевода Свенельд – отец Мстиши. Сказали же древляне: «Вот убили князя мы русского; возьмем жену его Ольгу за князя нашего Мала и Святослава возьмем и сделаем ему, что захотим». И послали древляне лучших мужей своих, числом двадцать, в ладье к Ольге, и пристали в ладье под Боричевым подъемом (Повесть временных лет).

Ростов, на Любечь и на прочие грады. По тем бо городам сядяху велииши князи, под Олегом суще”¹⁷³. Это подтверждает нам, что прежние князья, и удельные, и великие, продолжали княжить, несмотря на призвание нового рода, и что новый род только получил над ними первенство.

Замечательно также, что в городах могли быть приняты на княжество и другие, инородные князья даже после призвания Рюрика и что этим нимало не нарушалось единство русской земли, если только они признавали главного великого князя своим *старейшим*. Таков был князь Полоцкий *Рогволод*, приехавший из-за моря, отец знаменитой Рогнеды¹⁷⁴. Карамзин и многие из наших историков предполагали, что Рогволод был потомок одного из тех мужей, которым Рюрик раздавал грады, и что великие князья, об которых говорится в Олеговом договоре, были также *мужи Олега*. Но этому предположению, также основанному на ложной гипотезе об *завоевании*, нельзя найти в летописях ни *малейшей опоры*. Далее мы увидим, что об таких *мужах* упоминается часто в истории XII и XIII века и что они были не что иное, как *посадники*. Значение слова *муж* очень ясно определяется в наших памятниках, и <...> уже нельзя их смешивать с кня-

---

¹⁷³ Ср.: И приказал Олег дать дани на две тысячи кораблей: по двенадцати гривен на человека, а также на русские города: на Киев, на Чернигов, на Переяславль, на Полтеск, на Ростов, на Любечь и на прочие города; по тем городам сидели под началом Олега великие князья (Повесть временных лет).

¹⁷⁴ Здесь П. В. Киреевский вынужден уточнить: «Каким образом Рогволод стал княжить в Полоцке, об этом ни в одной летописи нет известий».

зьями. А что касается до возможности принять инородного князя, не нарушая союза, и до законности такого поступка, то это ясно перед нами раскрывается, когда новгородцы приезжают просить себе в князя одного из сыновей Святослава Игоревича. “Аще не поидете к нам, – говорят они, – то налязем (т. е. найдем) {себе князя}”. И рече к ним Святослав: ‘Абы пошел кто к вам’. И отпреся Ярополк и Олег. И рече Добрыня: ‘Просите Володимира’¹⁷⁵. Ответ Святослава ясно показывает, что их предложение вовсе не сочтено было незаконным. В XII и XIII веке мы часто видим, что города иногда просили себе князей у великого князя, а иногда и сами призывали, но что никакие отношения от этого не переменились.

Предание, уцелевшее во многих списках Нестора, называется Гостомысла новгородским *старейшиною*. Рюрик также в некоторых списках называется *старейшиною*: “И бысть Рюрик *старейшина* в Новгороде, а Синеус старейшина бысть на Белозере, а Трувор во Изборце”¹⁷⁶.

Итак, мы положительно можем сказать, что и в России, так же, как у других славян, издревле существовало чино-

---

¹⁷⁵ Ср.: В то время пришли новгородцы, прося себе князя: «Если не пойдете к нам, то сами добудем себе князя». И сказал им Святослав: «А кто бы пошел к вам?». И отказались Ярополк и Олег. И сказал Добрыня: «Просите Владимира» (Повесть временных лет).

¹⁷⁶ Ср.: И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Белоозере, а третий, Трувор, – в Изборске (Повесть временных лет).

началие *старейшин* или *князей* в каждом племени, которое каждому племени давало связь и целость. Это еще более подтверждается свидетельствами летописей об чиновачалии городов или средоточий каждого отдельного рода. Исчислив племена славянские, живущие в южной половине России, Нестор говорит: “Суть {гради их} и до сего дне”. Главным городом всего племени кривичей он называет Смоленск, полочан – Полоцк, ильменских славян – Новгород, полян – Киев, и прочее¹⁷⁷. А что у каждого племени, кроме этого главного, или *стольного*, города было еще много других, это ясно видно из того множества городов, о которых упоминается при каждом случае, когда рассказывается поход в землю которого-нибудь из племен. Так, например, когда Ольга идет мстить древлянам и осаждаст их город *Коростен*, она говорит им: “Что хочете доседети? А *вси гради* ваши предашеся мне и явися по дань, и делают нивы своя и земли своя”¹⁷⁸.

---

¹⁷⁷ Ср.: И овладел всею властью один Рюрик и стал раздавать мужам своим города – тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в этих городах – находники, а коренное население в Новгороде – славяне, в Полоцке – кривичи, в Ростове – меря, в Белоозере – весь, в Муроме – мурома, и над теми всеми властвовал Рюрик (Повесть временных лет).

¹⁷⁸ Ср.: Ольга же устремила с сыном своим к городу Искоростеню, так как жители его убили ее мужа, и стала с сыном своим около города, а древляне затворились в городе и крепко боролись из города, ибо знали, что, убив князя, не на что им надеяться после сдачи. И стояла Ольга все лето, и не могла взять города, и замыслила так: послала она к городу со словами: «До чего хотите доседеться? Ведь все ваши города уже сдались мне, и обязались выплачивать дань, и уже возделывают свои нивы и земли, а вы, отказываясь платить дань, собираетесь умереть с голода» (Повесть временных лет).

Из этого мы видим, что и у русских славян, так же, как у всех других, искони существовало тоже родовое управление, были князья и было то же чиновачалие между *князьями* и между *городами* каждого племени. – Несомненно также, что по всем городам русской земли существовало вече во всей своей силе, а что призвание варяжских князей на все это не имело ни малейшего влияния, это еще несомненнее, потому что летописи XII, XIII и XIV века, когда известия становятся гораздо подробнее, еще яснее раскрывают нам то же внутреннее устройство, которое в известиях о первых двух веках проглядывает сквозь отрывистые и как бы мимоходом брошенные очерки¹⁷⁹. Эти очерки получают свое полное значение только при сличении с последующим ходом истории, как отбитая часть какой-нибудь древней статуи получает свой полный смысл только при восстановлении целой фигуры.

Очень понятно, почему Нестор не описывает внутреннего

---

¹⁷⁹ П. В. Киреевский поясняет: «Разумеется, что об вече, как об деле обыкновенном в то время, летописцы упоминают не иначе, как при каком-нибудь особенном случае, но при всем том об них упоминается часто. Здесь не место вычислять все случаи в летописях, где об них говорится; припомним только те, об которых говорит Карамзин. Он упоминает об вече в Белгороде в 995 г., в Киеве в 1068 г., в 1069 г., 1146 и 1147 г.; во Владимире Волынском в 1098 г.; в Звенигороде в 1146 г., в 1158 г.; во Владимире Залесском в 1174 г. и в 1262 г.; в Суздале в 1262 г.; в Ростове в 1262 г. и в 1289 г.; в Нижнем Новгороде в 1304 г.; в Костроме в 1304 г.; в Брянске, в 1340 г.; в Москве в 1382. г. Не вычисляю здесь веч новгородских и псковских, об которых наш историк упоминает, потому что они слишком известны, но, обозревая состояние России от нашествия татар до Иоанна III, он свидетельствует, что вече было по всем городам русским, а в Новгороде и Пскове только существовало долее».

устройства своей земли, среди которого он сам живет; точно так же, как он не говорит, что каждый день всходило солнце, что каждый день было утро и был вечер¹⁸⁰. Но в летописях есть некоторые привычные выражения, которые при беглом чтении оставляются без внимания и часто даже бывают истолкованы совсем иначе: они выражают понятия очень обыкновенные для летописца, но для нас уже либо потеряли свой смысл, либо получили совсем другое значение; по счастью, многие из таких выражений, повторяясь часто, получают свое объяснение при некоторых особенных случаях, рассказанных подробнее. Так, например, “сдумать” значит решить на общем совете или вече; “укрепитися межю собою” – обзяться взаимной клятвой; “города ставити” – строить городские стены или снабжать крепость всем нужным для обороны; “сотворити наряд” – значит распорядиться *кормлением* или содержанием войска и прочее. Но разумеется, что все эти выражения объясняются для нас только тогда, когда летописи становятся подробнее.

О полянах еще задолго до пришествия Аскольда и Дира, когда нашли на них хозары и требовали дани, сказано: “*Сдумавше* поляне и вдаша от дыма меч”¹⁸¹. Этим словом “сдумать” и впоследствии, когда уже часто упоминается о вечах,

---

¹⁸⁰ Ср.: И был вечер, и было утро... (Быт. 1, 5).

¹⁸¹ Ср.: И нашли их хазары сидящими на горах этих и лесах и сказали: «Платите нам дань». Поляне, посовещавшись, дали от дыма по мечу... (Повесть временных лет).

выражается действие вечевых собраний¹⁸². Так сказано об древлянах, когда Игорь (945 г.) возвращался к ним за незаконною, вторичною данью: “Сдумавши со князем своим Малом: ‘Аще ввадится волк во овцы, то выносит все стадо, аще не убьют его’”. Древляне говорят: “Почто идеши опять? Помил еси *всю дань*”¹⁸³. Из этого видно, что дань была *определенная*. Вслед за тем, после убиения Игоря, послы древлянские говорят Ольге: “Посланы древлянская земля”¹⁸⁴. Во всех этих случаях мы видим *большое вече*, совет целого племени всей земли древлянской, всей земли полянской. В 995 году (при Владимире Великом) по случаю нашествия печенегов упоминается об *малом вече*, вече одного города: “Пе-

---

¹⁸² В данном случае П. В. Киреевский посчитал нужным дать более развернутую характеристику: «Так, например, под 1157 г. мы встречаем следующее: “В то же лето ростовцы и суздальцы *сдумавши вси*, пояша Андрея, сына его (Юрьева) старшого, и посадиша на столе в Ростове и Суздали”. Между тем надобно заметить, что хотя Андрей Боголюбский и был старший сын князя Юрия Долгорукого, но суздальцы и ростовцы дали клятву Юрию Долгорукому, что они возьмут себе в князя его *меньших* сыновей, и летописец после упрекает их, что они нарушили крестное целование. В 1206 г. говорится о галичанах: “Галичане же паки убо яшася... глаголюше сице: горе нам, егда возвратятся к нам Ольговичи, и злых злее сотворят нам; а князя у нас несть. И так *сдумавше*, послаша тайно в полк Ольговичем, по князя Владимира Игоревича”. Подобные места встречаются в летописях очень часто».

¹⁸³ Ср.: Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». И послали к нему, говоря: «Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань» (Повесть временных лет).

¹⁸⁴ Ср.: И сказала им Ольга: «Говорите, зачем пришли сюда?» Ответили же древляне: «Послала нас Деревская земля...» (Повесть временных лет).

ченеги... приидоша и сташа около Белагорода; <...> ... *сотвориша вече* в Белгороде. Беже один “старец” не был на вече том, и вопрошаще: чего ради вече было? Люди поведаше ему, яко утро хотят предатись; сей же слышав, посла по старейшины градские, и рече”, и прочее. Перед крещением Владимира Великого виден такой же совет города Киева: “Созва Володимир бояры своя и старцы градские, и рече им: ‘... Приидоша грецы... и чудно слышати их... Да что ума придаете? Что отвещаете?..’ И реша бояры и старцы: ‘... Послав, испытай’. И бысть люба речь князю и всем людем”¹⁸⁵. Далее, когда возвратились посланные: “Они же приидоша в землю свою, и созва князь бояры своя и старцы. Рече Володимир: ‘Се приидоша послании *нами*¹⁸⁶ мужи да слышим от них бывшее’. И рече: ‘Скажите пред дружиною’¹⁸⁷. Отвещав-

---

¹⁸⁵ Ср.: Созвал Владимир бояр своих и старцев градских и сказал им: «Вот приходили ко мне болгары, говоря: “Приими закон наш”. Затем приходили немцы и хвалили закон свой. За ними пришли евреи. После же всех пришли греки, браня все законы, а свой восхваляя, и многое говорили, рассказывая от начала мира, о бытии всего мира. Мудро говорят они, и чудно слышать их, и каждому любо их послушать, рассказывают они и о другом свете: если кто, говорят, перейдет в нашу веру, то, умерев, снова воскреснет, и не умереть ему вовеки; если же в ином законе будет, то на том свете гореть ему в огне. Что же вы посоветуете? Что ответите?» И сказали бояре и старцы: «Знай, князь, что своего никто не бранит, но хвалит. Если хочешь в самом деле разузнать, то ведь имеешь у себя мужей: послав их, разузнай, какая у них служба и кто как служит Богу» (Повесть временных лет).

¹⁸⁶ «Должно заметить, что в то время князья не имели обыкновения говорит о себе во множественном числе», – записывает П. В. Киреевский.

¹⁸⁷ Имеется пояснение П. В. Киреевского: «Мы увидим далее, что *дружина*

ше же бояры, рекоша: ‘Аще бы лих закон гречский, то не бы баба твоя прияла Ольга, яже б мудрейши всех человеке’. Отвещав же Володимир, рече: ‘Где крещенье *примем?*’ Они же рекоша: ‘Где ти любо’¹⁸⁸. Итак, крещение принято по решению веча. Но что это было совещание одного Киева и что не участвовали в нем прочие русские племена – видно из того, что хотя еще задолго до Владимира явственны в России, и особенно в Киеве, следы распространенного христианства, но оно распространялось медленно, и еще при Несторе целые племена исповедывали язычество. В 1015 г. упоминается о городском вече в Новгороде: “Ярослав, собрав избы-

---

была троякая и что та дружина, в которой были *бояре* и *старцы*, – значила *все народонаселение города, способное носить оружие*».

¹⁸⁸ Ср.: Они же вернулись в землю свою. И созвал князь Владимир бояр своих и старцев и сказал им: «Вот пришли посланные нами мужи, послушаем же все, что было с ними», – и обратился к послам: «Говорите перед дружиною». Они же сказали: «Ходили в Болгарию, смотрели, как они молятся в храме, то есть в мечети, стоят там без пояса; сделав поклон, сядет и глядит туда и сюда, как безумный, и нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Не добр закон их. И пришли мы к немцам и видели в храмах их различную службу, но красоты не видели никакой. И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали – на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом, – знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать в язычестве». Сказали же бояре: «Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а была она мудрейшей из всех людей». И спросил Владимир: «Где примем крещение?» Они же сказали: «Где тебе любо» (Повесть временных лет).

ток новгородцев... и утер слезы, рече им *на вече*: «Отец мой умре, а Святополк сидит в Киеве, избивая братью свою»¹⁸⁹. В летописях XII века, по случаю спора об вечевых решениях, бывшего в суздальской земле, между главным городом и пригородами или городами второстепенными, мы находим определительное свидетельство об этом, очевидно дорюриковском, чиноначалии городов и вечевых решений: «Новгородцы бо, и кияне, и смольняне, и *вся власти* (т. е. все области) *обычай сице изначала* имут: на вече сходятся и на чем старейшие положат, на том и пригороды станут».

<...> Изо всего приведенного нами мы видели, что у нас существовал тот же самый внутренний порядок племен, какой у всех славянских народов: что у нас также внутреннее устройство каждого племени основано было на отношениях родовых, что и у нас были главы родов, которые назывались *старейшинами* или *князьями*; старейшины отдельных родов – *старцами, боярами, князьями*, а старейшины целого племени – *великими князьями*, что князья у нас были и прежде призвания Рюрика, что в каждом племени между князьями и городами было точно то же чиноначалие старейшинства и что общественные дела точно так же решались вечем, которое также имело свои степени, от деревенского *мира* до *веча городского и племенного*. Но во всех нами приведенных при-

---

¹⁸⁹ Ср.: На другой день собрав остаток новгородцев, сказал Ярослав: «О милая моя дружина, которую я вчера перебил, а сегодня она оказалась нужна». Утер слезы и обратился к ним на вече: «Отец мой умер, а Святополк сидит в Киеве и убивает братьев своих» (Повесть временных лет).

мерах мы еще видели только внутреннее устройство *каждого племени отдельно*. Теперь посмотрим, существовала ли прежде признания Рюрика какая-нибудь связь между племенами; не видно ли уже и в те времена, даже из немногих отрывистых известий нашего летописца, такой же *связи всего народа*, как и у других славян, связи хотя и слабой, часто разрываемой, но тем не менее существовавшей?

Из восемнадцати племен, о которых упоминает Нестор и которые при Олеге, через 28 лет после смерти Рюрика, уже несомненно составляли одно целое, обнимавшее большую часть нынешней европейской России, – четырнадцать были славянские, а именно: поляне, древляне, северяне, бужане, радимичи, вятичи, хорваты, дулебы, дреговичи, полочане, кривичи, словене, угличи и тиверцы, а четыре, а именно: чудь, весь, меря и мурома, – не славянские, но издавна бывшие в близких сношениях с славянами и уже тогда сильно с ними перемешанные, что нам очевидно показывает история последующих веков.

Связь между племенами всего яснее обнаруживается из их совокупного действия. Поэтому посмотрим, которые из племен действовали заодно прежде пришествия Рюрика. Нестор говорит, что поляне, вследствие ссоры с древлянами и другими окрестными племенами, подверглись нашествию хазар, которые обложили их данью, и что в 859 г. хазары брали дань с полян, северян и вятичей, а варяги – вероятно, вследствие подобных же обстоятельств, с кривичей, сло-

вен, чуды, веси и мери. В 860 году все пять племен, платившие дань варягам, вместе отказались платить эту дань, а в 862 г. вместе согласились призвать одного общего старейшину, или великого князя. Это уже ясно указывает нам на связь, существовавшую между этими пятью племенами, заселявшими *почти всю северную половину* нынешней европейской России. Огромное пространство, занимаемое этими племенами, не позволяет нам предположить случайного соглашения между ними: только правильно устроенные отношения могут объяснить возможность их единодушного действия.

Теперь посмотрим, не было ли чего-нибудь подобного между племенами южной половины России. Описывая племена, жившие в южной половине России, Нестор говорит: “И живяху в мире: поляне, и древляне, и северяне, и радимичи, и вятичи, и хорваты, и дулебы; а угличы и тиверцы сядяху по Бугу и по Днестру, оли и до моря”¹⁹⁰. Здесь замечательно слово “мир”: оно, как известно, до сих пор на языке нашем выражает и *согласие*, и *совокупность*, и *вселенную*, также греческим словом “космос” называется вместе и *совокупность всех вещей*, то есть *вселенная*, и *красота*, то есть гармония, согласие¹⁹¹. Такое единство слова объясняет-

---

¹⁹⁰ Ср.: И жили между собой в мире поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты. Дулебы же жили по Бугу, где ныне вольняне, а уличи и тиверцы сидели по Днестру и соседнили с Дунаем. Было их множество: сидели они прежде по Днестру до самого моря, и сохранились города их и донныне; вот почему греки называли их «Великая Скифь» (Повесть временных лет).

¹⁹¹ П. В. Киреевский поясняет: «Различие в правописании: “мир” и “mip” – есть

ся близостью, можно сказать, единством этих двух понятий. До сих пор еще деревенская сходка, где выражается совокупный голос целой деревни, у нас называется «миром», и в этом смысле нам встречается это слово еще в “Правде” Ярослава Великого, где оно обозначает даже целый *округ*. А что это слово, выражающее “единство” и “совокупность” общества, издревле прилагалось не к одному только “сельскому обществу”, мы видим из самого Нестора: когда Олег перенес средоточие Русской земли из Новгорода в Киев, он определил дань, которую Новгород должен был платить великим князьям: “И устави Варягом дань даяти от Новгорода гривен 3000¹⁹² на лето, *мира дела*, (то есть для *мира*), юже и до смерти Ярославли даяше Варягом”¹⁹³ (то есть князьям варяжским). Здесь под словом {мир} очевидно разумеется вся

новейшее, совершенно произвольное разделение одного в того же слова, не основанное ни на древних памятниках, ни на законах нашего языка. Замечательно, что многие из наших раскольнических сект называют свои секты *согласиями*. У сербов то же, что у нас: деревенский *мир* (сходка, громада) называется *свет*».

¹⁹² П. В. Киреевский поясняет: «По всем напечатанным до сих пор спискам Нестора здесь вместо 3000 значатся 300 гривен, но из последующего приведенного нами места, где уже подробнее говорится об этой дани, которую *даваху вси посадницы новгородсти*, — ясно видно, что число 300 описка, которую тем легче объяснить, что в славянских цифрах *Т* очень похоже на *Г*».

¹⁹³ Ср.: И сел Олег, княжа, в Киев, и сказал Олег: «Да будет матерью городам русским». И были у него варяги, и славяне, и прочие, прозванвшиея русью. Тот Олег начал ставить города и установил дани славянам, и кривичам, и мери, положил и для варягов давать дань от Новгорода по триста гривен ежегодно ради сохранения мира, что и давалось варягам до самой смерти Ярослава (Повесть временных лет).

Русская земля. Это место еще определительнее объясняется нам впоследствии, когда Ярослав отказывается платить отцу своему, Владимиру Великому, дань с Новгорода: “В лето 1014, Ярославу сущу в Новгород и *урок* дающе к Киеву 2000 гривен от года до года, а тысячу гривен в Новгороде раздаваху гриднем; и *так* даваху *все посадницы Новгородстии*; а Ярослав сего не даяше к Киеву, отцу своему. И рече Владимир: “...Мосты мостите. Хотяше бо на Ярослава идти”¹⁹⁴.

Так и в вышеприведенном нами месте летописи о племенах южной России слово *мир* очевидно выражает не одно отсутствие вражды, а положительный *союз, общество*. Это нам подтверждается и тем, что говорится там об уличах и тиверцах. Сначала кажется непонятно, почему, исчислив несколько племен, летописец продолжает: “А уличи и тиверцы сидяху по Бугу и по Днестру”, но впоследствии это место объясняется: Киев и все поляне приняли Олега как великого князя; и когда радимичи признали его добровольно, а северяне и древляне после некоторого сопротивления, летописец говорит: “И бе обладая Олег поляны, и деревляны, и северяны, и радимичи; *а с уличи и тиверцы имевше рать*”¹⁹⁵.

---

¹⁹⁴ Ср.: Когда Ярослав был в Новгороде, давал он по условию в Киев две тысячи гривен от года до года, а тысячу раздавал в Новгороде дружине. И так давали все новгородские посадники, а Ярослав не давал этого в Киев отцу своему. И сказал Владимир: «Расчищайте пути и мостите мосты», ибо хотел идти войною на Ярослава, на сына своего, но разболелся (Повесть временных лет).

¹⁹⁵ Ср.: В год 887. Послал Олег к радимичам, спрашивая: «Кому даете дань?» Они же ответили: «Хазарам». И сказал им Олег: «Не давайте хазарам, но платите

Это показывает, что и в прежнем исчислении племен угличи и тиверцы отделены у летописца не без причины, но потому, что они еще не принадлежали к союзу. После этой войны с тиверцами и угличами (которая, как видно впоследствии, кончилась соединением тиверцев с русским союзом), уже не упоминается ни о каких войнах с племенами славянскими, а между тем далее, под 907 г., сказано: “Иде Олег на греки, Игоря оставив в Киеве; и поя множество варяг, и словен, и чуди, и кривич, и мери, и деревлян, и радимич, и полян, и северян, и *вятич*, и *хорват*, и *дулеб*, и тиверцев”¹⁹⁶. Из этого мы видим, что тогда уже признавали Олега те племена, о которых у Нестора было прежде сказано: *живяху в мире*, следовательно, можно заключить, что вятичи, дулебы и хорваты признали Олега так же добровольно, как поляне и радимичи, а это очевидно указывает на их единство с полянами.

Только об одних бужанах ничего не сказано, но бужане, вместе с дулебами жившие по Бугу, составляли с ними почти одно племя и после вместе с ними слились в одно имя *вольнцев*. Подобным же образом часто сливались в одно имя дреговичи с древлянами и мурома с мерью. Так, например, дремне». И дали Олегу по щелягу, как раньше хазарам давали. И властвовал Олег над полянами, и древлянами, и северянами, и радимичами, а с уличами и тиверцами воевал (Повесть временных лет).

¹⁹⁶ Ср.: В год 907. Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варягов, и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев, известных как толмачи: этих всех называли греки «Великая Скифь» (Повесть временных лет).

говичи не упоминаются участниками ни в том, ни в другом союзе, а между тем мы видим, что они вошли в состав Волынского княжества; мурома не упоминаются между пятью племенами, призвавшими Рюрика, а между тем мы в Муроме видим Рюрикова посадника и позднее Муром составляет удел Ростовской земли.

Таким образом, для нас определилось, в каком отношении были *все* 18 племен, упоминаемых Нестором, к единству Русской земли.

Итак, даже из тех немногих строк, которые летопись Несторова сохранила нам о временах дорюриковских, мы уже видим следы древнего единства между племенами русских славян; по крайней мере, ясно обозначается перед нами два союза племен: один, обнимавший *всю почти северную половину* европейской России, призвавший Рюрика; другой, обнимавший *всю почти южную половину* и принявший Олега, или, лучше сказать, малолетнего Игоря. Мы видели, что у всех других славян связь между племенами держалась единством княжеского рода и чиновначалием старшинства между князьями, – и с вероятностью можем предположить, что у нас было то же, потому что мы совершенно то же видим в нашей последующей истории, даже до половины XV века. Мы знаем, что и прежде Рюрика в каждом племени были и родовые (удельные), и племенные (великие) князья, но в летописях наших не уцелело никаких известий о том, были ли связаны узами родства князья различных племен, которые,

после распространения Рюрикова дома, мало-помалу сошли в ряды народа, так же как в Польше Пепеловичи после избрания Пястовичей.

Есть темное предание, сохранившееся в некоторых списках Нестора, что во время свержения варяжского ига был новгородский старейшина Гостомысл, который, умирая, созвал всех новгородских владельцев и дал им совет призвать себе князя из русской земли. Когда сообразим это предание с единогласным свидетельством всех летописей, что после изгнания варягов встал род на род, возникли сильные междоусобия, которые прекратились единогласным решением всех пяти племен призвать себе общего великого князя из Русской земли, – то это дает нам возможность предположить, что еще при Гостомысле возникли междоусобия за вопрос об *старшинстве князей*, которые и кончились призыванием нового княжеского рода. Это еще подтверждается, может быть, свидетельством Густинской летописи, где сказано, что славяне, кривичи, чудь и меря, “видяще великое нестроение в земле своей, придоша в чувство и *совете сотвориша* (всеобщее вече) еже избрати себе князя *от иного рода*”. Во всяком случае, самое это нестроение земли и это *восстание рода на род*, о котором говорят все летописи единогласно, уже показывает что во взаимном отношении племен в то время было что-то *непривычное*, что им недоставало какой-то связи, которая *прежде была*, но именно в то время была разорвана, а их единодушная мысль – призвать себе *общего* кня-

зя – открывает нам, в чем состояла эта нарушенная связь. Далее, может быть, это еще яснее для нас будет, когда мы будем говорить о призвании Рюрика.

Гораздо труднее показать связь государственного единства между северным союзом племен и южным. Единство языка, веры, обычаев заставляют предполагать, что и эта связь издревле существовала, но при зыбкости государственной связи между племенами, свойственной всем славянским народам, зыбкости, которая выходила из самого существования родовых отношений (потому что эта связь основана была только на родовом старейшинстве), естественно, что это единство часто нарушалось, как мы видели у всех славянских народов. Может быть, что именно в то время, то есть, когда северным союзом призваны были варяжские князья, этого государственного единства всей России и не было; может быть, племена русских славян, так же, как хорватских в начале IX века, были соединены в две отдельные купы, под двумя равными великими князьями. Во всяком случае мы ни того, ни другого не можем сказать утвердительно, потому что летописи наши об этом молчат. Замечательны, однако же, некоторые выражения Нестора, которые намекают нам, по крайней мере, на память об этом единстве.

Когда Олег, через год после смерти Рюрика, выходит из Новгорода, он берет с собою войско из всех пяти призвавших племен и *младенца Игоря* как наследника Рюриковых прав. Уже это самое показывает, что он идет воевать не од-

ной силою, как после ходил против греков, но что его война была основана на *праве* и на сочувствии племен. Хотя Рюрик и владел уже почти всю северную половиной России, но как в самом Новгороде были люди, не признавшие общий выбор, так и при походе Олега открывается, что между многими из племен, *призвавших* Рюрика, еще было разногласие и что, несмотря на приговор всеобщего веча, произнесенный старейшинами, еще многие роды его не признавали. Так, например, хотя и призван он был кривичами и хотя одна из ветвей кривичского племени, полочане, тогда же приняли его посадника, но даже в главном их городе *Смоленске* еще не было его *посадника*, и уже об Олеге сказано: “И приде к Смоленску с кривичи и прия град и посади муж свой”¹⁹⁷. Когда он подошел к Киеву, летописец говорит: “И посла ко Аскольду и Дирови, яко гость есмь, идем в греки от Олега и от Игоря княжича; да приидет к нам, к родом своим... И рече Олег: ‘Вы неста князя ни рода княжа, но аз есмь рода княжа’, вынесоша Игоря: ‘И се есть сын Рюриков’, – и уби Аскольда и Дира... И сиде Олег, княжа в Киеве”¹⁹⁸. Слова Олеговы:

---

¹⁹⁷ Ср.: В год 882. Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов: варягов, чудь, славян, мерю, весь, кривичей, и пришел к Смоленску с кривичами, и принял власть в городе, и посадил в нем своих мужей (Повесть временных лет).

¹⁹⁸ Ср.: И пришли к горам Киевским, и узнал Олег, что княжат тут Аскольд и Дир. Спрятал он одних воинов в ладьях, а других оставил позади, и сам отправился к ним вместе с младенцем. И подплыл к Угорской горе, спрятав своих воинов, и послал к Аскольду и Диру, говоря им, что-де «мы купцы, идем к грекам от Олега и княжича Игоря. Придите к нам, к родичам своим». Когда же Аскольд и Дир пришли, все спрятанные воины выскочили из ладей и сказал Олег Аскольду

“Се есть сын Рюриков” не имели бы никакого значения, если бы сын Рюриков не имел права на княжеский престол в Киеве. А что это право в самом деле существовало, еще подтверждается тем, что Олег (или, лучше сказать, малолетний Игорь) и киевлянами, и всем полянским племенем принят был добровольно и что из прочих *семи племен*, которые, как мы видели выше, составляли одно целое с полянами, пятым он признан был также добровольно и только в двух встретил очень слабое сопротивление (Замечательно, между прочим, как Олег говорит с *побежденными* северянами: “Иде на северяне; и победи северяны, в возложи нане *дань легку*, и не даст им хазаром дани платити, рек: “Аз им противен, а вам нечему”¹⁹⁹. Вслед за тем он посылает к радимичам сказать, чтобы они вместо хазар платили дань ему, и радимичи соглашались); впрочем и это сопротивление двух племен из *осьми* не покажется нам удивительным, когда вспомним, что и между кривичами, об которых уже достоверно известно, что они участвовали в призвании Рюрика, были многие роды, которые не вдруг его признали; что даже и в самом Новгороде

и Диру: «Не князя вы и не княжеского рода, но я княжеского рода», а когда вынесли Игоря, добавил: «Вот он, сын Рюрика». И убили Аскольда и Диру, отнесли на гору и погребли: Аскольда – на горе, которая называется ныне Угорской, где теперь Ольмин двор; на той могиле Ольма поставил церковь святого Николы; а Дирова могила – за церковью святой Ирины. И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: «Да будет матерью городам русским» (Повесть временных лет).

¹⁹⁹ Ср.: В год 884. Отправился Олег на северян, и победил их, и возложил на них легкую дань, и не позволил им платить дань хазарам, говоря так: «Я враг их, и вам им платить незачем» (Повесть временных лет).

была партия, противная Рюрику и против него восставшая, особенно, когда вспомним, какое сопротивление встретил в Польше избранный род Пястовичей»²⁰⁰.

Такова суть диалога, развернувшегося на страницах «Москвитянина» в 1845 году. Приводя практически без купюр текст открытого письма М. П. Погодину по поводу его статьи «Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала», мы хотели показать, насколько профессионально П. В. Киреевский подошел к обсуждаемому вопросу, сколь строга была его позиция в отстаивании изначальной самобытности русской истории без каких-либо оговорок и двусмысленностей. В русле полемики о соотношении русской и всемирной истории П. В. Киреевский неизменно стоял на исторической значимости для всего мирового процесса, для нравственных устоев российской государственности и российского общества в целом Древней Руси, положившей начала собственно русского пути развития и в плане историческом, религиозном, гражданском и культурном.

Вообще же, П. В. Киреевский в отстаивании своих взглядов был не только убедителен, но и самозабвенен. А. И. Герцен, вспоминая об этих временах, говорил о нем как о натуре цельной и строго последовательной. П. В. Киреевский не старался, как его брат Иван, мирить религию с наукой, запад-

---

²⁰⁰ Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений в четырех томах. Т. 1. С. 267–283.

ную цивилизацию с русской народностью. Напротив, он отвергал все перемирия. Петр Васильевич твердо держался «на своей почве, не покаяясь на споры, но и не минуя их. Бояться ему было нечего: он так безвозвратно отдался своему мнению и так спаялся с ним горестным состраданием к современной Руси, что ему было легко»²⁰¹. Все близко знавшие П. В. Киреевского отмечали в нем ту беспощадную крайность историко-политических суждений, в которой была и обеспокоенность общественным состоянием Европы, и горечь за зло, принесенное Петром I России в угоду Западу. У Петра Киреевского не было, в отличие от его брата Ивана, никакой гуманно-религиозной философии, *разрешающей* все его сомнения по поводу настоящего. В момент, когда чувство патриотизма, в котором присутствовало лишь полное отчуждение от всего западного, брали у П. В. Киреевского верх над *диалектикой мысли*, он мог быть не сдержан и горяч. Это было не часто в его жизни, но было. Об одном из таких моментов все тот же А. И. Герцен писал: «Споры наши чуть-чуть было не привели к огромному несчастью, к гибели двух чистейших и лучших представителей обеих партий»²⁰². Едва усилиями друзей удалось затушить ссору Грановского с П.

---

²⁰¹ Герцен А. И. Не наши <фрагменты> // Славянофильство: pro et contra / сост., вступ. ст., коммент., библиограф. В. А. Фатева. СПб.: РХГА, 2006. С. 142.

²⁰² А. И. Герцен имеет в виду защитников западной цивилизации, к которым относил себя, Т. Н. Грановского, Н. Ф. Павлова, П. Я. Чаадаева, и сторонников русской самобытности М. П. Погодина, С. П. Шевырева, А. С. Хомякова, Ю. Ф. Самарина, братьев Аксаковых и Киреевских.

В. Киреевским, которая быстро шла к дуэли»²⁰³.

Среди этих обстоятельств С. П. Шевырев, который никак не мог примириться с колоссальным успехом лекций Т. Н. Грановского²⁰⁴, вздумал побить его на его собственном поприще и объявил свой публичный курс. «В прошедшую зиму, – писал своей тетушке А. П. Зонтаг в Белёв И. В. Киреевский²⁰⁵, – когда я жил в деревне, почти совершенно отделенный от всего окружающего мира, я помню, какое впечатление сделали на меня ваши живые рассказы о блестящих лекциях профессора Грановского, о том сильном действии, которое производило на отборный круг слушателей его красноречие, исполненное души и вкуса, ярких мыслей, живых описаний, говорящих картин и увлекательных сердечных сочувствий ко всему, что являлось или таилось прекрасно, благородного и великодушного в прошедшей жизни Западной многострадальной Европы. Общее участие, возбужденное его чтениями, казалось мне утешительным признаком, что у нас в Москве живы еще интересы литературные и что они не выражались до сих пор единственно потому,

---

²⁰³ Герцен А. И. Не наши <фрагменты>... С. 148.

²⁰⁴ В Московском университете в течение 1843/1844 учебного года Т. Н. Грановский читал публичные лекции по западноевропейской истории, в которых утверждал, что в основе прогресса каждого народа лежат общие закономерности.

²⁰⁵ Письмо А. П. Зонтаг было напечатано И. В. Киреевским в первой книжке журнала «Москвитянин» за 1845 год под названием «Публичные лекции профессора Шевырева об истории русской словесности, преимущественно древней» // Москвитянин. 1845. Кн. 1–3.

что не представлялось достойного случая. Теперь я спешу поделиться с вами тем впечатлением, которое производят на нас лекции профессора Шевырева. Не слыхав Грановского, я не могу сравнивать двух преподавателей. Скажу только, что прежде чем начались чтения Шевырева, многие из его слушателей не верили их возможности, хотя и не сомневались в даровании профессора. Предмет лекции – *история русской словесности, преимущественно древней* – казался им неблагодарным, сухим, частью уже общеизвестным, частью слишком ученым и не для всех любопытным»²⁰⁶.

И. В. Киреевский не был знаком с памятниками древнерусской словесности, они с братом Петром, *обучаясь в одних университетах и имея одну европейскую образованность*, специализировались на разных направлениях научного знания. В этой связи лекции С. П. Шевырева оценивались не с позиций богатства содержания памятников старины, а с позиций ораторского искусства, при котором «могли собраться вместе и срастись в одно стройное здание различные обломки нашей полузабытой старины, разбросанные остатки нашей письменной словесности, духовной и светской, литературной и государственной, вместе с уцелевшими неписанными преданиями народа, сохранившимися в его сказках, поверьях, поговорках и песнях»²⁰⁷. Это, отмечает И. В. Киреев-

---

²⁰⁶ Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. С. 128.

²⁰⁷ Там же. С. 129.

ский, не системная история древнерусской образованности, а *необходимый грунт* сравнительной картины русской словесности с соответствующими ей явлениями Западной Европы; сличая, профессор Шевырев старался яснее определить отличия. «В этой параллельной характеристике, – пишет Иван Васильевич, – особенно ясно выражается тот глубоко значительный смысл древнерусского просвещения, который оно приняло от свободного воздействия христианской веры на наш народ, не закованный в языческую греко-римскую образованность, не завоеванный другим племенем, но самобытно, мирно, без насилия и христиански возраставший из глубины духовных убеждений в благоустройство внешней жизни, покуда Провидению угодно было, нашествием иноплеменных влияний, остановить это возрастание, может быть, преждевременное в общей экономии всечеловеческого бытия, – преждевременное для внешне образованного Запада, еще не созревшего к участию в чисто христианском развитии, может быть, преждевременное и для самой России, еще не принявшей в себя стихии западной образованности для подведения их под воздействие одного высшего начала»²⁰⁸.

Оценил И. В. Киреевский и достоверность изложения С. П. Шевырева, который «употребил на изучение своего предмета многие годы постоянной работы – работы ученой, честной, можно сказать, религиозно добросовестной. Каждый

---

²⁰⁸ Там же. С. 132.

факт, приводимый им, исследован со всевозможной полнотой; часто одна фраза, едва заметная посреди быстрого течения речи, есть очевидный плод долговременных разысканий, многосложных сличений и неутомимых трудов; иногда одно слово, иногда один оттенок слова, может быть, не всеми замеченный, отражает изучение многотомных фолиантов, совершенное с терпеливою и добросовестною основательностью»²⁰⁹. К самому ценному в преподавании С. П. Шевырева И. В. Киреевский относит его трактовку понятия «словесность», отражающего всю осознанную и неосознанную, самобытную и привнесенную извне полноту русского быта, который раскрывается в самых разнородных сферах народной жизни – интеллектуальной, гражданской, художественной, промышленной, семейной, государственной, общественно-племенной и личностной. «Вследствие такого воззрения из оживленных памятников нашей древней словесности воскресает вся древняя история нашего отечества – не та история, которая заключается в сцеплении войн и договоров, в случайных событиях и громких личностях, но та внутренняя история, из которой, как из невидимого источника, истекает весь разум внешних движений»²¹⁰.

И в то же время, при всем качестве преподавания, лекции С. П. Шевырева представлялись И. В. Киреевскому уже не столько литературным явлением, сколько новым событием

---

²⁰⁹ Там же. С. 130–131.

²¹⁰ Там же. С. 131–132.

исторического самопознания. Публике был представлен новый мир древнерусской словесности, о которой ранее ничего не было написано замечательного. Теперь, убежден И. В. Киреевский, уже «ни при каком образе мыслей, ни при какой системе нельзя <...> отвергать действительность науки, которая до сих пор не только не существовала в этом виде, но самая возможность которой была подвержена сомнению»²¹¹.

Рассказ И. В. Киреевского о курсе лекций по истории древнерусской словесности, прочитанных С. П. Шевыревым, был одним из элементов собственного «Обозрения современного состояния словесности», опубликованного в трех статьях (вторая и третья статьи даны были под заголовком «Обозрение современного состояния литературы») в «Москвитяине»²¹². Представляя читателям журнала обзор отдельных произведений не только изящной словесности, но и литературы философской, исторической, филологической, политико-экономической, а также богословской, И. В. Киреевский высказал свою особенную позицию относительно русской и европейской исторической традиции. Его вывод звучал следующим образом: «Умственные движения на Западе совершаются теперь с меньшим шумом и блеском, но очевидно имеют более глубины и общности. Вместо ограниченной сферы событий дня и внешних интересов мысль устремляется к самому источнику всего внешнего, к челове-

---

²¹¹ Там же. С. 130.

²¹² Москвитянин. 1845. Кн. 1–3.

ку, как он есть, и к его жизни, как она должна быть. Дельное открытие в науке уже более занимает умы, чем пышная речь в камере. Внешняя сторона судопроизводства кажется менее важной, чем внутреннее развитие справедливости, живой дух народа существеннее его наружных устроений. Западные писатели начинают понимать, что под громким вращением общественных колес таится неслышное движение нравственной пружины, от которой зависит все, и потому в мысленной заботе своей стараются перейти от явления к причине, от формальных внешних вопросов хотят возвыситься к тому объему идеи общества, где и минутные события дня, и вечные условия жизни, и политика, и философия, и наука, и ремесло, и промышленность, и сама религия, и вместе с ними словесность народа сливаются в одну необозримую задачу: усовершенствование человека и его жизненных отношений.

Но надобно признаться, что если частые литературные явления имеют оттого более значительности и, так сказать, более *соку*, зато литература в общем объеме своем представляет странный хаос противоречащих мнений, несвязных систем, воздушных разлетающихся теорий, минутных, выдуманных верований и в основании всего совершенное отсутствие всякого убеждения, которое могло бы назваться не только общим, но хотя господствующим. Каждое новое усилие мысли выражается новой системою, каждая новая система, едва рождаясь, сразу уничтожает все предыдущее и, уни-

чтожая их, сама умирает в минуту рождения, так что, беспрестанно работая, ум человеческий не может успокоиться ни на одном добытом результате, постоянно стремясь к построению какого-то великого, заоблачного здания, нигде не находит опоры, чтобы утвердить хотя бы один первый камень для нешатаящегося фундамента.

<...> Причина такой двойственности западной мысли очевидна. Доведя до конца свое прежнее десятивековое развитие, новая Европа пришла в противоречие с Европой старой и чувствует, что для начала новой жизни ей нужно новое основание. Основание жизни народной есть убеждение. Не находя готового, соответствующего ее требованиям, западная мысль пытается создать себе убеждение усилием, изобрести его, если можно, напряжением мышления, но в этой отчаянной работе, во всяком случае любопытной и поучительной, до сих пор еще каждый опыт был только противоречием другого. <...> С одной стороны, мысль, не поддержанная высшими целями духа, упала на службу чувственным интересам и корыстным видам – отсюда промышленное направление умов, которое проникло не только во внешнюю общественную жизнь, но и в отвлеченную область науки, в содержание и форму словесности и даже в самую глубину домашнего быта, в святость семейных связей, в волшебную тайницу первых юношеских мечтаний. С другой стороны, отсутствие основных начал пробудило во многих сознание их необходимости. Самый недостаток убеждений произвел по-

требность веры. Но умы, искавшие веры, не всегда умели согласить ее западные формы с настоящим состоянием европейской науки. Оттого некоторые решительно отказались от последней и объявили непримиримую вражду между верою и разумом, другие же, стараясь найти их соглашение, или насилуют науку, чтоб втеснить ее в западные формы религии, или хотят те самые формы религии преобразовать по своей науке, или, наконец, не находя на Западе формы, соответствующей их умственным потребностям, выдумывают себе новую религию без церкви, без Предания, без Откровения и без веры. <...> Оттого современная особенность западной жизни заключается в том общем более или менее ясном сознании, что это *начало европейской образованности, развивавшееся во всей истории Запада, в наше время оказывается уже неудовлетворительным для высших требований просвещения.*

<...> Современный характер европейского просвещения по своему историческому, философскому и жизненному смыслу совершенно однозначителен с характером той эпохи римско-греческой образованности, когда, развившись до противоречия самой себе, она по естественной необходимости должна была *принять в себя другое новое начало, хранившееся у других племен, не имевших до того времени всемирно-исторической значительности.* <...> На дне европейского просвещения в наше время все частные вопросы... <...> сливаются в один существенный, живой, великий вопрос об

отношении Запада, к тому не замеченному до сих пор, началу жизни, мышления и образованности, которое лежит в основании мира православно-словенского²¹³. <...> Если остается еще в западной жизни несколько живых истин, более или менее еще уцелевших среди всеобщего разрушения всех особенных убеждений, то эти истины не европейские, ибо в противоречии со всеми результатами европейской образованности; это сохранившиеся остатки христианских начал, которые, следовательно, принадлежат не Западу, но более нам, принявшим христианство в его чистейшем виде...

<...> Если прежний исключительно рациональный характер Запада мог действовать разрушительно на наш быт и ум, то теперь, напротив того, новые требования европейского ума и наши коренные убеждения имеют одинаковый смысл. И если справедливо, что основное начало нашей православно-словенской образованности есть истинное (что, впрочем, доказать здесь я почитаю ни нужным, ни умственным), – если справедливо, говорю я, что это верховное, живое начало нашего просвещения есть истинное, то очевидно, что как оно некогда было источником нашей древней образованности, так теперь должно служить необходимым дополнением образованности европейской, отделяя ее от ее особенных направлений, очищая от характера исключительной рацио-

---

²¹³ О правописании И. В. Киреевским слова *словенский* имеется его собственное объяснение в письме к старцу Макарию: «Я обыкновенно пишу *словенский*, производя *словени* от слова в противоположность *немцам*» (Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений в четырех томах. Т. 3. С. 130).

нальности и проникая новым смыслом; между тем как образованность европейская – как зрелый плод всечеловеческого развития, оторванный от старого дерева, – должна служить питанием для новой жизни, явиться новым возбуждательным средством к развитию нашей умственной деятельности. По этому поводу любовь к образованности европейской, равно как любовь к нашей, обе совпадают в последней точке своего развития в одну любовь, в одно стремление к живому, полному, всечеловеческому и истинно христианскому просвещению»²¹⁴.

Не трудно заметить, что в суждениях о статье М. П. Погодина перед нами был все тот же П. В. Киреевский, знакомый по письмам из-за границы и материалам по национально-освободительному движению, то в размышлениях о лекциях С. П. Шевырева и состоянии литературы – уже иной И. В. Киреевский. Куда-то ушел литературный задор, в мыслях не стало дерзновенности, поубавилось интеллектуальное напряжение. Может, и прав А. И. Герцен, когда оценивает его положение в Москве как тяжелое, когда говорит об утрате им близости и сочувствия друзей. Внимания читающей публики к уже высказанным идеям И. В. Киреевский не находил, а участвовать в бесплодных спорах не желал. Характерно его высказывание, обращенное к Т. Н. Грановскому: «Сердцем я больше связан с вами, но не делю многого из ваших убеж-

---

²¹⁴ Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. С. 167–226.

дений; с нашими я ближе верю, но столько же расхожусь в другом»²¹⁵. Но это ни в коей мере не касалось Петра, который всегда оставался и братом, и другом...

---

²¹⁵ Герцен А. И. Не наши <фрагменты>... С. 141.

Глава VI. Собрание русских народных песен и стихов.

Песенная прокламация

1

1830-е – 1840-е годы становятся в жизни П. В. Киреевского периодом активного собирания русских народных песен и стихов. Как уже говорилось, первое свидетельство об этом встречаем в письме А. П. Елагиной-Киреевской от 8 июня 1831 года, посланном из Ильинского. В письме П. В. Киреевского Н. М. Языкову из того же Ильинского, но уже 9 июля 1832 года находим следующие строки: «Славное вы дело сделали, что собрали так много песен, а мне это стыдно, потому что я до сих пор еще не собрал ни одной. Однако и я не отстану и скоро примусь за дело. Ты их лучше не присылай, а привези сам. Главное мое занятие здесь пока состояло, кроме брожения и того долгого времени, которое ушло так, в переводе шпанской трагедии “El magico prodigioso”²¹⁶, которую я скоро надеюсь кончить и в которой

---

²¹⁶ Религиозная драма Кальдерона.

ты мне должен перевести заглавие»²¹⁷. В любом случае к 9 сентября 1832 года П. В. Киреевский имел уже 70 песен и 14 духовных стихов, которыми особенно хвалился перед Н. М. Языковым: «Эти, которые поют старики, старухи, а особенно нищие и между нищими особенно слепые, – вещь неоцененная! Кроме их филологической и поэтической важности, из них, вероятно, много объяснится и наша прежняя мифология. Точно так же, как многие из храмов древнего мира уцелели от разрушения, приняв на кровлю свою христианский крест, многие из наших языческих преданий сохранились, примкнув к песням о святых либо по сходству имени, либо по сходству своего напева. Так, например, в стихах, мною собранных, упоминается о Черногоре-птице, сидящей на Херсонских вратах, в <неразб.> Киеве-граде, о ките, на котором основан мир и который колеблет его своими движениями, о звере, пробуравливавшем землю для провода воды из моря, и прочее»²¹⁸.

12 октября 1832 года П. В. Киреевский, сообщая Н. М. Языкову о московской литературной жизни, обращает его внимание на несколько важных для нас обстоятельств. В частности, о посещении в конце сентября – начале октября Москвы А. С. Пушкиным и о его намерении «как можно скорее издавать русские песни, которых у него собрано доволь-

---

²¹⁷ Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений в четырех томах. Т. 3. С. 351.

²¹⁸ Там же. С. 353–354.

но много»²¹⁹. Петр Васильевич думал послать Пушкину копию своего собрания, но так как оно включало в себя записи песен, принадлежащие Н. М. Языкову, то первоначально считал нужным получить согласие последнего. К *великолепным* московским делам П. В. Киреевский отнес и предполагаемое издание Н. А. Полевым 400 собранных им песен.

16 ноября 1832 года П. В. Киреевский продолжил знакомить Н. М. Языкова с новостями *по литературной части*: «По литературной части совершено следующее: «“Повести” Луганского²²⁰ не только вышли, но уже и запрещены. Вышли сочинения Д. Давыдова и повесть “Андрей Безымянный”²²¹, которой еще я не читал, но которую многие приписывают Б-у²²². Газета Пушкина²²³ будет, как говорят, выходить каждый день и величиной равняться с *Journal des Débats*²²⁴. Полевой²²⁵ обещает продолжать “Библиотеку”²²⁶ и

---

²¹⁹ Там же. С. 355.

²²⁰ «Повести» Луганского, о которых упоминает П. В. Киреевский, в действительности имели другое заглавие. Здесь, несомненно, речь идет о сказках, выпущенных В. И. Далем под заглавием «Русские сказки, из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками народными разукрашенные казаком Владимиром Луганским. Пяток первый» (СПб., 1832).

²²¹ Исторический роман из эпохи начала царствования Петра I.

²²² Очевидно, Ф. В. Булгарин.

²²³ Литературная газета.

²²⁴ Журнал обсуждений (*фр.*).

²²⁵ Николай Алексеевич Полевой.

²²⁶ Библиотека для чтения.

сверх того написал уже новый роман “Суд божий”, который уже и продал, как слышно, за 10 000. Строев²²⁷, говорят, готовится приступить к изданию грамот, им собранных. Максимович²²⁸ издает голоса малороссийские, положенные на музыку Алябьевым²²⁹. Полевой также объявил уже об издании “Русских песен”²³⁰, у Венелина готов 2-й том “Болгарских песен”²³¹...»²³².

23 ноября 1832 года П. В. Киреевский в письме к Н. М. Языкову²³³ просит при записи духовных стихов обратить особое внимание на «Стихи о Голубиной книге»:

Восходила туча сильная, грозная;
Выпадала книга Голубиная;
И не малая, не великая:
Долины книга сорока сажень,
Поперечины двадцати сажень.
Ко той книге ко Божественной

---

²²⁷ Павел Михайлович Строев.

²²⁸ Михаил Александрович Максимович.

²²⁹ Точное название сборника Максимовича-Алябьева следующее: «Голоса украинских песен, изданные Михаилом Максимовичем. Тетрадь первая» (М., 1834).

²³⁰ Предполагаемое издание песен не состоялось.

²³¹ Речь идет об исследованиях Ю. И. Венелина в области болгарской литературы.

²³² Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений в четырех томах. Т. 3. С. 358–359.

²³³ Там же. С. 360.

Соходилися, соезжались
Сорок царей со царевичами,
Сорок князей со княжевичами,
Сорок попов, сорок дьяконов,
Много народу, людей мелких,
Христиан православных.
Никто ко книге не приступится,
Никто ко Божией не пришатнется.
Приходил ко книге премудрый царь,
Премудрый царь Давид Евсеевич:
До Божией до книги он доступается;
Перед ним книга разгибается,
Все Божественное писание ему объявляется.
Еще приходил ко книге Владимир-князь,
Владимир-князь Владимирович.
Говорил Владимир-князь,
Владимир-князь Владимирович:
– Ой ты гой еси, наш премудрый царь,
Премудрый царь, Давид Евсеевич!
Прочти, сударь, книгу Божию!
Объяви, сударь, дела Божию;
Про наше житье про святорусское,
Про наше житье свету вольного!
Отчего у нас начался белый вольный свет?
Отчего у нас солнце красное?
Отчего у нас млад светел месяц?
Отчего у нас звезды частые?
Отчего у нас ночи темные?
Отчего у нас зори утренние?

Отчего у нас ветры буйные?
Отчего у нас дробен дождичек?
Отчего у нас ум-разум?
Отчего наши помыслы?
Отчего у нас мир-народ?
Отчего кости крепкие?
Отчего телеса наши?
Отчего кровь-руда наша? —
Говорит премудрый царь,
Премудрый царь Давид Евсеевич:
– Ой ты гой еси, Владимир-князь,
Владимир-князь Владимирович.
Не могу я прочесть книгу Божию!
Уж мне честь – не прочесть книгу Божию:
Эта книга не малая,
Эта книга великая!
На руках держать – не сдержать будет;
На аналой положить Божий – не уложится.
Я по старой по своей памяти
Расскажу вам, как по грамоте:
У нас белый вольный свет зачался от суда Божиего;
Солнце красное от лица Божиего,
Самого Христа, Царя Небесного;
Млад светел месяц от грудей его;
Звезды частые от риз Божиих;
Ночи темные от дум Господних;
Зори утренние от очей Господних;
Ветры буйные от Свята Духа;
У нас ум – разум самого Христа,

Самого Христа, Царя Небесного;
Наши помыслы от облаков небесных;
У нас мир-народ от Адамия;
Кости крепкие от камени;
Телеса наши от сырой земли;
Кровь-руда наша от черна моря. —
Говорит Владимир-князь,
Владимир-князь Владимирович:
– Премудрый царь, Давид Евсеевич!
Скажи ты нам, проповедай:
Какой царь над царями царь?
Какой город городам отец?
Какая церковь всем церквям мать?
Какая река всем рекам мать?
Какая гора всем горам мать?
Какое древо всем деревьям мать?
Какая трава всем травам мать?
Какое море всем морям мать?
Какая рыба всем рыбам мать?
Какая птица всем птицам мать?
Какой зверь всем зверям отец? —
Возговорит премудрый царь,
Премудрый царь, Давид Евсеевич:
– У нас белый царь над царями царь.
– Почему ж белый царь над царями царь?
– А он держит веру крещеную,
Веру крещеную, богомольную;
Стоит за веру христианскую,
За дом Пресвятой Богородицы.

Все орды ему преклонилися,
Все народы ему покорилися.
Потому белый царь над царями царь.

Иерусалим-город городам отец.

– Почему тот город городам отец?

– Потому Иерусалим городам отец:

Во том во граде во Иерусалиме

Тут у нас пуп земли.

Собор-церковь всем церквям мать.

– Почему же собор-церковь церквям мать?

– Стоит собор-церковь посреди града Иерусалима;

Во той во церкви во соборной

Стоит престол Божественный;

На том на престоле на Божественном

Стоит гробница белокаменная;

Во той гробнице белокаменной

Почивают ризы самого Христа,

Самого Христа, Царя Небесного.

Потому собор-церковь церквям мать.

Иордан-река всем рекам мать.

– Почему Иордан всем рекам мать?

– Окрестился в ней сам Иисус Христос,

Со силою со Небесною,

Со ангелами со хранителями,

Со Иоанном, светом, со Крестителем.

Потому Иордан всем рекам мать.

Фавор-гора всем горам мать.

– Почему Фавор-гора всем горам мать?

– Преобразился на ней сам Иисус Христос,

Иисус Христос, Царь Небесный, свет,
Со Петром, со Иоанном, со Иаковом,
Со двенадцатью апостолами;
Показал славу ученикам своим.
Потому Фавор-гора всем горам мать.
Кипарис-древо всем деревьям мать.
– Почему то древо всем деревьям мать?
– На том древе на кипарисе
Объявился нам Животворящий Крест,
На том на Кресте на Животворящем
Распят был сам Иисус Христос,
Иисус Христос, Царь Небесный, свет.
Потому кипарис-древо всем деревьям мать.
Плакун-трава всем травам мать.
– Почему плакун всем травам мать?
– Когда жидовня Христа распяла,
Святую кровь Его пролила,
Мать Пречистая Богородица
По Иисусу Христу сильно плакала,
По своему Сыну по возлюбленному;
Роняла слезы пречистые
На матушку на сырую землю.
От тех от слез от пречистых
Зарождалася плакун-трава.
Потому плакун-трава всем травам мать.
Океан-море всем морям мать.
– Почему океан всем морям мать?
– Посреди моря океанского
Выходила церковь соборная,

Соборная, богомольная,
Святого Климента, попа римского:
На церкви главы мраморные,
На главах кресты золотые.
Из той из церкви из соборной,
Из соборной, из богомольной
Выходила Царица Небесная;
Из океан-моря она омывалась,
На собор-церковь она Богу молилася.
От того океан всем морям мать.
Кит-рыба всем рыбам мать.
– Почему же кит-рыба всем рыбам мать?
– На трех рыбах земля основана.
Как кит-рыба потронется,
Вся земля восколеблется.
Потому кит-рыба всем рыбам мать.
Основана земля Святым Духом,
А содержится словом Божиим.
Стратим-птица всем птицам мать.
– Почему она всем птицам мать?
– Живет стратим-птица на океан-море
И детей производит на океан-море.
По Божиему все по велению,
Стратим-птица вострепенется,
Океан-море восколыхнется;
Топит она корабли гостиные
Со товарами драгоценными.
Потому стратим-птица всем птицам мать.
У нас индрик-зверь всем зверям отец.

– Почему индрик-зверь всем зверям отец?
– Ходит он по подземелию,
Пропускает реки, кладези студеные,
Живет он во Святой горе,
Пьет и ест во Святой горе.
Куда хочет идет по подземелию,
Как солнышко по поднебесию,
Потому же у нас индрик-зверь всем зверям отец. —
Говорил Владимир-князь,
Владимир-князь Владимирович:
– Ой ты гой еси, премудрый царь,
Премудрый царь, Давид Евсеевич!
Мне ночью, сударь, мало спалось;
Мне во сне много виделось:
Будто бы с той стороны со восточной,
А с другой стороны с полуденной,
Будто бы два зверя собиралися,
Будто бы два лютые собегалися;
Промежду собой дрались, билися,
Один зверь другого одолеть хочет. —
Говорил премудрый царь,
Премудрый царь Давид Евсеевич:
– Это не два зверя собиралися,
Не два лютые собегалися:
Это кривда с правдой соходилися,
Промежду собой бились, дралися;
Кривда правду одолеть хочет;
Правда кривду переспорила.
Правда пошла на небеса,

К самому Христу, Царю Небесному;
А кривда пошла у нас вся по всей земле,
По всей земле по Святорусской,
По всему народу христианскому.
От кривды земля восколебалася.
Оттого народ весь возмущается;
От кривды стал народ неправильный,
Неправильный стал, злопамятный:
Они друг друга обмануть хотят;
Друг друга поесть хотят,
Кто будет кривдой жить,
Тот будет отделен от Господа;
Та душа не наследует
Себе Царства Небесного;
А кто будет правдой жить,
Тот будет приближен ко Господу;
Та душа и наследует
Себе Царство Небесное. —
Старым людям на послушание,
А молодым людям для памяти.
Славу поем Давиду Евсеевичу,
Вовеки его слава не минуется!

В середине декабря 1832 года П. В. Киреевский впервые слышал у Свербеевых²³⁴ знаменитый цыганский хор, «в котором примадонствует Татьяна Дмитриевна»²³⁵, и признался

---

²³⁴ Дмитрий Николаевич и Екатерина Александровна Свербеевы.

²³⁵ Татьяна Димитровна (Дмитриевна, или Демьяновна) – знаменитая в Москве

Н. М. Языкову, «что мало слышал подобного! Едва ли, кроме Мельгунова²³⁶ (и Чаадаева²³⁷, которого я не считаю русским), есть русский, который бы мог равнодушно их слышать. Есть что-то такое в их пении, что иностранцу должно быть непонятно и потому не понравится, но, может быть, тем оно лучше²³⁸. Татьяна Дмитриевна просила через П. В. Киреевского кланяться Н. М. Языкову, с которым познакомилась 18 февраля 1831 года. Накануне своей свадьбы с Н. Н. Гончаровой А. С. Пушкин устроил у себя «мальчишник», после которого повез друзей – Е. А. Баратынского, П. А. Вяземского, Д. В. Давыдова, Л. С. Пушкина, Н. М. Языкова – к П. В. Нащокину и его гражданской жене – цыганке О. А. Солдатенковой, певшей им вместе со своей подругой цыганкой Татей, Татьяной Дмитриевной. Был ли на «мальчишнике» И. В. Киреевский или его познакомил со знаменитой цыганской певицей Н. М. Языков, доподлинно неизвестно, но в письмах Ивана Васильевича к поэту появилось новое сравнение: «Здравствуй, друг Языков, да здравствуешь! Эти слова от полного сердца, проникнутого восторгом. Хотя стихи все почти были знакомы мне прежде, однако действие, которое производит

цыганка Таня, вдохновившая Н. М. Языкова написание таких замечательных стихотворений, как «Весенняя ночь», «Элегия» («Блажен, кто мог на ложе ночи...»), «Перстень».

²³⁶ Николай Александрович Мельгунов.

²³⁷ Петр Яковлевич Чаадаев.

²³⁸ Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений в четырех томах. Т. 3. С. 362.

твоя книга, совсем новое и невероятное, как брови Татьяны Дмитриевны»²³⁹.

15 мая 1875 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях»²⁴⁰ были напечатаны воспоминания цыганки Тани о Языкове: «В Москве, в одном из переулков Бронной, в углу убогого деревянного флигеля доживает свои дни 65-летняя, невысокая и глухая старушка, с еще не совсем седыми волосами и большими черными, сохранившими еще необыкновенный блеск, глазами. У ног этой старушки (в буквальном смысле слова) лежал когда-то влюбленный поэт Языков; эту старушку воспевал он вдохновенными стихами:

Где же ты,
Как поцелуй насильный и мятежный,
Разгульная и чудо красоты?..

Приди! Тебя улыбкой задушевной,
Объятаями восторга встречу я,
Желанная и добрая моя,
Мой лучший сон, мой ангел сладкопевный,
Поэзия московского житья!

Песни этой старушки доводили когда-то Пушкина до исторических рыданий... Зовут ее и поныне прежним, когда-то знаменитым по всей Москве именем Таня. “Бабуся”, или

---

²³⁹ Там же. С. 93.

²⁴⁰ № 131.

просто “баба”, прибавляют к этому имени нынешние певчие цыганские птички, из которых далеко не все помнят ее... Не умирает она с голоду, впрочем, благодаря маленькой пенсии, выдаваемой ей княгиней Голицыной – единомышленницей ее.

Пишущий эти строки познакомился с “бабой” Таней у одной из жилищ того дома, в котором проживает она... Старушка хотя совершенно глуха, но как-то чрезвычайно понятлива, догадывается, или читает по движению губ вопрошающего, – во всяком случае, на повторенный два или три раза вопрос, за которым следит она с напряженным вниманием своих пронизательных глаз, она как-то порывисто, как бы ужасно обрадовавшись, начинает вдруг отвечать, лицо оживляется чрезвычайно милою, добродушной улыбкой, и воспоминания счастливого прошлого льются уже неиссякаемой струей из поблеклых морщинистых ее уст. <...>

– Ну, а с Языковым как ты познакомилась?

– С Языковым? А познакомилась я с ним в самый день свадьбы Пушкина. Сидела я в тот день у Ольги <Солдатенковой>. Вчера вернулся Павел Войнович <Нащокин> и с ним этот самый Языков. Белокурый был он, толстенький и недурной. Они там на свадьбе много выпили, и он совсем не в своем уме был. Как увидел меня, стал мне в любви объясняться. Я смеюсь, а он еще хуже пристаёт; в ноги мне повалился, голову на колени мне уложил, плачет: “Я, говорит, на тебе женюсь: Пушкин на красавице женился, и я ему не уступлю,

Фараонка, – такой смешной он был, – Фараонка ты моя”, – говорит. – “Так с первого разу увидали и жениться уже хотите?” – смеюсь я ему опять. А он мне на это: “Я тебя давно знаю, ты у меня здесь давно, – на лоб себе показывает, – во сне тебя видел, мечтал о тебе!” И не понимала я даже, взаправду видал ли он меня где прежде, или так он только, с хмелю... Павел Войнович с Ольгою помирают, глядя, как он ко мне припадает. Однако очень он меня тут огорчил... Увидал он у меня на руке колечко с бирюзой. “Что это за колечко у тебя, – спрашивает, – заветное?” – “Заветное”. – “Отдай мне его!” – “На что оно вам?” – говорю. А он опять пристал, сдернул его у меня с пальца и надел себе на мизинец. Я у него отнимать, – он ни за что не отдает. “До гроба не отдам!” – кричит. И как я ни плакала, со слезами молила, он не отдал. Павел Войнович говорит мне: “Оставь, отдаст, разве, думаешь, он в самом деле?” Так и осталось у него мое колечко... А оно было у меня заветное, – дал его мне тот самый человек, которого я любила и который в деревне был; я его, по его письму, со дня на день ждала в Москву и просто спать не могла, – что он приедет, спросит про кольцо, а его у меня нет, – а еще хуже, что оно у другого человека... А тот не отдает мне его ни за что. И не знала я просто, что мне делать. Потому Языков даже скоро перестал ездить к нам в хор...

– Как же так, баба? Ведь он в тебя влюблен был?

– А Бог его знает! Влюблен, да не мил, – да и то не знаю даже, что такая за любовь была у него ко мне... Не так люди

любят! Холодный человек был, так я скажу...

Можно заключить, что Языков вообще не оставил в памяти старушки никакого значительного впечатления. Она, так подробно вспоминающая о встречах своих с Пушкиным, гордившаяся тем, что он “хотел поэму на нее написать”, не знала даже, что внушила Языкову мотивы к трем, едва ли не прелестнейшим и посвященным ей (Т. Д.) его стихотворениям – и что одним из этих мотивов было именно то колечко, которое он в минуту шалости сорвал с ее руки. Но что сказала бы глухая Таня, если бы можно было прочесть ей следующие строфы:

Да! Как святыню берегу я
Сей перстень, данный мне тобой,
За жар и силу поцелуя,
Тебя сливавшего со мной;
.....
Но что ж? Так пылко, так глубоко,
Так вдохновенно люблюя
Тебя, мой ангел черноокой,
Одну тебя, одну тебя, —
Один ли я твой взор умильный
К себе привлек? На мне ль одном
Твои объятия так сильно
Живым свиваются кольцом?
Ах, нет! Но свято берегу я...

Никогда никакого “перстня” не дарила она фантазировав-

шему по поводу ее поэту. По словам старушки, между ею и Языковым не только никогда не существовало близких отношений, но и во всем-то недолгом их знакомстве увлечение его выразилось лишь однажды, в тот вечер, когда он, вернувшись возбужденный со свадьбы Пушкина, улегся у ее ног и предлагал ей жениться, – причем она, разумеется, по обычаю цыганок того времени, отвечала поцелуями на его поцелуи, учтивости ради. Заподозривать ее в неискренности нет никакого основания, – она так простодушно говорит о своих “предметах”. К тому же в 1831 году, в котором написаны были Языковым упомянутые стихотворения к Т. Д. (Татьяне Демьяновне), относится и следующее признание его в том, что он называет “гармонической ложью”:

Радужно рабствует поэту

Животворящая мечта:

.....

Не веруй, дева-красота!

.....

Вот день! – и бледная ты встала,

Ты не спала, ты не мечтала...

А он, таинственник, камен?

Им не играли грезы ночи,

И бодр, и свеж проснулся он,

И про любовь и черны очи

Уже выдумывает сон.

Страсть к Тане не была ли точно так же “выдуманна” Языковым?

– И так не отдал он тебе твоего колечка? – спросили бабу.

– Отдал, батюшка, отдал! И опять же Пушкину Александру Сергеевичу за то спасибо! Павел Войнович Нащокин пожаловался ему на Языкова, что вот он как нехорошо со мною сделал. Александр Сергеевич и заступился за меня – заставил его перстень мой Оле отдать. От нее я его назад и получила <...>»²⁴¹.

10 января 1833 года П. В. Киреевский сообщает Н. М. Языкову в Симбирск название имеющихся у него духовных стихов: «О Борисе и Глебе», «Об Осипе Прекрасном», «О Христовом рождении», «О Егории Победоносце», «Об Осафе-царевиче», «О Лазаре убогом», «О Голубиной книге», «О трех древах», «О Федоре Тыринове», «Об Алексее, Божьем человеке», «О грешной душе», «О Страшном суде» и «О Пречистой Деве»²⁴². Недостаточный и искаженный вид списков требовал поиска вариантов для сличения, о чем Петр Васильевич и просил друга, предполагая со своей стороны также продолжать *собрание*²⁴³. 9 мая 1833 года П. В.

---

²⁴¹ Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений в четырех томах. Т. 3. С. 472–475.

²⁴² См.: Малышевский А. Ф. Петр Киреевский и его собрание русских народных песен. Т. 1. С. 15–144.

²⁴³ Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений в четырех томах. Т. 3. С. 362

Киреевский отправился из Москвы в Архангельское, где семья сняла на лето флигель; к осени он надеялся «возвратиться с обильной жатвой песен, особенно же стихов и сказок»²⁴⁴.

17 июля 1833 года в письме из деревни Воронки²⁴⁵ П. В. Киреевский благодарит Н. М. Языкова *за сообщение песен*. «Вы²⁴⁶ там собрали такие сокровища, каких я даже и не ожидал. Мы не только можем гордиться богатством и величием нашей народной поэзии перед всеми другими народами, но, может быть, даже и самой Испании в этом не уступим, несмотря на то, что там все благоприятствовало сохранению народных преданий, а у нас какая-то странная судьба беспрестанно старалась их изгладить из памяти, особенно в последние 150 лет, разрушивших, может быть, не меньше воспоминаний, нежели самое татарское нашествие. Эта проклятая чаадаевщина, которая в своем бессмысленном самопоклонении ругается над могилами отцов и силится истребить все великое откровение воспоминаний, чтобы поставить на их месте свою одномоментную премудрость, которая только что доведена *ad absurdum* в сумасшедшей голове Ч.²⁴⁷, но отзывается, по несчастью, во многих, не чувствующих всей уни-

---

²⁴⁴ Там же. С. 368.

²⁴⁵ «Я уже теперь не в Архангельском, а в Воронках, ровно в версте от Архангельского, куда всякий день хожу обедать. Надеюсь здесь набрать хорошую жатву песен и сказок» (Там же. С. 373).

²⁴⁶ Имеются в виду Николай Михайлович Языков и его брат Александр Михайлович Языков.

²⁴⁷ Петр Яковлевич Чаадаев.

зительности этой мысли, – так меня бесит, что мне часто кажется, как будто вся великая жизнь Петра²⁴⁸ родила больше злых, нежели добрых плодов. Впрочем, я и сам чувствую, что болезненная желчь негодования мутит во мне здоровый и спокойный взгляд беспристрастия, который только один может быть ясен.

Это болезненное состояние духа уже давно меня теснит и давит, и кипа песен, тобою присланная, была мне студеной рекой в душевной пустыне. Я с каждым часом чувствую живее, что отличительное, существенное свойство варварства – беспомысленность, что нет ни высокого дела, ни стройного слова без живого чувства своего достоинства, что чувства собственного достоинства нет без национальной гордости, а национальной гордости нет без национальной памяти. Эти истины так глубоко и горячо проникли во все жилки моего нравственного и физического существа, что в некоторые минуты доходят до фанатизма»²⁴⁹.

Семейство Елагиных-Киреевских возвратилось в Москву где-то 8 сентября 1833 года, о чем П. В. Киреевский сообщил другу Н. М. Языкову²⁵⁰. Наступившая осень стала важным моментом в биографии Петра Васильевича, так как А. С. Пушкин, по договоренности с С. А. Соболевским и С. П.

---

²⁴⁸ Речь идет об императоре Петре I.

²⁴⁹ Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений в четырех томах. Т. 3. С. 371–372.

²⁵⁰ Там же. С. 373–374.

Шевыревым, передает ему все свои материалы к задуманному Собранию песен²⁵¹. Так были оценены усилия П. В. Киреевского, который, став во главе фольклорного наследия, полностью погрузился в работу по сбору и изданию русских народных песен и духовных стихов.

Об этом периоде в жизни П. В. Киреевского мы узнаем из его собственных писем и переписки родственников. 4 октября 1833 года Петр Васильевич рукою брата Ивана пишет Н. М. Языкову: «Я, Иван Киреевский, пишу за Петра Киреевского, который лежит больной и диктует мне следующие слова: “<...> О главной материи, до песен касающейся, надо написать к тебе много и потому лучше подождать того времени, когда мне удастся прийти в положение немножко попертикальнее, покуда скажу только то, что в Воронках я собрал с лишком 200, не считая стихов. Кроме того, стекаются ко мне в руки такие обильные песенные потоки, что уже можно считать за 2000 могущих поступить в печать. Об обстоятельствах печатания буду после с тобою советовать-ся подробнее. Дать ли Максимовичу²⁵² из присланного тобою собрания песен пяток в его “Денницу”?»²⁵³. «Знаешь ли ты, – обращается П. В. Киреевский к Н. М. Языкову в письме от 14 октября 1833 года, – что готовящееся собрание рус-

---

²⁵¹ Литературное наследство. М., 1968. Т. 79. С. 39.

²⁵² Михаил Александрович Максимович.

²⁵³ Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений в четырех томах. Т. 3. С. 374–375.

ских песен будет не только лучшей книгой нашей литературы, не только одним из замечательнейших явлений литературы вообще, но что оно, если дойдет до сведения иностранцев в должной степени и будет ими понято, то должно ошеломить их так, как они ошеломлены быть не ожидают! Это будет явление беспримерное. У меня теперь под рукой большая часть знаменитейших собраний иностранных народных песен, из которых мне все больше и больше открывается их ничтожество в сравнении с нашими. В большей части западных государств живая литература преданий теперь почти изгладилась; только кое-где еще, и в совершенно незначительном количестве, остались еще песни, но обезображенные и причесанные по последней картинке моды; большая часть из известнейших народных песенников составлена там не по изустному сказанию, а из различных рукописей — и, что всего важнее, мне кажется, можно доказать, что живая народная литература там никогда не была распространена до такой степени, как у нас. А из этого, если точно удостовериться, могут быть важные выводы. Но об этом после, когда мне удастся хорошенько вникнуть в эту материю.

Вот куда интересное сближение известных мне западных песен с нашими в количественном отношении: известнейшее собрание шотландских песен Вальтера Скотта содержит в себе 77 номеров, собрание шведских песен, которого количественному богатству немцы дивятся, которое издано их знаменитым историком Гейером вместе с Афцелиусом

и переведено на немецкий язык, включает в себе 100 номеров; датское собрание Ниерупа, которого я не видал, судя по всем известиям об нем, едва ли далеко его превосходит в количестве; французской истинно народной песни, по свидетельству Вольфа, долго занимавшегося их опубликованием, теперь нет ни одной; итальянское собрание, изданное тем же Вольфом и (что довольно странно) в поэтическом отношении очень бедное, включает в себе номеров 100 песен и припевов на всех итальянских наречиях; испанских собраний, мне известных, есть два: Гриммово и Деппингово, они выбраны из испанских песенников, напечатанных еще в XVI веке по преданиям, и тогда уже почти исчезнувшим, а из этих песенников, по словам немецких издателей, они выбрали почти все истинно народное; остальная их часть включает в себе такой же сор, как большая часть нашего *новиковского песенника*. Из этих двух собраний (правда, очень высокой поэтической цены) одно включает в себе 68, другое около 80 номеров. Англия известна бедностью в песенном отношении, а Бюшингово маленькое собрание песен немецких, которого я не видал, также славится своим ничтожеством.

У нас, если выбрать самоцветные камни из всех наших песенников, загроможденных сором (а это, по моему мнению, необходимо), будет около 2000 (!!), то есть половина теперь находится письменных в моих руках, а половину дадут песенники. Их можно считать и еще больше, но так как они

(больше по влиянию неблагоприятной судьбы, засадившей меня в болезнь, нежели по моей вине) еще не все переписаны, а при критическом сближении многие нумера, как выясняется, сольются в один, то я кладу меньшее количество. Из этого числа 500 (и самых лучших) прислано тобою, 300 собрано мной и 200 собрано в Орловской губернии (но еще не прислано) Вас. М. Рожалиным. Я не считаю еще тех, которые привезет из деревни Пушкин (доставленные им 40 нумеров не очень важны) и которые обещал доставить из Рыльска жесткосердный и жесткостишный Якимов²⁵⁴ <...>. В полевовском собрании²⁵⁵ я еще не уверен, потому что он хотя и говорил Соболевскому²⁵⁶, что доставит свои песни мне, но еще не присылал. Я забыл еще сказать, что Востоков, узнавши о готовящемся собрании, прислал мне 12 стихов, которые он сам переписал с рукописи 1790 года, хранящейся в Румянцевском музее. Большая часть из них послужит интересными вариантами тех, которые уже находятся у меня, а некоторые были мне неизвестны. Папенька²⁵⁷ обещает привести 100 песен из Калужской губернии.

Вот отчет о песенном приходе. Но что ж сказать об моих действиях? Покуда похвастаться не могу ничем. В Архангельском у меня почти все время занято было собираньем

---

²⁵⁴ Василий Алексеевич Якимов.

²⁵⁵ Николай Алексеевич Полевой.

²⁵⁶ Сергей Александрович Соболевский.

²⁵⁷ Алексей Андреевич Елагин.

новым песен, а почти тотчас после возвращения в Москву я занемог и прикован к своим креслам – до сих пор. Это мне мешает и сличать песенники, которые мне необходимо знать все, и приступить к аккуратному сличению находящихся у меня *записанных текстов*, потому что для этого необходимо им быть переписанным на отдельных листках, чтобы можно было осмотреть все варианты вдруг и делать тут же необходимые примечания. Я нашел было переписчика, да он продержал данную ему тетрадь целый месяц, а потом обманул и отказался. А болезнь моя мне и тут мешает отыскать другого скоро. Надеюсь, впрочем, все это вознаградить по выздоровлению. Примечаниями на первый раз надобно будет ограничиться только самыми необходимыми и короткими, и в предисловии должно будет также удержаться в пределах необходимости, потому что иначе, если поступать совестливо и отчетливо, это задержало бы издание на несколько лет. Пушкин также обещает написать предисловие. При первом издании, по моему мнению, ограничиться аккуратностью в материальном отношении; второе же, и – (Бог даст!) четверенное издание можно уже будет пустить в виде, его драгоценности приличном, потому что к тому времени можно будет приготовиться. Как ты об этом думаешь? Что до меня касается, то я, по удачном (Бог даст) окончании первого издания, совершенно решился заняться этим делом не на шутку, потому что оно входит существенно в главную идею всех моих и мыслей, и занятий, и желаний. Для этого начинаю се-

бе выписывать разные материалы по этой части. Где я буду летом 1834 – еще неизвестно, я чувствую, что мое здоровье расстроено с самого возвращения из-за границы, и мне, чтоб не остаться инвалидом, надобно лечиться серьезно. Поэтому, смотря по приговору докторов, я, вероятно, поеду на какие-нибудь воды, либо на Кавказ, либо в Германию. В первом случае я все буду среди песен, во втором буду иметь больше средств заняться хорошенько славянскими языками. Кроме славянских, легко доступных, я решился также заняться и скандинавскими, которые, как я недавно еще больше убедился, осветят мне, при небольшом и нетяжелом труде, многие недоступные от мрака места русской истории и особенно мифологии. Они будут также иметь существенную важность и для продолжения песенного и для начатия сказочного собрания. По желанном же исцелении от недугов и возвращении надеюсь осуществить одно из любимых моих мечтаний: поеду бродить по России. Тогда уже можно будет издать 2-е издание на славу!

Но об этом речь впереди. Теперь покуда о настоящем издании. Изданием, по моему мнению, лучше поспешить, как потому, что такая книга чем скорее выйдет, тем лучше, так и по вероятному моему отъезду летом. Смирдин берется печатать песни на свой счет и потом, выручив свою сумму, продавать по комиссии. Хоть и мудрено рассчитывать на барыши, потому что, вероятно, не очень многочисленная публика оценит такую книгу, по крайней мере это предложение уже

совершенно обеспечивает от убытка. Но в таком случае надобно печатать в Петербурге, нельзя смотреть так тщательно за исправностью издания и досадно будет, что этот перл русской словесности выкатится не из Москвы, что также имеет свою важность. По нашим расчетам, если пустить книгу, в которой будет по крайней мере четыре больших тома по 25 или даже по 20 рублей, то 250, а может быть, даже и 200 экземпляров (смотря по бумаге и шрифту) вполне окупят издание; следовательно, если печатать и на свой счет, то с довольною вероятностью можно надеяться, что убытка не будет. К тому ж, может быть, и очень вероятно, что Смирдин согласится и купить издание, уже в Москве напечатанное. И так остается решить вопрос: где, сколько экземпляров, в каком формате и в каком порядке печатать? А всех этих вопросов я без тебя решать не могу: тебе гораздо больше меня приличествует решать их, потому что и первая часть собрания, и большое количество, и лучший цвет песен принадлежит тебе. Хочешь издавать вместе и на заглавном листке написать: *изданное Н. Языковым и П. Киреевским*? Как ты об этом думаешь? Решай все эти вопросы, пиши, как мне действовать и вести переговоры, – и тогда уже можно будет приступить к решительным мерам. Я покуда буду хлопотать о переписывании, сличать, приводить в порядок и писать к тебе о результатах, из того произойти имеющих.

Вот покуда все главнейшее о песнях...»²⁵⁸.

---

²⁵⁸ Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений в четырех

14 ноября 1833 года А. П. Елагина-Киреевская писала В. А. Жуковскому: «Петр уже три месяца не встает с постели. Мучительную и опасную болезнь переносит он с какой-то ненынешней твердостью <...>. Когда ему лучше, он роется в преданиях, составляет, выправляет легенды, нынешним летом собранные у нищих, песни русские и пр.»²⁵⁹ В другом письме, от 23 ноября 1833 года, она сообщает о том же: «Иван другой месяц болен и уныл, Петр уже три. Он перевел “Отелло”, “Венецианского купца”, теперь занят изданием русских песен и легенд; у него собрано тех и других большое количество, и дело будет важное и полезное. Будет ли, впрочем? Как угодно судьбе! Мы все живем давно *sur le qui vive*²⁶⁰ и смотрим в двери: кто постучится?..»²⁶¹.

17 января 1834 года П. В. Киреевский писал Н. М. Языкову: «Ты, верно, заметил в газетах, что Пушкин – камер-юнкер²⁶². Когда он проезжал через Москву, его никто почти не видал; он пробыл здесь только три дня и никуда не показывался, потому что ехал с бороною, с которой ему хотелось показаться жене. Уральских песен, обещанных перед отъездом туда, он, кажется, ни одной не привез, по крайней ме-

---

томах. Т. 3. С. 376–380.

²⁵⁹ Литературное наследство. М., 1968. Т. 79. С. 39.

²⁶⁰ Находясь начеку (*фр.*).

²⁶¹ Литературное наследство. М., 1968. Т. 79. С. 39–40.

²⁶² 1 января 1834 года А. С. Пушкин записал в своем дневнике: «Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам)» (Лотман Ю. М. Пушкин. СПб.: Искусство – СПб, 2003. С. 172).

ре, мне не присылал»²⁶³. Сообщив, таким образом, Языкову о возвращении А. С. Пушкина из мест восстания Емельяна Пугачева, П. В. Киреевский возвращается к отчету перед другом о ходе подготовки к изданию Собрания русских народных песен и стихов: «Песни идут своим чередом, хотя и медленнее, чем я ожидал. Надеюсь скоро дать тебе подробнейший об них отчет. Покуда скажу только, что исторических оказывается, не считая вариантов, около ста»²⁶⁴.

К концу января – первой половине февраля 1834 года, несмотря на болезнь П. В. Киреевского, к изданию была подготовлена уже значительная часть материалов: «одних исторических считается уже сто одиннадцать номеров без вариантов, а с вариантами около 200. Всего же 1203 номера песен и 100 стихов, и все это еще без прикосновения к печатным»²⁶⁵. «Ах, братец, – обращается П. В. Киреевский к Н. М. Языкову 21 февраля 1834 года, – коли б ты был здесь! Тот бы расцвели наши песни! А без тебя они сиротствуют. Я хотя и весь в них, душой и телом, а все-таки чувствую, что не по силам мне одному быть нянькой этого царственного дитяти. От удовлетворительных и даже неудовлетворительных примечаний я, на первый раз, должен во всяком случае отказать, но боюсь, чтоб даже и в самом расположении тек-

---

²⁶³ Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений в четырех томах. Т. 3. С. 389.

²⁶⁴ Там же.

²⁶⁵ Там же. С. 390.

ста не вышло важных ошибок, а тем больше еще в сличении вариантов, это дело не совсем легкое. А без тебя мне помочь некому. К тому же еще вот беда: я надеялся, что как скоро все будет приведено в порядок, то печатание продолжится не более двух месяцев, а теперь Максимович уверяет, будто никакая типография не возьмется печатать больше 4-х листов в неделю. Этаким образом печатание продолжится около года, потому что здесь нужно больше аккуратности, нежели во всех других книгах, а между тем уже весна на дворе, а весной я должен буду уехать²⁶⁶. Уехать, не кончивши издания, мне бы очень не хотелось, а разрешение вопроса, как же с этим быть, ставит меня в совершенный тупик.

Если ты уж так крепко уперся в своих волжских сторонах, то, пожалуйста же, помоги мне хоть заочным советом. Пиши все, что тебе придет в голову об издании, об расположении, об сличке вариантов и пр., и пиши, пожалуйста, поскорее, потому что мне бы хотелось в начале поста уже подать их в цензуру. Вот тебе покуда еще несколько об них подробностей: число песен, у меня теперь находящихся, еще не прикасаясь к печатным песенникам, состоит со всеми вариантами из 1210 номеров. Кроме того, стихов, также считая варианты, 100.

Соболевский²⁶⁷, занимающийся в Петербурге собранием

---

²⁶⁶ П. В. Киреевский предполагал сопровождать мать в поездке за границу, где и сам намеревался пройти курс лечения.

²⁶⁷ Сергей Александрович Соболевский.

печатных песен (и становящий меня в великое недоумение своим замедлением), обещает привести оных еще около 1000 номеров. Следовательно, все составит около 2300, и можно предположить, что даже за исключением незначительных вариантов останется около 2000. Тут будет где разгуляться изучателю русского слова и духа и народных преданий! В числе находящихся теперь у меня 1210 заключено 112 исторических (и это без вариантов, а с вариантами их <? >), а между ними такие сокровища, существования которых я прежде и не подозревал. Вот тебе подробное их исчисление: “О богатырях Владимира Великого” 14 номеров (с вариантами 19), – это, очевидно, отрывки из больших поэм, которые, как я со временем надеялся доказать, будучи отделены от напева и гуслей, превратились в теперешние сказки. То же, вероятно, было и с позднейшими, до Петра I. «Об Иване Васильевиче Грозном» 12 номеров (и вариантов 29). Из времени междуцарствия 5, и в этих песнях заключены почти все важнейшие происшествия того времени, вот их заглавия: 1-е. “Смерть Годунова”, про которого сказано, что он умертвил себя с горя ядом змеиным; 2-е. “О Григории Отрепьеве и об избрании В. Шуйского”; 3-е. “О попе Емеле”; 4-е. “О Прокофий Петровиче Ляпунове”, который, как сказано, убит изменниками, подкупленными Сигизмундом; 5-е. “О Минине Сухоруком, о предложении венца князю Пожарскому и об избрании Михаила Федоровича”; “О времени Алексея Михайловича” и, по большей части, о Стеньке Ра-

зине, 3 номера (и вариантов 11); “О Петре Великом” 17 номеров (и вариантов 20); “О семилетней войне” 11 номеров (с вариантами 36); новейшие, то есть о Пугачеве, Румянцеве и двенадцатом годе 18 (с вариантами 28); неразысканных, но по большей части ясно принадлежащих ко временам допетровским 28 номеров (с вариантами 55). Из этого ты видишь, что я, отправляясь бродить по различным сторонам России, могу смело надеяться найти всю русскую историю в песнях!!

Напиши, пожалуйста, если помнишь, в каких уездах и селах собираемы были песни, тобою присланные. Да не можешь ли объяснить мне имена и происшествия, которые особенно должны быть известны в вашей стороне и находятся в числе неразысканных 28 номеров, а именно: кто и когда был вор Копейкин? Что у вас рассказывается о девице – атамане разбойников и к какому времени ее отнести? Кто и когда был Рычков – атаман? Когда был атаманом Яицкого войска Алексей Иванович Митрясов? Когда и где был разбойник Колесов, который с товарищами, Тошею и Мошкою Медным Лбом, ехал мимо села Загорина к тому селу Шереметеву? Кто был казак Емельян Иванович? Да не случится ли тебе где-нибудь встретить объяснение следующим песням, которые и по складу, и по содержанию должны быть о чем-то древнем: 1) “Князь Роман жену терял” – эту ты знаешь из варианта, находящегося в собрании Кирши Данилова; 2) Над безобразием какого-то князя Димитрия Степановича – Горбатого, Косого, Курносого, Долгозубого и Кривоногого –

смеется его невеста Домна Фалелеевна, он подслушивает ее слова, скрывает свою досаду и убивает ее после свадьбы; 3) Какой-то князь Михайло уезжает на царскую службу и поручает матери свою молодую княгиню, а мать велела баню топить и горюч камень разжигать и положила этот раскаленный камень молодой княгине на белые груди:

Она в первый раз закричала,
А в другой-то застонала,
А в третий замолчала.

Итак, возвращается князь Михайло, находит свою княгиню мертвую в Грановитой палате; 4) Какая-то прекрасная Елена, дочь королевская, впускает ночью любовника в свой высок терем; мать услышала ее слова и спрашивает, кого она называет милым другом? А Елена выпутывается тем, что будто бы она видела во сне ее (то есть мать) и во сне ее так называла; 5) Какой-то князь Голицын возвращается с полками в Москву и пробирается переулками, потому что ему городом ехать стыдно. Он останавливается против Успенского собора и молится, скинув свою соболью шапку, потом упрекает царя, зачем он больших господ жалует, а чернь разоряет и, наконец, просит, чтобы царь ему пожаловал город Малый Ярославец. Царь ему отвечает:

Я тебя, князь Голицын, жалую
Двумя столбами с перекладиной.

На шею на твою шелковую петельку.

Это, как ты видишь, происшествия частные, на которые можно в истории наткнуться только случайно. Не мудрено, что тебе хоть одно из них как-нибудь встретится.

Куда ты думаешь лучше отнести песни исторические? К песням ли или к стихам? Некоторые из них поются как стихи, другие, и особенно допетровские, как простые песни, а разделять их хронологический ряд было бы жалко.

Я думал было сначала начать печатание со стихов и песен исторических, потом приступить к балладическим и так далее, но теперь, мне кажется, лучше начать обратно, то есть с элегий, как легче других обходящихся без примечаний, чтобы хоть несколько выиграть времени для труднейших. Разряды я разобрал следующие, для которых еще, впрочем, не приискал приличных названий, в этом ты мне помоги: 1) элегии любовные; 2) романсы; 3) баллады; 4) свадебные, хоропроводные и вообще обрядные; 5) воинственные, разбойничьи и солдатские; 6) исторические и, наконец; 7) стихи религиозные.

Что ты обо всем этом думаешь?»²⁶⁸

Таким образом, зима 1833/34 годов – это время активной подготовки П. В. Киреевским «Собрания русских народных песен». Петр Васильевич торопится с публикацией. Им про-

---

²⁶⁸ Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений в четырех томах. Т. 3. С. 390–394.

думаны не только концепция издания, но и его затраты, рентабельность; ведутся переговоры с типографией. 24 февраля 1834 года, будучи очень занят работой над песнями, П. В. Киреевский писал к отчиму А. А. Елагину: «Не возневайтесь и т. д., пожалуйста, что я до сих пор вам не писал! В среду у меня уже и бумага была на столе, да и тут нашлись помехи, которые помешали: столько хлопот, я думаю, давно уж ни у кого на свете не бывало. Деньги я получил аккуратно и весьма чувствительно вам благодарен за их скорое прислание, но, увы! они истекают из рук моих, аки потоки весенние с крутизны горной, я, вероятно, вскоре после вашего возвращения, опять *пойду на вас*. Издание, хоть и не подверженное по всем человеческим расчетам никакой опасности убытка, будет, однако же, стоить довольно значительных сумм, и особенно вначале, тем больше что надобно будет печатать в пяти типографиях вдруг и, следовательно, бумагу заготовить разом на все издание, что одно уже составит около 1000. Нынче же еду забирать подробнейшие справки в типографиях, а покуда выходят, по нашим расчетам, следующие результаты: издание будет состоять из пяти больших томов, листов в 20 каждый; напечатать их станет около 4000, и если пустить по 20 рублей ассигнациями экземпляр, то 300 экземпляров уже совершенно покрывают издание. Риску, кажется, нет. А печатать в *пяти* типографиях разом (разумеется, прииславши одинаковый шрифт) необходимо для того, что в одной типографии больше 4-х листов в неделю тискать невозможно, а

в таком случае печатание продлилось бы год и остановило бы мой отъезд. К тому же это предохранит и от воровства типографий. Но об этом мы будем подробнее беседовать с вами после вашего возвращения, а между тем я короче (подробнее) узнаю все подробности и обстоятельства»²⁶⁹.

И вот, когда работа над изданием близилась к концу и перед П. В. Киреевским лежала громадная коллекция песен, разложенных на пять томов, по 20 авторских листов каждый²⁷⁰, готовых уйти в цензурный комитет и далее в типографию, он приостанавливает работу и 15 мая 1834 года уезжает в *новгородскую фольклорную экспедицию*. Почему? Пролить свет на этот вопрос помогают письма Петра Васильевича, написанные в Осташкове и Новгороде²⁷¹.

Осташков. 3 июля 1834 года

П. В. Киреевский родным

Совсем не от лениости пишу к вам опять несколько строчек. Много хотелось бы написать всем вам, да дело в том, что я за полчаса перед этим и не думал, что надобно писать сей же час, чтобы письмо пошло к вам в понедельник. Случилась, совсем для меня неожиданно, ярмарка, на которую надо сначала плыть 40 верст по Селигеру, а потом ехать 25

---

²⁶⁹ Там же. С. 394–395.

²⁷⁰ Литературное наследство. М., 1968. Т. 79. С. 40.

²⁷¹ Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений в четырех томах. Т. 3. С. 397–402.

верст на лошадях; надобно сейчас же на нее отправляться, потому что дует попутный ветер, а случая пропустить нельзя. Эта ярмарка начнется в пятницу и будет продолжаться целых четыре дня, стало быть, можно надеяться на добычу. А там вслед за ней начнется в день Казанской Богородицы еще ярмарка в Вышнем Волочке, которая продолжится 2 недели. Еще не знаю, удастся ли попасть в Волочок, потому что он от места первой ярмарки верст полтора, а в бричке через Селигер нельзя ехать, но может быть, что решусь и туда заехать дня на два, на три. Во всяком случае буду писать к вам из Волочка. Вы, однако же, все-таки пишите ко мне в Осташков, потому что я не замедлю воротиться. Кажется, я попал наконец на свою колею и не возвращусь оттуда с пустыми руками. Обо мне не беспокойтесь: я, слава Богу, и здоров, и весел. Крепко вас всех обнимаю...

Осташков. 23 июля 1834 года

П. В. Киреевский родным

Все это время я был в разъездах: 11 ночью приплыл из своего (опять неудачного) похода в Новгородскую губернию, где пробыл целую неделю, и через два дня после возвращения опять уплыл верст за 12 от Осташкова на сельский праздник, где пробыл еще три дня. Вся моя добыча, привезенная из этой вылазки: 2 утки, 3 чайки и 20 свадебных песен. Что делать! Авань-либо Новгород будет счастливее. Наконец, я уже нанял коней, чтобы отправиться по новгород-

ской дороге, и выезжаю послезавтра рано поутру. Итак, вы уже теперь не пишите мне в Осташков, а пишите в Новгород, а я, приехавши туда, отыщу письма и полажу с почтмейстером. Я поеду по старорусской дороге, сверну в сторону, чтобы посмотреть верховье Волги (которая точно так же выходит из Селигера, как Днепр из Балтийского моря!) и потом прямо в Старую Русь, а оттуда, если можно будет поставить бричку на пароход, через Ильмень в Новгород, куда и приеду 30 или 31, если не задержат недостаток лошадей и ветры ильменские.

Новгород. 6 августа 1834 года

П. В. Киреевский родным

Ездить отсюда некуда, кроме разве некоторых монастырей, и предания здесь только одни могилы и камни, а все живое забито военными поселениями, с которыми даже и тень поэзии несовместима. Стало быть, на песни здесь мало надежды, зато надобно хорошенько рассмотреть и узнать здешнюю каменную поэзию, еще богатую. До сих пор еще я мало мог ходить по городу от несносных жаров, от которых и дома ничем заняться невозможно, а когда я в первый раз взглянул на Новгород с волховского моста, при солнечном захождении, он мне представился в самом величественном виде. И случай этому много помог: верст за 40 в окрестностях горят леса, и дым от них доходит досюда; в этом дыме, соединившемся с волховскими туманами, пропали все промежут-

ки между теперешним городом и окрестными монастырями, бывшими прежде также в городе, так что город мне показался во всей своей прежней огромности, а заходящее солнце, как история, светило только на городские башни, монастыри и соборы и на белые стены значительных зданий; все мелкое сливалось в одну безличную массу, и в этой огромной массе, соединенной туманом, было также что-то огромное. На другой день все было опять в настоящем виде, как будто в эту ночь прошли 300 лет, разрушивших Новгород. Мне удалось найти квартиру на берегу Волхова против Святой Софии и Новгородского кремля, и хотя моя комнатка внутри премерзкая, зато могу любоваться самым лучшим видом в Новгороде. Новгородский кремль еще сохранил, по счастью, свою почтенную полуразрушенность, а Софийский собор, также уцелевший неприкосновенно, – самое прекрасное здание в России, какое я видел в России.

Кроме одного, впрочем, весьма пустого свитского офицера, я здесь ни с кем еще не познакомился и едва ли с кем познакомлюсь, кроме разве купца, о котором вы пишете и которого я постараюсь отыскать. Мне и самому будет весело, если только я буду знать, что вы все здоровы и веселы или, по крайней мере, стараетесь, чтобы вам было весело.

Новгород. 1 сентября 1834 года
П. В. Киреевский Н. М. Языкову
Повинную голову меч не сечет!

Я хотя и в самом деле виноват перед тобой, но, может быть, меньше, нежели ты думаешь, потому что хотелось дать тебе поподробнее отчет о плодах моей поездки, а кроме того, и стыдно было признаться, что этих плодов так мало! Теперь, хоть стыдно, пришлось признаваться, потому что дело уже приходит к концу, а лето вознаградить трудно.

Дело в том, что я ошибся в расчетах, думая, что собирать песни везде так же легко, как в Ильинском или Архангельском. Наши уже писали тебе, что я еще с 15 мая выехал из Москвы на странствие. Рассматривая карту России, думал я, что всего лучше выбрать для этого какой-нибудь маленький городок в стороне, богатой событиями историческими и вдалеке от всякой большой дороги, а потому и от моды, и, основавши в этом городке свою главную квартиру, делать вылазки по окрестностям. Для этого, сообразуясь только с одной ландкартой, выбрал Осташков. Но уже приехавши в Осташков, я узнал, что он не таков, каким я себе воображал его. Я воображал, что найду глушь, а вместо того нашел едва ли не самый образованный уездный город в России, в котором всякий кузнец и всякая пряничница читают «Тысячу и одну ночь» и уже стыдятся бородатых песен, а поют: «Кто мог любить так страстно» и даже «Мчится тройка удалая»; нашел там даже довольно порядочную библиотеку для чтения, заведенную мещанами, у которой из добровольных приношений уже составилось около тысячи рублей ежегодного дохода и об которой буду писать к тебе подробнее в другой раз. Все

это не могло меня не порадовать, однако не было благоприятно для песен. Я надеялся еще на окрестности и прожил там с лишком два месяца, разъезжая по деревенским ярмаркам. И в самом деле, в тамошнем уезде можно было бы собрать много любопытного, но только – не в таких обстоятельствах, в каких я там был. Чтоб иметь успех, надобно было 1) иметь какой-нибудь посторонний предлог для житья в Осташкове и 2) знакомство с помещиками, а у меня ни того, ни другого не было, а потому меня там не только в простонародье, но даже и в тамошнем beau-monde боялись, как чумы, воображая во мне сначала шпиона, а потом карбонария. Поэтому было со мной множество уморительных, самых донкишотских приключений (о которых после), но в песнях совершенная неудача. Я бросил, наконец, Осташков и явился сюда, в Великий Новгород, где живу уже целый месяц. Но здесь еще хуже. Военные поселения, обозначив каждого обывателя номером и надевши на всех либо красные, либо черные ошейники, стерли поэзию почти до последней буквы, а кроме того, и затруднения, бывшие в Осташкове, здесь еще увеличились. Неудача моя самая полная, какая только могла быть. Теперь думаю тихим шагом ехать назад и попробовать еще, не удастся ли собрать чего-нибудь по дороге, тем больше что в Торжке 15 сентября будет ярмарка.

Все приобретения, сделанные в это лето (кроме одного стиха о Скопине-Шуйском), ограничиваются совершенными пустяками: десятка 3 свадебных песен (где встречаются сло-

ва очень древние, как, например, ‘комони’ и пр.), очень хороший и полнейший из всех вариант «Лазаря» и несколько любопытных образчиков белорусского наречия, сказанных нищею из Могилевской губернии.

Об остальном и говорить не стоит.

Вот тебе покуда моя исповедь вообще. Больше буду писать скоро, а ты покуда не сердись на меня...

Как мы видим из писем П. В. Киреевского, он был глубоко разочарован своей поездкой в Новгородскую губернию. Во-первых, Петр Васильевич ощутил на себе преследования местных властей, чинивших ему всяческие препятствия. «Когда он²⁷² нынешнее лето, – писала А. П. Елагина-Киреевская, – собирал в Осташкове нищих и стариков и платил им деньги за выслушивание их нерайских песен, то городничему показался он весьма подозрителен, он послал рапорт к губернатору; то же сделали многие помещики, удивленные слишком скромными поступками такого чудака, который, по несчастию, называется студентом. Губернатор послал запрос Малиновскому²⁷³, а тот по обыкновенному благородству своего характера отвечал, что он Киреевского не знает!»²⁷⁴ Во-вторых, собирателю не удалось услышать, а сле-

---

²⁷² Петр Васильевич Киреевский.

²⁷³ Алексей Федорович Малиновский.

²⁷⁴ Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений в четырех томах. Т. 4. С. 472.

довательно, записать подлинных песен о новгородской старине. Значит, он рассчитывал существенно пополнить Собрание историческими песнями древнего Пскова и Великого Новгорода. Правда, из факта весеннее-летней экспедиции 1834 года вряд ли следует делать вывод, что без песен о Господине Великом Новгороде П. В. Киреевский не мог начать издание «Собрания русских народных песен». Задержка печати, скорее всего, объяснялась проволочками цензуры. К такому выводу приводят нас свидетельства, изложенные значительно позднее И. В. Киреевским²⁷⁵.

1844 год

И. В. Киреевский П. В. Киреевскому

<...> Если министр²⁷⁶ будет в Москве, то тебе непременно надобно просить его о песнях, хотя бы к тому времени тебе и не возвратили экземпляров из цензуры. Может быть, даже и не возвратят, но просить о пропуске это не мешает. Главное, на чем основываться, – это то, что песни народные, а что весь народ поет, то не может сделаться тайною, и цензура в этом случае столько же сильна, сколько Перевошиков над погодою. Уваров, верно, это поймет, также и то, какую репутацию сделает себе в Европе наша цензура, запретив народные песни и еще старинные. Это будет смех во всей Гер-

---

²⁷⁵ Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений в четырех томах. Т. 3. С. 104, 111, 117.

²⁷⁶ Сергей Семенович Уваров.

мании.

А тебе в самом деле без стиховного отдела мудрено издавать. В этом-то и главная особенность твоего собрания. Лучше бы всего тебе самому повидаться с Уваровым, а если не решишься, то поговори с Погодиным²⁷⁷.

15 мая 1844 года

И. В. Киреевский П. В. Киреевскому

<...> О песнях твоих нельзя ли написать еще раз к.²⁷⁸. А то ты, пожалуй, способен отложить еще на год. Хотя я и очень рад бы был твоему приезду, но еще лучше желал бы тебя видеть с книгою, чем с рукописью. Кто притеснил Языкова²⁷⁹ и принудил его бросать свой бурмицкий бисер в такую выпачканную свинью?

Москва. 28 января 1845 года

И. В. Киреевский В. А. Жуковскому

<...> Кстати, к песням из собрания, сделанного братом, один том уже почти год живет в петербургской цензуре, и судьба его до сих пор еще не решается. Они сами знали только песни иностранные и думают, что русские – секрет для России, что их можно не пропустить. Между русскими песнями и русским народом – петербургская цензура! Как буд-

---

²⁷⁷ Михаил Петрович Погодин.

²⁷⁸ Возможно, Егор Евграфович Комаровский.

²⁷⁹ Николай Михайлович Языков.

то народ пойдет спрашиваться у Никитенки²⁸⁰, какую песню затащить над сохой...

Параллели напрашиваются сами собой.

И все же, при всех своих сложностях и перипетиях, Осташковско-новгородская поездка П. В. Киреевского имела немаловажно значение для становления научной фольклористики. Здесь мы видим и определенность цели: запись песен в заранее намеченном районе. Характерна и проявившаяся взаимосвязь между собиранием русских народных песен и просветительской работой. Об этой стороне деятельности П. В. Киреевского свидетельствует следующее письмо, направленное 22 июля 1835 года в Москву из Осташкова попечителем Стефаном Савиным, товарищем попечителя Николаем Девянатовым и библиотекарем Алексеем Серебрянниковым: «Милостивый государь Петр Васильевич! В почтенном письме Вашем прошлого года в июле месяце Вам угодно было удостоить Осташковскую гражданскую библиотеку для чтения лестным одобрением с пожеланием принять участие в существенном составе оной и пожертвовать в пользу кассы общества библиотеки сумму Вашего залога. Ныне же вторично библиотека удостоена новым даром Вашим 13 числа сего месяца, а почтою получены от Вас 14 томов книг, самими гг. сочинителями и издателями оных назначенные. Общество членов Гражданской библиотеки примерное сие вни-

---

²⁸⁰ Александр Васильевич Никитенко.

мание Ваше к приумножению предметов в состав оной и редкое усердие сделать библиотеку нашу по возможности более известною, рекомендуя таким образом, труды коих по частям ученой и литературной давно уже стяжают им достойную славу, и самое пожертвование Ваше, знаменующее любовь к просвещению, приняв с особенным уважением, представило нам, избранным для управления делами оной, свидетельствовать сим от Общества членов полную Вам признательность и покорнейше просить передать равномерную благодарность нашу гг. Погодину²⁸¹, Хомякову²⁸², Павлову²⁸³ и Лихонину²⁸⁴ и тем из гг. сочинителей и переводчиков, коим не угодно было означить свои фамилии. Исполняя с удовольствием приятный для нас долг сей, имеем честь быть с совершенным почтением Ваши милостивого государя покорные слуги»²⁸⁵.

Опыт собирания народных песен и стихов, полученный П. В. Киреевским в 1831, 1832 и особенно в 1834 годах, а также их переписывание, редактирование и составление привели к созданию необходимых правил письма:

«1. Каждую строку начинать прописною буквою.

---

²⁸¹ Михаил Петрович Погодин.

²⁸² Алексей Степанович Хомяков.

²⁸³ Николай Филиппович Павлов.

²⁸⁴ Михаил Николаевич Лихонин.

²⁸⁵ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ), ф. 99, п. 9, ед. хр. 19.

2. Знаки ставить, где они означены.

3. Там в строке, где стоит //, нужно делать две строки или два стиха.

4. Там, где проведены под словами черты ≡, нужно те слова помещать в другой строке.

5. Те слова, которые на конце стиха так подчеркнуты, нужно ставить в начале другой строки или повторять в другом стихе.

6. По окончании песни нужно оставлять ту осьмушку, на которой она переписывалась.

7. Сказки переписывать на четвертке листа, оставляя почти в половину поля и каждую на отдельной тетради.

8. Стихи также на четвертке, только без поля.

9. Загадки или замечания, встречающиеся наряду с песнями, не переписывать.

10. Наблюдать как можно вернее правильность в словах, а для этого нужно прежде всего разбирать, а потом уже писать»²⁸⁶.

Сам факт наличия в архиве П. В. Киреевского некой инструкции по переписыванию песен способен объяснить ряд фраз, содержащихся в письмах Петра Васильевича родным. Так, еще в 1826 году Петр Васильевич писал к матери: «Университет долбинский здравствует и благоденствует, в нем теперь находится около пятнадцати человек студентов мужского и женского пола, которые все уже пишут очень порядоч-

---

²⁸⁶ НИОР РГБ, ф.125, п. 44.

но и хорошо. Но метода долбинского Сократа²⁸⁷, потому что немногие еще складывать умеют, хотя хорошо пишут. Папенька²⁸⁸ намерен дать ему некоторые наставления в этом отношении и по следующей почте прислать вам несколько автографов долбинских каллиграфов»²⁸⁹. А вот письмо от 1 декабря 1837 года, направленное Петром Васильевичем из Киреевской Слободки сестре Марье Васильевне: «У нас тут выпал снежок, хотя еще и небольшой; как-то у вас? Напишите, пожалуйста, поаккуратнее, что у вас делается? Посылаю к тебе мужика с бумагою для песен; но песни тут, между нами будь сказано, больше взяты предлогом, а ты не торопись их писать, потому что они мне еще будут нужны не очень скоро; а если скоро собираетесь, то и совсем не пиши, а передай нашим долбинским»²⁹⁰.

В контексте «правил как писать» и «университет долбинский», и «долбинские каллиграфы», и «нашим долбинским» – это все свидетельства наличия в доме Елагиных-Киреевский своих писарей, подготовленных из крепостных крестьян. Вероятно, именно эти люди переписывали литературные работы членов семьи, а также значительную часть «Собрания русских народных песен и стихов» П. В. Киреевского.

---

²⁸⁷ Иван Васильевич Киреевский.

²⁸⁸ Алексей Андреевич Елагин.

²⁸⁹ НИОР РГБ, ф. 99, п. 7, ед. хр. 58.

²⁹⁰ НИОР РГБ, ф. 99, п. 8, ед. хр. 16.

Через три с половиной года после своей экспедиции в Новгородскую губернию П. В. Киреевский напишет «Песенную прокламацию о собирании русских народных песен и стихов», которая будет напечатана в «Симбирских губернских ведомостях» 14 апреля 1838 года.

О СОБИРАНИИ РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН И СТИХОВ

(ПЕСЕННАЯ ПРОКЛАМАЦИЯ)

Желая сохранить остатки нашей народной поэзии, особенно *песни* и так называемые *стихи*, мы собрали в течение нескольких лет и приготовили к печати большое их количество. Опыт нам показал, что необходимо спешить с собиранием этих драгоценных остатков старины, приметно исчезающих из памяти народа с переменою его нравов и обычаев; что важно и в этом деле общее участие всех дорожащих спасением нашей своенародной словесности от конечного ее истребления и что для полного издания *песен* и *стихов* необходимо, чтобы они были записаны везде, где это возможно.

При записывании *песен* особливо могут быть полезны люди престарелые: они более дорожат верностью дошедших до них песен и менее

подвергались нововведениям. Записывать должно сначала со слов, потом поверять с голоса, ибо люди, привыкшие петь *песни*, обыкновенно лучше вспоминают их, когда поют, нежели когда рассказывают.

Песни, которые поются в народе, должны быть записываемы слово в слово, все без изъятия и разбора, не обращая внимания на их содержание, краткость, нескладность и даже кажущееся бессмыслие: иногда поющий смешивает части нескольких песен в одну, и настоящая *песня* открывается токмо при сличении многих списков, собранных в различных местах.

Стихи, каковы: о Лазаре убогом, об Алексее, Божиим человеке, о Страшном суде, о Борисе и Глебе и пр., – поются нищими, особенно слепыми (всего чаще на ярмарках), и вообще простолюдинами во время постов. Они заслуживают особенное внимание потому, что никогда издаваемы не были, хотя заключают в себе высокую поэзию предмета и выражения.

Надеясь, что соотечественники наши примут участие в этом общественном деле, мы покорнейше просим доставлять стихи и песни в г. Симбирск на имя г-на гиттенфервальтера²⁹¹ Петра Михайловича Языкова.

К работе над текстом Прокламации П. В. Киреевский привлечет Н. М. Языкова и А. С. Хомякова. Так в русской фольклористике появится первый документ, формулирую-

---

²⁹¹ Гиттенфервальтер (нем. Huttenverwalter, от Hutte – плавильня, и Verwalter – управляющий) горный чиновник 10-го класса.

ций научные принципы записи произведений народной поэзии.

В 1834 году о «Собрании русских народных песен и стихов» П. В. Киреевского становится известно в широких литературных кругах Москвы и Санкт-Петербурга. Этому способствует не только литературная молва, но и публикация Петром Васильевичем нескольких песен в альманахе «Денница»²⁹². М. А. Максимович напечатал, в частности, песню об обороне Пскова от Стефана Батория, песню-жалобу на жизнь в чужой стороне и песню-балладу о солдате, вернувшемся в родной дом и не узнавшем жену. Это было в определенном смысле событие. «Какое драгоценное собрание! – писал Н. В. Станкевич Я. М. Неверову 15 декабря 1833 года. – Несколько песен будет напечатано в “Деннице”. Я видел некоторые листки ее – эти песни чудесны. Вот еще достоинство: они, кажется, без всяких поправок, в оригинальной глубокости»²⁹³. В «Московском телеграфе»²⁹⁴ появилась критика Н. А. Полевого, оспаривавшего некоторые положения, высказанные в комментарии к песне об обороне Пскова, но в целом приветствовал появление народных песен в «Деннице».

---

²⁹² Денница. М., 1834. С. 153–167.

²⁹³ Переписка Н. В. Станкевича. 1830–1840 / ред. и изд. А. Станкевича. М., 1914. С. 268.

²⁹⁴ Московский телеграф. 1834. № 2. С. 335–338.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.